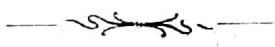

У 353 М. Бородинъ.
163

СОВРЕМЕННЫЯ
БЕСѢДЫ.

II.
О СОЦІАЛИЗМѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28.
1907.

U $\frac{353}{163}$ М. Бородинъ.

✓
снб

СОВРЕМЕННЫЯ
БЕСѢДЫ.

—
II.
О СОЦІАЛИЗМѢ.

—
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., с. 1., 28.
1907.

3634

12786-46

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Измѣненія въ экономическомъ быту человѣка. Соціализмъ во время фран- цузской революціи 1789 г. Утописты. Исторія распространенія соціализма.	3
II. Опредѣленіе понятія «соціализмъ». Соціализмъ и соціальное движеніе. Карль Марксъ и критика Бернштейна.	32
III. Разборъ положеній соціализма: о трудѣ и капиталѣ. Предприниматель и работникъ. Собственность. Про- летарій	58
IV. Невозможность устройства общества по планамъ соціалистовъ. Всемирное царство. Интернаціональ. Обезличе- ніе человѣка и стѣсненіе его свободы.	87
Соціализмъ въ Россіи	117

	СТР.
V. Християнскій соціалзмъ. Отношеніе соціалзма къ религій. Причини распространенія соціалзма. Миѣніе Менделѣева	125
VI. Значеніе для общества матеріальнаго блага и идеализма.	165

О СОЦІАЛИЗМЪ.

О социализмѣ.

I.

Приступаю къ изложенію социализма. Вопросъ обширный. Онъ имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Попытаюсь послѣдовательно ввести васъ въ кругъ понятій объ этомъ ученіи. Начну съ его зарожденія и расскажу затѣмъ его постепенное рожденіе. Представлю, какъ изъ маленькихъ ручейковъ составились тѣ бурные и мутные потоки, которые внушаютъ всѣмъ здравомыслящимъ трепетъ за будущее народовъ.

Подъ социализмомъ понимается направленіе, стремящееся къ коренной общественной реформѣ, а еще болѣе—къ реформѣ экономическихъ условий. Социализмъ стремится къ справедливому распредѣленію матеріальныхъ благъ между членами общества. Социализмъ есть стремленіе переустроить хозяйственную жизнь общества на разумныхъ основаніяхъ. Этому онъ надѣется достигнуть уничтоженіемъ

права частной собственности на средства производства, т.-е. онъ желаетъ установить, чтобы земля, фабрики, сырой матеріалъ, машины и пр. и пр. принадлежали не частнымъ отдѣльнымъ лицамъ, а чтобы всѣмъ этимъ распоряжалось или общество или государство.

Чтобы понять послѣдующія объясненія, необходимо усвоить себѣ еще одно опредѣленіе. Подъ коммунизмомъ понимается именно такой общественный порядокъ, въ которомъ отсутствуетъ частная собственность, гдѣ все общее, все принадлежитъ всѣмъ. Коммунизмъ—отдаленная цѣль социализма. Слѣдовательно, социалисты желаютъ водворенія коммунизма, т.-е. устроить такъ, чтобы всѣ лица (индивиды) были допущены къ пользованію собственностію. (Это, между прочимъ, исторически и логически вытекаетъ изъ лозунга французской революціи: свобода, равенство и братство).

Для кого работаетъ социализмъ? Кому онъ желаетъ принести пользу? Чьи ближайшіе интересы онъ отстаиваетъ? Отвѣтъ: пролетаріата.

Подъ пролетаріатомъ понимается общественный классъ на Западѣ, подобно классу дворянства, классу мелкой буржуазіи, — мѣщанства или ремесленному, — а также классу буржуазіи, являющейся представительницей капиталистической хозяйственной системы (это частные собственники). Послѣ класса дворянства и буржуазіи слѣдуетъ классъ пролетаріевъ. Пролетаріи — не жалкіе оборванцы, голяки, не крайняя нищета, это—всѣ слои населенія, состоящіе на службѣ и на платѣ у капиталистовъ пред-

принимателей. Иначе говоря, пролетаріи—свободный рабочій людъ.

Въ социализмѣ олицетворяется борьба рабочихъ классовъ съ капитализмомъ, т.-е. частной собственностію.

Въ виду того, что описанный социализмъ оперируетъ въ области матеріальной, экономической, необходимо бросить взглядъ на развитіе экономического быта человѣчества.

Какъ шли измѣненія въ экономическомъ быту человѣка? Какъ родился социализмъ?

Такъ ужъ заведено, что почти въ каждомъ дѣлѣ необходимо заглянуть въ сумракъ прошедшаго.

Пробѣжимъ быстрымъ взглядомъ главнѣйшія изъ экономическихъ измѣненій, дабы понять, почему теперь социализмъ занялъ такое первенствующее мѣсто въ жизни народовъ.

Первобытный человѣкъ, особенно въ теплыхъ странахъ (гдѣ онъ первоначально и селился), имѣлъ мало потребностей и легко удовлетворялъ ихъ. Природа служила ему готовой скатертью, на которой все нужное было заготовлено и разставлено. Плоды растений, животныя и рыбы доставались почти безъ труда. Шалашъ изъ вѣтвей и звѣриныя шкуры прикрывали обывателя.

Но и при этихъ условіяхъ требовался нѣкоторый трудъ, чтобы напиться и одѣться.

Съ первыхъ же шаговъ человѣку нужно было обзавестись собственностію. Шалашъ дѣлался достояніемъ строившаго его, а шкура звѣря—изловившаго или убившаго его.

Населеніе росло. Природа, случалось, не давала урожая. Даровыя произведенія земли уменьшались съ увеличеніемъ населенія. Животныя удалялись отъ обывателей. Нѣкоторыя породы человѣкъ приручилъ, образовавъ стада. Нужны были пастухи — присмотрщики. Человѣкъ сталъ пользоваться молокомъ и шерстью животныхъ. Пища и одежда разнообразились. Жизненные удобства одновременно и увеличивались и стѣснялись. Собственность умножалась. Жизнь усложнялась.

Кочевой образъ пришлось замѣнить осѣдлымъ. Явился постоянный домашній очагъ.

Земля, домъ, хлѣбъ и фрукты—все требовало труда. Безъ труда ничего не давалось. Земледѣліе потребовало большаго и большаго числа рукъ. Съ размноженіемъ населенія, люди заспорили между собой. Войны потребовали людей. Покоритель для работъ обращалъ покоренныхъ въ рабовъ. Онъ отнималъ и свободу, и собственность. Экономическій бытъ человѣка усложнялся и дѣлался тяжелѣй. Голодъ и лишенія нерѣдко вызывали смуты.

Въ дѣло чаще и чаще вмѣшивался законодатель, руководясь состраданіемъ, человѣколюбіемъ, и желая облегчить участь страдавшихъ, а также водворить спокойствіе и порядокъ. Христіанство и греко-римская образованность также пытались внести справедливость въ жизнь и облегчить участь порабощенныхъ.

Вспомните затѣмъ средніе вѣка. Вспомните феодаловъ въ ихъ замкахъ, окруженныхъ поробо-

щенными народами. Трудъ и благосостояніе были неравномѣрно подѣлены.

Развивалась торговля. Увеличивалось мануфактурное производство. Создавались разные классы общества: землевладѣльцевъ, капиталистовъ, ученыхъ, техникумовъ, просто рабочихъ.

Трудъ и бережливость передвигали людей изъ одного класса въ другой. Приобрѣвшій состояніе переходилъ въ классъ предпринимателей; рабочий могъ сдѣлаться капиталистомъ.

Благосостояніе въ общей массѣ росло, собственность увеличивалась, производства и торговли оживились.

Но явились и новые терніи, новыя неудобства.

Трудъ не всегда обезпечивалъ работника.

Увеличивавшееся населеніе оставляло нѣкоторыхъ совсѣмъ безъ работы. Иныхъ губила лѣнь, другихъ—невоздержанность.

Съ развитіемъ торговли явилась необходимость въ кредитѣ. Невѣрные расчеты вызывали разстройство производства. Одно производство вліяло на другое. Временами явился застой, и рабочіе оставались безъ занятій.

Изобрѣли машину, появился паровой двигатель. Они также стали сильно вліять на экономическую жизнь вообще и положеніе рабочихъ въ частности.

Экономическое благосостояніе постоянно колебалось и всегда боролось съ какими-нибудь новыми обстоятельствами и условіями. Законодательство ста-

ралось уравнивать (регулировать) его, но это далеко не всегда удавалось, въ виду крайней сложности дѣла.

Колесо счастья, постоянно вращаясь, однихъ возносило, другихъ опускало и давило.

Наука давно вперила свой взоръ въ главные факторы, пробуя помочь дѣлу, но оказывалась беспильной. Истина безъ примѣси ошибокъ никому не давалась. Наука (Политическая экономія) собирала данныя и создавала теоріи, но онѣ оказывались иногда ложными, а въ большинствѣ случаевъ недостаточными.

Горы книгъ мало помогали дѣлу, такъ какъ многіе изъ нихъ фабриковались съ предвзятымъ направленіемъ.

Тѣмъ не менѣе правильнаго освѣщенія дѣла ждуть отъ лучей науки и наука усердно работаетъ, желая облегчить участь обремененныхъ и обдѣленныхъ.

Проекты экономическихъ реформъ съ общественнымъ (соціалистическимъ) характеромъ начали являться со времени Платона († 348 до Р. Хр.).

Подобные проекты создавались обыкновенно въ періоды наибольшаго разстройства экономического быта, когда нищенство охватывало большія массы народа. Но эти же періоды отмѣчены въ исторіи смутами, волненіями, революціями. (Д. Щегловъ. Исторія соціальныхъ системъ, т. I, Спб. 1870 г.).

Наступила великая французская революція 1789 года.

Крупныя событія 1789 г. являются узломъ, въ

которомъ сходятся нити прошлаго и современнаго. Все стали перетряхать, пересматривать, переоцѣнивать.

Жанъ Жакъ Руссо въ сущности распространилъ идеи, вызвавшія великую французскую революцію со всѣми ея политическими, общественными (соціальными) и экономическими переворотами. Онъ замутилъ все, сталъ перестраивать ясныя ранѣе понятія. Въ статьѣ „Причины различія между людьми“ онъ говоритъ: „Тотъ, кто первый огородилъ кусокъ земли и вздумалъ сказать: „это принадлежитъ мнѣ“, и кому легковѣрные люди повѣрили, тотъ былъ истинный основатель гражданскаго строя. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ, убійствъ людской родъ былъ бы избавленъ, сколько бѣдствій и мерзости онъ бы не принесъ, если бы нашелся умный храбрецъ, который бы сломалъ эту ограду и закричалъ своимъ ближнимъ: „Берегитесь и не слушайте этого обманщика! Вы погибли, если забудете, что земля не принадлежитъ никому, что плоды ея принадлежатъ всѣмъ“...“

„...Пока довольствовались предметами, которые каждый могъ самъ себѣ сдѣлать, безъ посторонней помощи, люди жили счастливо и свободно. Но съ того момента, какъ нашли, что одному человеку полезно кормить двоихъ, исчезло равенство, появилась собственность, понадобился оплаченный трудъ, обширные лѣса обратились въ луга и поля, орошаемые потомъ работника, и вскорѣ рабство и нужда пустили корни и выросли рядомъ и вмѣстѣ съ хлѣбомъ“.

„То, что называется государствомъ, есть не что иное, какъ выдумка богатыхъ и сильныхъ, чтобы они могли силой сохранить награбленное. Количество государствъ увеличилось: векоръ они покрыли всю землю, и наконецъ во всей вселенной невозможно было найти угла, куда можно было бы удалиться отъ этого государственнаго насилія. Вотъ почему гражданство, или государство, есть врагъ естественныхъ правъ людей“.

Въ этихъ строкахъ Руссо возстаетъ противъ существованія государства, осудилъ частную собственность, выразилъ недовольство гражданскимъ строемъ общества. Кромѣ того онъ отрицалъ наслѣдство. Все онъ извратилъ, неправильно толковалъ, прибѣгая къ изворотамъ ума.

Посѣянное Руссо принесло свой плодъ въ великой французской революціи. вмѣстѣ со свободой, равенствомъ и братствомъ, какъ неотъемлемыми человѣческими правами, революція требовала равенства не только въ политическихъ правахъ, но и въ жизненныхъ матеріальныхъ условіяхъ.

Таковы первыя мины, которыми хотѣли взорвать не только историческое прошлое Франціи, но всего человѣчества. Выставленныя тогда требованія всякихъ равенствъ приобрѣли большое значеніе.

Руссо выступилъ не одинъ. Въ проповѣди равныхъ матеріальныхъ жизненныхъ условій его поддерживалъ нѣкто Бабефъ. Онъ былъ якобинцемъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ во время французской республики. Въ тюрьмѣ случай свелъ его съ другими подобными ему горячими головами, недовольными

тогдашнюю конституцію республики, и заключенные проектировали въ тюрьмѣ новый планъ общественнаго устройства.

Освобожденный изъ тюрьмы, Бабефъ и его соумышленники составили тайное общество, съ цѣлью ниспроверженія существовавшаго правительства и полного пересозданія государства и общества.

Сущность заговора состояла въ томъ, чтобы, ниспровергнувъ правительство, устроить Францію на началахъ чисто коммунистическихъ. (Д. Щегловъ. Исторія соціальныхъ системъ).

Бабефъ и его послѣдователи желали общаго имущества или общности имущества. „Въ республикѣ, писали они, будетъ устроена великая народная община“. „Право наслѣдованія уничтожается“.

Въ проектѣ ихъ реформъ наблюдается самое нецеремонное отношеніе къ собственности и даже къ жизни гражданъ. „Противодѣйствующіе будутъ истреблены“, безъ всякаго вниманія къ причинамъ, заставляющимъ ихъ противодѣйствовать.

За Бабефомъ, во дни революціи, послѣдовали другіе крикуны со своими необузданными требованіями. Нѣкто Шометтъ говоритъ: „Мы уничтожили дворянство и королей; теперь остается намъ сокрушить ту аристократію, которая еще осталась, т.-е. богачей!“ Шалье изъ Ліона писалъ: „Всякое удовольствіе есть преступленіе въ то время, какъ санкюлоты (оборванцы) должны терпѣть нужду“. Другіе также хотѣли ввести общее пользованіе

имуществомъ, конечно, не силой, а закономъ. „Въ благоустроенной республикѣ нѣтъ бѣдныхъ“.

Франція упорно хотѣла порвать съ прошлымъ. Она не желала походить на страну своихъ отцовъ. Была вырыта теоріей огромная могила, куда хотѣли свалить всю Францію.

Итакъ мы видимъ, что уже ораторы французской революціи выступили съ проповѣдью социализма и коммунизма. Но они не въ силахъ были ни провести ихъ на практикѣ, ни соединить ихъ въ одно связанное социальное ученіе. Они впрочемъ не пробовали послѣдняго. Въ своемъ революціонномъ опьяненіи, они довольствовались разрушеніемъ существующаго и оставленіемъ за собою кучи развалинъ. Они удовлетворялись тѣмъ, что со своихъ трибунъ гремѣли противъ всего того, что въ ихъ глазахъ нарушало равенство, т.-е. противъ всѣхъ тѣхъ, кто, благодаря своему рожденію, богатству, способностямъ и образованію, возвышался надъ толпой.

Однако революція не удовлетворила ни наиболѣе недовольныхъ, ни наиболѣе мечтательныхъ, которые ожидали отъ нея водворенія золотого вѣка.

Послѣ революціи многіе задумались надъ проектами полного пересозданія общества. Неудовлетворительныя стороны прежней жизни были на лицо. Желательно было осчастливить человѣка.

Начались многочисленные мечтанія на эту тему. Сочиненій, родившихся въ типш кабинета, въ которыхъ излагались новыя мысли (идеи) касательно общественнаго устройства, явилась цѣлая библио-

тека. Чаше и сильнѣе стали раздаваться голоса противъ правительства и вообще господствующихъ классовъ и за обдѣленныхъ. Начался періодъ такъ называемыхъ *утопистовъ* или филантроповъ.

„Горе той странѣ, — писалъ, напр., англичанинъ Годвинъ (въ 1821 г.), — гдѣ человѣкъ, принадлежащій къ низшему классу народа, не можетъ жениться, иначе, какъ потерявъ достоинство и свою независимость! Горе той странѣ, гдѣ человѣку, постигнутому непредвидѣннымъ несчастіемъ, кричатъ, что онъ не имѣетъ права просить помощи! Тамъ кроется зло, гдѣ человѣкъ не имѣетъ основательной надежды кормить свое семейство трудами своихъ рукъ!“ (Д. Щегловъ, т. I, стр. 273).

Вокругъ себя наблюдатели-мыслители видѣли въ мірѣ одну нужду да горе...

На культуру посыпались съ разныхъ сторонъ обвиненія. „Современная культура, писали тогда, принесла всюду постыдные результаты, смуты и безпорядки, пороки и преступленія, войны и революціи, казни и избиенія, катастрофы и бѣдствія“ (Кабетъ).

Гдѣ же было искать идеаловъ и утѣшенія? Взоры мечтателей чаще и чаще обращались назадъ, къ первобытнымъ временамъ человѣчества. „Какое блаженное счастье, восклицаетъ А. Вейтлингъ, долженъ былъ испытать человѣкъ, дитя Божіей любви и природы, въ первобытныя времена, послѣ сотворенія міра, въ раю этой прекрасной земли!“

Подобныя фантазіи привели энтузіастовъ къ

выводу, что виновенъ во всемъ самъ человѣкъ, измѣнившій первоначальный порядокъ своими искусственными учрежденіями и законами (о частной собственности, напр.). Онъ самъ нарушилъ гармонію общественной жизни, самъ испортилъ счастье отдѣльныхъ личностей.

По мнѣнію писателей социалистовъ того времени существовало два общественныхъ порядка: „одинъ природный (ordre naturel), когда жизнь человѣческая была основана на непогрѣшимыхъ, вѣчныхъ законахъ природы“ (Оуэнъ), а другой, искусственно созданный, поэтому ненатуральный (ordre positif).

Исторія застала порядокъ ненатуральный, и мы живемъ также, по мнѣнію тѣхъ же писателей, въ обществѣ искусственно-созданномъ. Очевидно, что человѣчеству рекомендовалось вернуться къ „естественному“ общественному порядку.

Но почему же человѣкъ сбился съ пути? Отъ чего произошли ошибки? Онъ недостаточно слѣдовалъ указаніямъ своего разума. Стали воображать, что жизнь человѣка можно устроить по рецептамъ, прописаннымъ разумомъ.

Надо только, думали тогда, открыть законы природы, которые лежатъ въ основѣ „естественнаго порядка“. Послѣдователи социальныхъ воззрѣній твердо были убѣждены, что стоитъ только сдѣлать усиліе принять смѣлое рѣшеніе и царство будущаго водворится. „Разумъ поведетъ насъ!“ „Разумъ все исправитъ!“ такъ можно формулировать общій выводъ рациональнаго социализма. Всѣ вѣрили тогда

въ могущество знанія. „Міръ былъ поставленъ на голову“ (Гегель). Говорили: человѣчество вступило въ царство разума. Надѣялись, что всходила прекрасная заря народовъ и просыпался духъ энтузіазма міра.

Во всемъ этомъ много ошибочнаго. Прежде всего, все царившее зло приписали только существовавшей на свѣтѣ нуждѣ, нуждѣ матеріальной, и потому рѣшили, что все требуетъ коренной передѣлки. Но всего строя жизни не было надобности передѣлывать, такъ какъ существовала часть общества достаточно удовлетворенная своимъ положеніемъ.

Кромѣ того, жизнь устанавливаетъ главнымъ образомъ не одинъ разумъ, а прежде всего вѣра, религія, мораль (или нравственность), рядъ обычаевъ. Въ душѣ человѣка есть иныя силы, помимо разума. Они слишкомъ преувеличиваютъ творческія способности людей, которымъ предстоитъ образовать новое общество. Они забываютъ или просто не знаютъ, что въ длительномъ историческомъ процессѣ должны еще только выработываться люди и условія, чтобы сдѣлать возможнымъ новый порядокъ вещей. Они не знаютъ, что социальное обновленіе не есть проблема науки, а проблема характера. (Зомбартъ, проф. Соціализмъ и социальное движеніе).

Въ мечтаніяхъ своихъ о будущемъ они также не знали предѣловъ.

„Вѣдь доходилъ же Фурье до того, что представлялъ себѣ землю населенной какими то услужливыми анти-львами, соленую воду океана превра-

тившейся въ сладкій лимонадъ, а человѣка ростомъ въ три метра! Годвинъ додумался до того, что пообѣщалъ человѣку тѣлесное безсмертье“. (Зомбартъ). Даже трудъ будетъ, — какъ предсказывалъ Фурье, — „лишь пріятнымъ времяпрепровожденіемъ“, или „гимнастическимъ упражненіемъ“. (Жанъ Гравъ).

Писатели, работавшіе надъ системой обновленія общества, хотѣли создать идеальный экономическій строй и согласовать его съ естественными наклонностями человѣка. Но старанія не увѣнчались успѣхомъ.

Подъ гипнозомъ революціонной свободы и подъ вліяніемъ идиллическихъ картинъ жизни первобытнаго человѣка, они хотѣли предоставить полный просторъ каждому удовлетворять свои наклонности. Въ будущемъ они надѣялись на царство всеобщаго благоденствія, мира и согласія, такъ какъ всякій станетъ трудиться настолько лишь, насколько это ему пріятно, и будутъ устранены всѣ условныя путы, наложенныя на человѣка религіей, обычаями, даже совѣстью. На человѣка они смотрѣли, какъ на существо доброе по природѣ. Онъ никому молъ не будетъ дѣлать зла, когда онъ окажется свободнымъ и матеріально обезпеченнымъ. Имущество сдѣлается общимъ, слѣдовательно, воровать перестанутъ! Все раскрашивалось въ розовый цвѣтъ. Всѣ представлялись довольными; всѣ охотно исполняли свое дѣло. „Народы!“ восклицалъ Фурье: „ваши самыя лучшія желанія сбываются. Изобрѣтенъ социальный компанъ, который приведетъ васъ къ всеобщему счастью!“ Какое заблужденіе!..

Періодъ, который я кратко характеризовалъ, являлся временемъ созданія *утопическаго* социализма.

Люди всегда мечтали о счастья; всегда рисовали себѣ особенно пріятную для нихъ обстановку, фантазировали о благоухающей странѣ, гдѣ нѣтъ горя. Не только дѣти твердили сказки о кисельныхъ берегахъ и молочныхъ рѣкахъ, но и взрослые давали просторъ своимъ фантазіямъ и мечтамъ. Такого заложено въ людяхъ стремленіе къ совершенствованію, счастью, красотѣ.

Картину будущихъ счастливыхъ государствъ рисовали и до и послѣ Р. Хр. Ее рисовалъ Платонъ (за 350 лѣтъ до Р. Хр.), ее изображалъ Томасъ Муръ (въ 1515 г.). Его книга „*Утопія*“ дала названіе всей литературѣ этого рода. Въ началѣ XIX в. прославились три утописта: Сень-Симонъ, Шарль Фурье и англичанинъ Оуэнъ (Овенъ).

Ихъ труды были полны плановъ и проектовъ о томъ, какъ осчастливить человѣчество. Изъ этихъ утопій и мечтаній родился современный социализмъ, который самъ далеко еще не отрѣшился отъ фантазій.

Всѣ описанныя выше фантазіи, мечтанія, „сказки“ социалистическихъ писателей 30-хъ и 40-хъ годовъ сильно возбуждали къ новому революціонному взрыву 1848 г., т.-е. къ іюньскому перевороту во Франціи, за которымъ послѣдовали революціонныя движенія въ Германіи, Италіи, Австріи и Венгріи.

Сколь вредны общія неопредѣленныя понятія—въ

родъ свободы и равенства, — столько же губительны и всякія неопредѣленные полумистическія ученія, такъ какъ они ускользаютъ, вслѣдствіе своей туманности, отъ анализа и критики. (Проф. Б. Чичеринъ. „Собственность и государство“). Идиллическія ученія усердно распространялись, путемъ брошюръ и при содѣйствіи агитаторовъ, среди народныхъ массъ и все кончилось печальными и ужасными побоищами іюньскихъ дней. Въ схваткахъ на улицахъ Парижа участвовало до 100.000 человекъ. „Іюньскіе дни показали, что нельзя безнаказанно прельщать рабочій классъ сладкозвучными обѣщаніями“. Надо помнить и знать, что попытка имущественнаго переворота сплачиваютъ собственниковъ для отпора. Никто своего достоянія не отдастъ. Оно часто добыто потомъ и кровью... Своимъ добромъ не позволять распоряжаться уличной черни, всегда, конечно, охотно протягивающей свои руки къ даровому и чужому.

Послѣдователи экономического социализма получили хорошій урокъ, который не прошелъ даромъ.

Іюньскіе дни 1848 г. значительно ихъ отрезвили. Они бросили (хотя и не совсѣмъ) свои заманчивыя картины перестроеннаго быта и принялись за новые планы. Они стали критиковать темныя стороны современнаго строя и разрабатывать новую систему общественнаго быта.

Отъ туманныхъ мечтаній филантроповъ и неспокойныхъ головъ мало-по-малу перешли къ практическимъ стремленіямъ. Эту болѣе серьезную работу продѣлала Германія.

Какъ мы уже сказали, социальное движеніе возникло во Франціи, пробужденное и питаемое великой революціей.

Но только тогда, когда оно перешло границу Германіи, нѣмецкій духъ воспользовался имъ и привелъ его, такъ сказать въ систему, въ такую систему, которая заслужила всеобщее вниманіе и повсесвѣтное изученіе. „Здѣсь повторяется то, что исторія культуры показываетъ довольно часто, а именно то, что Франція есть тотъ европейскій духовный вулканъ, откуда прежде всего вырываются наружу новыя идеи, но что французская нація, несмотря на свои способности и свѣтлый умъ, не имѣетъ достаточно основательности и терпѣнія, чтобы привести новыя идеи въ систему. Это повидимому, дѣло нѣмецкаго духа. (Герцбергъ). То же случилось и съ социализмомъ. Только при его вступленіи въ Германію, ему даны были научная или ученая основа и развитіе. Съ другой стороны выступаетъ, однако, то удивительное обстоятельство, что когда требуется на практикѣ провести новыя мысли и изобрѣтенія, то нѣмцы уступаютъ въ этомъ другимъ народамъ; ихъ опережаютъ практическіе американцы, англичане, даже французы.

Итакъ, послѣ 1848 г. социалисты вышли на новый путь. Они прибѣгли къ новой тактикѣ. Они стали раскрывать недочеты современнаго строя. Яркой обрисовкой темныхъ сторонъ современнаго общественнаго и особенно экономического строя социалисты произвели сильное впечатлѣніе. Они представили раздирающія картины жизни рабочихъ на фабри-

бахъ и подземныхъ шахтахъ. Въ фабричной и заводской атмосферѣ сокращали свои дни сильные рабочіе натуры и преждевременно гибли женщины и дѣти.

(Эта тактика не оставлена ими до сихъ поръ. Въ видѣ иллюстраціи см. романъ Элтонъ Спиклера „Чаща“).

Сильно била по нервамъ общества социалистическая критика, рѣзко выставляя и другое еще противорѣчіе: Всемирные рынки нерѣдко переполнялись товарами того или иного производства. Фабриканты не въ состояніи бывали продавать свои издѣлія по самымъ сходнымъ цѣнамъ. Происходилъ экономическій кризисъ, тяжело отзывавшійся на рабочихъ, которые въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно лишались заработка и, бѣдствуя, впадали въ нищету и развратъ. И въ то же время для большихъ массъ рабочихъ представлялось невозможнымъ приобрести себѣ тѣ товары, сбытъ которые по сходной цѣнѣ фабриканты не были въ состояніи.

Такимъ образомъ получалось такое положеніе: вслѣдствіе излишняго производства (перепроизводства) капиталисты разорялись, для трудящихся наступала безработица и эти „рабы фабрикъ“, благодаря низкой заработной платѣ, не могли приобрести для себя самого необходимаго.

И вотъ явился цѣлый рядъ попытокъ устранить эти недостатки.

„Если, съ одной стороны, не отдѣльному только предпринимателю, но и любому товариществу грозитъ разореніе, благодаря невозможности предви-

дѣть колебанія рынка, а съ другой на ряду съ обманувшимся въ расчетѣ производителями состоятъ полчища пролетаріевъ, которымъ не на что купить слишкомъ для нихъ дорогіе, хотя и черезчуръ дешевые для производителя, товары, не проще ли и не лучше подчинить все производство государственному контролю и организовать его систематически“, т.-е. не лучше ли, отказаться отъ частныхъ правъ на орудія производства и перейти къ общему хозяйству, или коммунизму. Соціалисты подтверждаютъ свое предложеніе указаніемъ на то, что такой уже порядокъ отчасти существуетъ. Вѣдь справляется же государство съ почтовыми сообщениями и съ телеграфной сѣтью, желѣзнодорожными поѣздами и съ производствомъ статистическихъ подсчетовъ, вѣдь нормируетъ же оно закономъ нѣкоторыя отрасли производства, какъ сахарное дѣло и винокурение, и такія важныя стороны экономической жизни, какъ денежное обращеніе. Оно же не разрѣшаетъ, помимо своего контроля, открывать банки, строить желѣзныя дороги, содержать аптеки. Все это уже теперь подчинено регламентаціи; отчего же не распространить этотъ надзоръ, эту нормировку и на остальные функціи экономической жизни?“ (В. Чичеринъ).

Съ другой стороны, говорятъ соціалисты, объединяются частные предприниматели извѣстныхъ отраслей промышленности, образуя синдикаты. Они также сливаются въ одну промышленную организацію, охватывающую иногда цѣлое государство. Чиновниковъ у нихъ замѣняетъ армія наемныхъ

исполнителей. Послѣдователи теорій социализма рисуютъ заманчивыя картины общаго благополучія, если бы удалось всё барыши отъ всѣхъ предприятий передать государству, которое, благодаря этому, освободило бы подданныхъ отъ тяжести прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, и въ то же время предоставляло всѣмъ все нужное дешево и удобно.

Мечты, мечты!..

Иллюзіи! Предложенія социалистовъ неосуществимы. На словахъ не такіе еще воздушные замки можно воздвигнуть. Они злоупотребили въ данномъ случаѣ аналогіей. „На самомъ дѣлѣ ни по одной дорогѣ нельзя идти безконечно впередъ. Изъ того, что государство многое взяло въ свои руки, еще не слѣдуетъ чтобы оно могло захватить ими все“.

(Проф. В. Чичеринъ).

Если законодательству пришлось расширить свою область, это еще не значитъ, чтобы всю частную жизнь слѣдовало запереть на ключъ, или подвести подъ одну мѣрку, влить въ одну общую форму.

Мечты социалистовъ нельзя реализовать не только цѣликомъ, но даже на половину. Они грозятъ смертью обществу, такъ какъ лишаютъ личную инициативу свободнаго роста. Социализмъ совершенно душитъ индивидуальную свободу.

О причинахъ неосуществимости мечтаній социалистовъ рѣчь еще впереди. Теперь же закончимъ исторію развитія социализма еще однимъ важнымъ указаніемъ.

„Подобно растеніямъ и явленія общественныя имѣютъ свои географическія пространства. Они об-

наруживаются не на всякой почвѣ и для своего распространенія требуютъ особыхъ благопріятныхъ условій“.

Отъ такого закона не избавился и социализмъ представляющій собою въ послѣдней своей стадіи продуктъ чисто германскаго происхожденія и германской фабрикаціи.

Подобно утренней зарѣ,—пишетъ Науманъ,—засвѣтилась идея социализма надъ возникшимъ нѣмецкимъ промышленнымъ народомъ. Текущій вулканической потокъ (Франціи) превратилась (въ Германіи) въ лаву, поддающуюся формовкѣ. Въ Германіи составленъ былъ первый катехизисъ социалистовъ.

„Замѣчательно, говоритъ германскій депутатъ Бамбергъ, что нигдѣ социалистическія идеи не встрѣтили такого приѣма, какъ въ Германіи. Онѣ увлекаютъ не только всѣхъ рабочихъ, но и самую буржуазію... Нѣмецкіе консерваторы первые громче всѣхъ начали кричать о злоупотребленіяхъ „капитализма“. Другой германскій депутатъ Гергъ выражаетъ ту же самую мысль слѣдующими словами: „Социализмъ, говоритъ онъ, основанъ въ Германіи свою главную квартиру и проходитъ у насъ свое философское и научное образованіе“.

Хотя социалистическія школы имѣютъ каждая свою программу, тѣмъ не менѣе всѣ онѣ сходятся въ одномъ существенномъ пунктѣ, носящемъ на себѣ, такъ сказать, фабричную марку социализма, именно въ томъ, что всѣ признаютъ необходимость разрѣшенія общественныхъ вопросовъ не иначе, какъ

предписаніями закона или государства. Всѣ мечтаютъ объ устройствѣ такого общества, въ которомъ государство организовало бы трудъ, распоряжалось собственностью, заработкомъ, т.-е. играя роль всеобщаго покровителя, взяло бы на себя заботу составить счастье всѣхъ и каждаго.

Въ Германіи социальное движеніе проявилось въ обширной политической организаціи партіи.

Соціалъ-демократія образуетъ въ Германіи въ настоящее время большую силу. Началь социализмъ свое шествіе здѣсь подъ краснымъ знаменемъ и подъ звуки революціоннаго марша. Теперь для достиженія своей цѣли социалсты пользуются средствами, дозволенными конституціей, не помышляютъ о „насильственномъ переворотѣ“. Они добиваются практическихъ реформъ, чтобы съ помощью ихъ постепенно преобразовать государство настоящаго въ „государство будущаго“. Разумѣется, въ началѣ социалъ-демократическая партія не была такой, какой является теперь, когда насчитываетъ три милліона сторонниковъ. Въ ея прежней исторіи не мало случаевъ революціонныхъ дѣйствій. Но по мѣрѣ своего роста она отрѣшалась отъ всякаго революціонизма и, развиваясь исторически, превратилась въ эволюционирующую партію, какой она и является въ настоящее время. Кто нынѣ считаетъ германскую социалъ-демократію за „революціонную“ партію (въ смыслѣ партіи насильственнаго переворота), тотъ или совсѣмъ не знаетъ ее, или нарочно, по какимъ-нибудь причинамъ, истолковываетъ ее превратно“. (Зомбартъ).

Помимо рейхстага, гдѣ социалъ-демократія располагала 78 мѣстами и слѣдовательно по численности являлась второй партіей, она имѣетъ еще въ 17 парламентахъ союзныхъ германскихъ государствъ въ общемъ итогъ 111 депутатовъ, а также и въ многочисленныхъ городскихъ думахъ Германіи.

„Быстрое усиленіе рабочаго движенія въ пользу профессиональныхъ союзовъ и товарищескихъ организацій—вотъ событіе, характеризующее развитіе социальнаго движенія въ Германіи за послѣднее десятилѣтіе. За эти годы не только умножилось сверхъ всякаго ожиданія число организованныхъ рабочихъ, не только удесятирились финансовыя средства организацій, но главнымъ образомъ произошло за это время сознаніе цѣлесообразности этихъ формъ социальной борьбы, проснулся живой духъ профессиональныхъ союзовъ и товариществъ; подрастаетъ цѣлое поколѣніе мужчинъ и женщинъ, которые душой и тѣломъ преданы этимъ новымъ стремленіямъ и съ возрастающимъ умѣньемъ развиваютъ эту сторону движенія“. (Зомбартъ).

Марксъ въ продолженіи 36-лѣтъ былъ теоретикомъ социализма въ Германіи. Научная форма его сочиненій и ихъ туманность были крайне соблазнительны методичному уму германцевъ. По его мнѣнію, руководить обществомъ не жагда справедливости и равенства, а потребность въ насыщеніи. (Le Bon). Нѣмцы видятъ въ социализмѣ только эволюцію экономическую.

Социализмъ латинскихъ народовъ вызванъ создавшейся въками централизацией, прогрессивнымъ раз-

витіємъ центральной власти. Въ Германіи созда-
лась централизація искусственными путями, въ осо-
бенности благодаря милитаризму. Строгая военная
дисциплина въ состояніи измѣнить душу народную,
его привычки и поведеніе, и она единственная сила
противъ которой трудно бороться индивидууму.. (Le
Bon). Военный режимъ всецѣло отдастъ человѣка
на служеніе обществу, и тѣмъ самымъ подходитъ
подъ типъ, о которомъ мечтаютъ социалисты. За
одно столѣтіе милитаризмъ превосходно подгото-
вилъ въ Германіи почву для социализма.

Современная Германія не есть продуктъ медлен-
ной исторической эволюціи; она достигла единства,
благодаря силѣ оружія. Пруссія, на развалинахъ
провинціальной и мѣстной жизни, создала сильную
централизацію, слѣдствіемъ чего получилось: раз-
рушеніе мѣстной жизни, въ особенности жизни
интеллектуальной, уничтоженіе инициативы частныхъ
лицъ, и постепенное завладѣваніе государствомъ
всѣхъ фракцій. Централизація въ Германіи совер-
шилась такъ легко потому, что Пруссія своими
счастливыми войнами приобрѣла большой просторъ
и власть почти безконтрольную. Понятно, что со-
циализмъ, требующій все больше и больше вторже-
нія государства, нашель себѣ такую благопріятную
почву въ Германіи. (Le Bon).

Благодаря изложеннымъ обстоятельствамъ, Гер-
манія явилась колыбелью и разсадникомъ всѣхъ
соціальныхъ теченій. Изъ Германіи, научно пере-
работанный, социализмъ разошелся по радіусамъ въ
разныя государства свроепейскаго материка.

Французскій социализмъ заимствовалъ свою док-
трину въ Германіи и не скрываетъ своего герман-
скаго происхожденія.

По-истинѣ разительный примѣръ представляетъ
ходъ соціального движенія во Франціи. Страстный,
неугомонный народъ, весь политическій талантъ ко-
торого, казалось, былъ направленъ къ совершенію
порывистыхъ насильственныхъ переворотовъ и еще
въ 1871 году пережившій острый припадокъ ре-
волюціоннаго бреда—этотъ самый народъ принуж-
денъ былъ въ теченіе какихъ-нибудь тридцати лѣтъ
успокоиться, вступить на великій путь соціального
движенія и примкнуть къ общему шествію арміи
интернаціонального пролетаріата. Въ немъ онъ, ко-
нечно, образуетъ легкую кавалерію, которая слу-
житъ авангардомъ и по временамъ разсыпается на
отдѣльные отряды, не представляя изъ себя сомк-
нутую массу нѣмецкой пѣхоты или англійской тя-
желой артиллеріи (если не считать англійскую рать
обозной колонной), но направленіе пути опредѣленно
намѣчено и для этихъ легкихъ отрядовъ, и ни-
какихъ возмущеній противъ высшаго военного на-
чальства, находящагося въ рукахъ судьбы, что-то
не замѣчается.

Въ 1887 г. въ Бельгію прибыли два вожди
германскаго социализма Бебель и Бернштейнъ и ихъ
посредничество дало въ результатъ то, что „бель-
гійскій социализмъ, еще недавно страдавшій отсут-
ствіемъ согласія и дисциплины, получилъ теперь
организацію скопированную съ германскаго социа-
лизма“ (Эдм. Демольенъ), и теперь „всякій, кому

захотѣлось бы увидѣть социализмъ полнымъ жизни и бодрости, всякій, кого интересовало бы узнать, какъ, судя по всеѣмъ вѣроятіямъ, сложится на будущее время социальное движеніе въ современныхъ странахъ со старой культурой, — тому я совѣтую съѣздить въ Брюссель“.

Развитіе социализма въ Бельгіи потому такъ знаменательно, что оно охватываетъ одновременно все стороны современнаго социального движенія — политическую, профессиональные союзы и товарищество рабочихъ.

Въ Турціи или Египтѣ нѣтъ никакого социального вопроса.

На парижскомъ конгрессѣ старый революціонеръ Лавровъ, заявилъ, что въ Россіи революція становится все болѣе и болѣе социалистическою и что революціонная партія приняла „тактику и теорію германскаго социализма“. Съ другой стороны одинъ изъ вождей русскаго социализма, Плехановъ, издалъ трудъ, представляющій собою не что иное, какъ воспроизведеніе всей теоріи марксизма. Наконецъ, „Союзъ русскіхъ социаль-демократовъ“ основалъ журналъ, которому онъ далъ совершенно такое-же названіе, какое носитъ и главный органъ нѣмецкихъ социалистовъ и выставилъ тотъ-же девизъ: „Пролетаріи всехъ странъ соединяйтесь“. „Русскій социаль-демократъ“, начавшій выходить въ Женевѣ въ сентябрѣ 1888 года, открыто поставилъ себя цѣлью проповѣдовать въ Россіи германскій социализмъ. (Демоленъ). Проф. Щегловъ

не безъ основанія поэтому назвалъ русскіхъ социалистовъ „социаль — попугаями“.

Послѣ такого бѣгло очерка распространенія германскаго социализма среди народовъ, населяющихъ европейскій материкъ, перейдемъ теперь къ тѣмъ государствамъ, гдѣ почва для социализма оказывается недостаточно воздѣланною и весьма плохо воспринимающею добрыя сѣмена германской цивилизаціи. Такими странами являются Норвегія, Англія, Соединенные Штаты и другія страны, населенныя англо-саксонскою расою. (Демоленъ).

„По своему характеру они чувствуютъ отвращеніе ко всякой стадности и не питаютъ никакого расположенія къ тому, чтобы отказаться отъ своей личной автономіи въ пользу коммуны. Вотъ одна изъ причинъ, которая дѣлаетъ ихъ равнодушными къ социализму“. (Демоленъ).

Тѣмъ не менѣе „даже въ чисто крестьянское царство — Норвегію перебросилась искра новѣйшаго социального движенія и она тоже подточена капитализмомъ (до сихъ поръ, впрочемъ, лишь слегка).

Англо-Саксы природно не склонны къ социалистическому строю, потому что слишкомъ индивидуальны. Они представляютъ собою окрѣпшую, вполне законченную породу свободниковъ. Социализмъ, представляющій въ своихъ наиболѣе отдаленныхъ идеалахъ полное торжество общиннаго начала надъ личностью, органически претитъ инстинктамъ природнымъ борцовъ; въ своей современной стадіи социализмъ можетъ имѣть успѣхъ только при дисциплинированныхъ массахъ, а это уже предпола-

гаеть стадность, отъ которой Англо-Саксы уже избавились. („Нов. Вр.“)

Въ Англии смѣются надъ Марксомъ, — тѣмъ самымъ Марксомъ, предъ которымъ благоговѣютъ наши политическіе недоноски, старающіеся навязать его русскому рабочему, какъ нѣкій „свѣточъ“ чело-вѣческой мысли и мірового прогресса. Англія — самая „передовая“ и наиболѣе промышленная страна, — однако социализмъ въ Англии наименѣе можетъ похвалиться успѣхомъ. Очевидно, — прогрессъ и социализмъ вовсе не синонимы. (А. Шмаковъ).

Почти всѣ главныя англійскія газеты стали указывать на опасность и вредъ социализма, приравнивая его къ экспроприаціи, грабежу, террору и горячо остерегая англійскую націю отъ неминуемаго зла, связаннаго съ распространеніемъ этого ученія.

Нѣкоторыя руководящія статьи въ газетахъ такъ и озаглавливаются: „Ложь“, „Мошенничество социализма“. Главнаго-же представителя его въ парламентѣ, Кэръ-Гарди, возводятъ въ „генія зла“.

Лордъ Лансдаунъ, говоря о социалистахъ, отмѣтилъ: „Въ ихъ рядахъ находятся проповѣдующіе войну противъ капитала и всѣхъ привилегированныхъ классовъ. Это уже не защита правъ трудящихся людей, не законное покровительство труда, а нѣчто совершенно иное. Впрочемъ такая пропаганда, — продолжалъ бывшій министръ, — не опасна въ Шотландіи: большинство шотландцевъ слишкомъ умны, чтобы поддаться такому глупому (silly) ученію. Вѣдь вы хорошо понимаете, что

капиталь и трудъ другъ друга поддерживаютъ и не могутъ существовать одинъ безъ другого. Миліонеръ, живущій въ самой богатой странѣ земного шара, ничего не можетъ сдѣлать безъ помощи труда, а трудъ въ свою очередь ничего не сдѣлаетъ безъ капитала“.

Одновременно съ лордомъ Лансдауномъ на ту-же тему говорилъ военный министръ Голденъ (Holdane). Человѣкъ глубоко образованный, долго учившійся въ Германіи,

Социалисты, — говорилъ Голденъ, — какъ извѣстно, враги патріотизма, но мыслимо-ли государство, въ которомъ отсутствуетъ патріотизмъ и патріоты!?

Если во имя труда Кэръ-Гарди или кто-либо другой вздумаютъ проводить въ парламентѣ утопическія доктрины социализма, какъ напр., націонализацию всей земли, или национализацию капитала, — доктрины, которыя противорѣчатъ всѣмъ либеральнымъ принципамъ, то не подлежатъ сомнѣнію, что мы, либералы, вступимъ съ нимъ въ открытую борьбу.

Очень легко, продолжалъ Голденъ, толковать о разныхъ социалистическихъ мѣропріятіяхъ и проектахъ, но не имъ суждено положить конецъ невзгодамъ рабочихъ, не этимъ путемъ могутъ они улучшить свое положеніе. Главный принципъ такъ называемаго социализма, — продолжалъ министръ, — это отрицаніе права частной собственности.

Исторія показываетъ намъ, что прогрессъ чело-вѣчества возможенъ только тогда, когда отдѣль-ныя лица могутъ свободно заботиться о своемъ

благостояніи, приобрятая его законнымъ образомъ для себя и своихъ близкихъ. Пусть лидеры социалистовъ изложатъ свою теорію въ парламентѣ, и я убѣжденъ, что правительственная партія побѣдитъ ихъ. Тотъ, кто проводитъ социалистическія идеи, имѣетъ крайне ограниченный кругозоръ и не понимаетъ дѣйствительности и смысла человеческой природы. Такой человекъ — материалистъ, а никогда еще не было случая, чтобы материалисты когда-либо поняли истинное значеніе человечества или вселенной.

Анти-социалистическое движеніе затронуло за жывое даже англійское духовенство. Батскій епископъ (Bishop of Bath), обращаясь въ своемъ аббатствѣ съ воззваніемъ, говорилъ: „Практическое вліяніе социализма на человека проявляется въ томъ, что оно задерживаетъ свободное развитіе личности; социализмъ—это рабство государства и гибель человеческого достоинства“. (Ольга Новикова. „Нов. Вр.“ 14 окт. 1906 г.).

II.

Необходимо сразу-же оговорить, что все понятіе социализма не отличается достаточной определенностію. (Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 61, стр. 35).

Понятіе „социализмъ“, какъ увидимъ, объединяетъ въ себѣ много разныхъ положеній. Соціальныи значитъ собственно общественный.

Терминъ „социализмъ“ впервые былъ употребленъ Пьеромъ Леру въ 1834 году, причемъ онъ желалъ этимъ словомъ обозначить нѣчто широко противоположное личному или индивидуализму, какъ въ области нравственной, такъ и въ общественной жизни человека. Почему подъ социализмомъ понимается занятіе общественными вопросами, или служеніе общественному дѣлу. Это по этимологіи.

Но въ дѣйствительности подъ социализмомъ понимается направленіе въ наукѣ и на практикѣ, стремящееся къ коренной реформѣ не только общественныхъ, но еще болѣе —экономическихъ условий.

Легко сказать—„общественныхъ“ и „экономическихъ“ условий!.. Вѣдь эти понятія сами по себѣ очень обширны, такъ какъ касаются крайне широкихъ областей человеческой жизни: пребыванія человека въ обществѣ и всей его матеріальной обстановки.

Социализмъ имѣетъ цѣлью улучшить положеніе человека въ обществѣ. Поэтому мы видимъ, что около понятія „социализмъ“ сгруппировались и толкаются самые разнообразныя и большіе вопросы, настоятельно требующіе своего удовлетворенія и рѣшенія.

Социализмъ, какъ увидимъ касается самыхъ различныхъ сторонъ человеческой жизни, религіи, политики, нравственности, гигиены и т. д.

Извѣстный социалистъ Германіи Августъ Бебель, отвѣчая на вопросъ, что такое социализмъ, торжественно заявилъ въ рейхстагѣ: „Наша цѣль: въ области политики — республика, въ хозяйствен-

ной сферѣ — коммунизмъ, въ религіозной — атеизмъ! « (Изъ кн. Геца). Иначе говоря, социалисты желаютъ весьма большихъ и рѣшительныхъ переворотовъ во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни: они хотятъ перестроить государство, преобразовать экономическія условія жизни, а въ сферѣ религіи упразднить Бога.

Въ социальномъ вопросѣ нашего времени дѣло идетъ о перестройкѣ всей существующей жизни. Социалисты задаются вопросомъ: да долженъ-ли продолжаться существующій порядокъ жизни? т.-е. они стремятся совершить полный переворотъ.

Надъ этимъ трудились въ своихъ сочиненіяхъ Сень-Симонъ, Фурье, Оуэнъ (Овенъ), Кабе, Луи-Бланъ, Пьеръ Леру, Прудонъ, К. Марксъ, Бернштейнъ, Каутскій, Жоресъ, Бебель, Либкнехтъ, Энгельсъ и др. А нынѣшнихъ писателей въ этой области назвать затруднительно: имена-же ихъ ты, Господи, вѣси!

Они выработываютъ философскую систему и начинаютъ съ желанія достичь передачи матеріальнаго благосостоянія изъ рукъ меньшинства въ руки народнаго большинства.

Это первая заповѣдь ихъ ученія.

Социализмъ или социальный строй, нѣкоторые опредѣляютъ, какъ строй устанавливающий или стремящійся установить справедливое распредѣленіе матеріальныхъ благъ между членами общества.

Социализмъ стремится уничтожить право частной собственности на орудія и производства, т.-е. уни-

чтожить право частныхъ лицъ на все то, что необходимо для производства.

Орудія производства, сказалъ однажды Бебель, перестанутъ быть частной собственностью; земля, рудники, сырые матеріалы, инструменты, машины, средства сообщенія составятъ собственность общественную. Слѣдовательно, настоящій социалистъ тотъ, кто исповѣдуетъ и желаетъ практически уничтоженія частной собственности.

Въ настоящее время во всѣхъ культурныхъ государствахъ распоряженіе средствами производства принадлежитъ частнымъ лицамъ; но идеѣ-же социализма это право должно въ будущемъ быть отнято у частныхъ лицъ и передано обществу. Ни одно частное лицо не должно имѣть права назвать тотъ или другой участокъ земли, ту или другую фабрику своей собственностью. Право собственности переходитъ къ государству, или обществу людей, объединенныхъ въ хозяйственный союзъ, какъ бы онъ ни назывался. Мы можемъ такимъ образомъ сказать, что социализмомъ называется то направленіе въ политической экономіи, которое считаетъ желательнымъ уничтоженіе частной собственности на средства производства, или-же полагаетъ, что мы находимся на пути къ такому общественному строю. (Диль, К., проф. Кенигсбергскаго университета. „Социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ“).

Итакъ, „социалисты признаютъ частную собственность злокачественной язвой нашего якобы непорочнаго хозяйственнаго и общественнаго строя, и всѣ социалистическіе писатели сходятся въ томъ.

что будущій порядокъ вещей или совсѣмъ упразднить частную собственность или по крайней мѣрѣ сильно ограничить ее“. (Проф. Бреславскаго университета Зомбартъ).

Изъ сказаннаго получаемъ такое опредѣленіе: „Соціализмъ есть такой экономическій порядокъ, при которомъ та или другая категорія имущества не можетъ быть частной собственностью“. (Зомбартъ).

Создается — коммуна, коммунизмъ. — Въ книгѣ „Наши цѣли“, слова — коммунистъ, коммунизмъ, социалистъ, социализмъ, социаль-демократъ, въ сущности имѣютъ одно и тоже значеніе. (Коммунист. маниф. переводъ Таубмана).

Современные профессора предлагаютъ отличать социализмъ отъ социальнаго движенія.

Соціализмъ, по ихъ опредѣленію, занимается осуществленіемъ и развитіемъ своего ученія въ области мысли, теоріи, науки.

Соціальное движеніе проводитъ это ученіе въ жизнь, осуществляетъ его на практикѣ. (Зомбартъ). Соціализмъ, какъ наука, ссылается на познаніе; социализмъ, какъ движеніе, имѣетъ главнымъ своимъ мотивомъ интересъ (Эд. Бернштейнъ).

„Соціализмъ и социальное движеніе“ вмѣстѣ взятое, ничто иное, какъ осуществленіе того будущаго, которое они себѣ нарисовали въ воображеніи, приспособленнаго къ интересамъ пролетаріата новаго общественнаго строя или же попытка его осуществленію. (Зомбартъ).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ современ-

номъ социализмѣ заключается не только экономическая или социаль-политическая программа, но почти цѣлое міровоззрѣніе. „Ученія столповъ социализма возвѣщаютъ толпѣ все, что въ прежнее время проповѣдывали священники и мудрецы“. Въ этомъ ищите объясненіе того фанатизма, той непоколебимо сильной вѣры, съ какими люди зачастую исповѣдуютъ социалистическія ученія.

Исходная точка социализма — матеріальная, экономическая ¹⁾. Но этимъ однимъ социализмъ жить не могъ; онъ не въ состояніи былъ обойтись безъ идеальной и нравственной подкладки. Иначе, онъ не могъ оправдать своихъ практическихъ стремленій. Такимъ образомъ оно разрослось въ цѣлое міровоззрѣніе. А разъ онъ расширился до философской системы, онъ занялъ видное мѣсто въ жизни человѣка. И такъ какъ социализмъ носитъ на себѣ рѣзкій, ему одному свойственный, отпечатокъ, то социальный вопросъ придаетъ нашему времени особый характеръ. (Шибоди, проф. См. его книгу: „Иисусъ Христосъ и социальный вопросъ“. М. 1907 г.).

Мы живемъ во время социальнаго вопроса. Ни-

¹⁾ Соціализмъ корчится передъ идеальнымъ, какъ Мефистофель передъ знакомъ креста. Корчится, но признаетъ это идеальное, хотя громко сего произнести не рѣшается. И въ самомъ дѣлѣ, что такое социализмъ, какъ не стремленіе, соединенное съ представленіемъ о будущемъ обществѣ, объ имѣющемъ или долженствующимъ быть. Ясно, что тутъ примѣшивается идеалистическій элементъ, частица *потусторонняго*.

когда не было такого великаго множества людей, ученых и неученых, богатых и бѣдныхъ, философовъ и агитаторовъ, мужчинъ и женщинъ, которые были бы заняты грезами о лучшемъ будущемъ социальномъ строе. (Пибоди).

Литература нашего вѣка проникнута желаніемъ социальнаго улучшения или социальнаго переворота; работники съ грязными руками и женщины съ жадными глазами переварачиваютъ листы въ книгѣ хозяйственной жизни и ищутъ практическихъ указаній; повсюду предлагаютъ всеисцѣляющія социальныя средства. Нынѣ—вѣкъ социальнаго вопроса.

Социальный вопросъ дѣйствительно занимаетъ теперь центральное и господствующее мѣсто между интересами человѣческими. Волны недовольства жизненными условіями растутъ. „Тысячи голосовъ, съ фанатическимъ одушевленіемъ, повторяютъ на разные лады, что весь существующій общественный строй основанъ на неправдѣ, а потому долженъ рушиться“. Социальное настроеніе даетъ себя чувствовать во всемъ окружающемъ и все болѣе и болѣе приобретаетъ жизненное значеніе. (Пибоди). „Изъ экономическаго и социальнаго, онъ въ сущности сдѣлался жгучимъ политическимъ вопросомъ“.

Можно сказать, что въ социализмѣ—стремленіе человѣка къ лучшей участи, стремленіе, весьма естественное и часть сего ученія правильна. Но къ нѣкоторымъ его истинамъ и симпатичнымъ стремленіямъ примѣшалось множество химеръ. Опасность его заключается именно въ смѣшеніи въ немъ истины съ заблужденіемъ.

Социальный вопросъ—тревога и упованіе людей нашей расы. Въ немъ кажется вся ея ближайшая будущность. Отъ него видимо станутъ зависеть все событія. Онъ и молотъ и наковальня, и разрушеніе и жизнь. Преобразования, возлагаемыя имъ на современную цивилизацію, въ своемъ величій и напряженіи оставляютъ далеко за собою важнѣйшія событія минувшихъ временъ“. (А. Шмаковъ). Слѣдовательно, передъ нами великое всемірно-историческое событіе; „Все мы, со всеми нашими дѣлами и стремленіями, стоимъ по срединѣ одного изъ тѣхъ великихъ органическихъ процессовъ всемірной исторіи, которые своей стихійной силой захватываютъ жизнь человѣка и государствъ: было бы одинаково ошибочно отрицать такіе процессы съ близорукой ограниченностью и бороться съ ними при помощи безсильныхъ средствъ“. (Зомбартъ).

Эти общія опредѣленія социализма постепенно пополняются и разовьются, когда мы коснемся нѣкоторыхъ положеній ученія Карла Маркса.

Такъ какъ ученіе Маркса лежитъ въ основѣ всего новѣйшаго социализма, котораго безъ него нельзя было бы вполне понять (Герцбергъ), то необходимо нѣсколько съ нимъ ознакомиться.

Въ социализмѣ различается нѣсколько школъ, или направленій, системъ и теорій. Между ними существуетъ крупное различіе во взглядахъ и выводахъ (что городъ, то норовъ, что писатель, то мнѣніе). Прудонъ нападалъ на послѣдователей Фурье т.-е. фурьеристовъ; К. Марксъ наносилъ тяжелые удары Прудону. Свалка шла почти обща. Про-

исходила борьба системъ и теорій. Они взаимно другъ друга обвиняли. Пока чаще другихъ побѣдителемъ оказывался Марксъ.

Напали и на Маркса, указывая, что у него много утопическаго и метафизическаго. Его называли послѣднимъ великимъ утопистомъ (вслѣдъ за Сень-Симономъ, Фурье, Оуэномъ). Борьба теорій, столкновение системъ и возрѣвнѣй сильно отражались, конечно, на социализмъ. Удары сыпались на него съ разныхъ сторонъ. Нападавшіе стали разрушать даже его основаніе. Понятіе социализмъ нашли неяснымъ. Его производили отъ слова *societas* (общество). Теперь воинствующие его критики говорятъ, что лучше и вѣрнѣе производить его отъ слова *socius* (товарищъ), т.-е. изъ понятія товарищества. Отсюда вытекло даже новое опредѣленіе всего социализма. Социализмъ обозначаютъ какъ движеніе къ товарищескому строю.

Ученіе Маркса есть сущность новаго социализма. Въ теоріи Маркса „сливаются всѣ теченія его времени“. Онъ сумѣлъ дать господствующему ученію яркій отпечатокъ своего духа. (Зомбартъ).

Карль Марксъ родился въ 1818 году въ Прирейнской Пруссіи. Несмотря на то, что онъ обладалъ блестящими юридическими познаніями, полученными въ Боннскомъ университетѣ, онъ не пожелалъ занять ни одной, предложенной ему, государственной должности, но предпочелъ посвятить себя исключительно изученію социальныхъ вопросовъ.

Преслѣдуемый прусскимъ привѣтствомъ за свои крайнія мысли, онъ переселился въ Парижъ.

Изгнанный изъ Франціи въ 1844 г., а изъ Брюсселя въ 1848 году, онъ воспользовался свободой, вызванной Мартовской революціей въ Германіи, и вернулся туда. Потомъ, вторично изгнанный изъ Германіи, онъ бѣжалъ въ Лондонъ, убѣжище для всѣхъ, изгнанныхъ съ континента, выдающихся представителей крайнихъ и революціонныхъ идей. Здѣсь жилъ Марксъ до своей кончины послѣдовавшей въ 1883 году.

По словамъ нашего соотечественника П. В. Анненкова, Марксъ представлялъ изъ себя типъ челоуѣка, сложеннаго изъ энергіи, воли и несокрушимаго убѣжденія. Онъ какъ бы призванъ былъ управлять умами, законодательствовать надъ ними и вести ихъ за собой. (Воспоминанія и критическіе очерки. П. Анненковъ, т. III, стр. 156).

Марксъ — еврей.

Рядомъ съ Марксомъ надо поставить другого еврея — Лассалья. Лассаль собственно не создатель новыхъ идей; его значеніе заключается въ томъ, что онъ популяризировалъ тѣ идеи, которыя Карль Марксъ выработалъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, и что онъ сдѣлалъ мысли своего учителя понятными массѣ, такъ какъ форма, въ которой ученіе Маркса появилась въ его большомъ трудѣ, была недоступна большинству. Марксъ представитель социализма, Лассаль — социального движенія. Въ то время, какъ Марксъ ввелъ социализмъ въ науку, Лассаль ввелъ его въ жизнь. Для этого послѣдній имѣлъ всѣ данныя. Онъ обладалъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, энергичной и самостоятельной волей,

безграничным честолюбием, мощной и в то же время симпатичной наружностью, что слѣлало его естественнымъ вождемъ большого движенія.

Въ 1864 году Лассаль былъ убитъ на дуэли. Послѣдователи его до сихъ поръ свято чтутъ его память, какъ основатель социалистической партіи въ Германіи, какъ человѣка, призвавшего рабочіе классы къ самостоятельной дѣятельности.

„Карлу Марксу удалось занять первое мѣсто среди социальныхъ философовъ XIX-го столѣтія, и вмѣстѣ съ англичаниномъ Дарвиномъ и нѣмцемъ Гегелемъ приобрѣсти величайшее вліяніе на современную мысль“. (Зомбартъ),

„Теорія Маркса не изложена цѣликомъ ни въ одномъ изъ его сочиненій“. Его ученіе приходится поэтому выбирать изъ разныхъ его книгъ и составленныхъ имъ такъ называемыхъ „манифестовъ“ (Коммунистическаго и др.). Замѣчательно, что Марксъ именно этой неопредѣленности обязанъ также своимъ высоко выдвинутымъ впередъ положеніемъ,

„Такъ какъ Марксъ, пишетъ проф. Зомбартъ, не выставилъ никакой опредѣленной программы, не нарисовалъ никакой ясной картины желаемаго будущаго, а выборъ средствъ въ классовой борьбѣ также не опредѣлилъ, то онъ и сталъ общепризнаннымъ теоретикомъ социального движенія“.

Ученіе Маркса развивалъ, дополнялъ и пояснял его другъ Фридрихъ Энгельсъ.

Духовное наслѣдіе, оставленное намъ Марксомъ и Энгельсомъ, представляется на первый взглядъ

какой то беспорядочной кучей противорѣчивыхъ мыслей. (Зомбартъ).

Марксисты претендуютъ на то, что К. Марксъ далъ научную основу социализму. Прудонъ также заботился объ этомъ и, кажется, чаще другихъ употреблялъ слово наука (science), но изъ этого ничего не вышло. Оказался ли Марксъ счастливымъ въ его? Посмотримъ.

„Сущность мыслей (идей), развиваемыхъ Марксомъ, можетъ быть въ сжатой формѣ выражена слѣдующимъ образомъ. Общественная, политическая и духовная жизнь развиваются по извѣстнымъ законамъ. Чтобы открыть эти законы, мы должны обратиться къ изученію хозяйства, т.-е. матеріальныхъ условій жизни. Экономика является фундаментомъ всего общественнаго зданія: удовлетвореніе всякой потребности человѣка предполагаетъ „наличность соответствующихъ матеріальныхъ благъ, поставляемыхъ хозяйствомъ. Сообразно тому, какъ люди матеріально обставлены, ведутъ это хозяйство, насколько развиты производительныя силы — будетъ складываться и государственная и правовая (юридическая), и даже нравственно-этическая (моральная) жизнь.“

Научный социализмъ, социализмъ Карла Маркса, совершенно отрѣшается отъ внушенной внутренняго духовнаго сознанія и устанавливаетъ почти механическіе законы социальной жизни.

Основу общественныхъ явленій эта теорія видитъ въ законѣ обмена веществъ, которымъ живетъ весь органическій міръ. На той ступени раз-

витія, которую представляетъ человѣческое общество, обмѣнъ веществъ является въ сложной формѣ производства. Вся исторія человѣчества, съ его учрежденіями, классами, войнами и революціями, есть не что иное, какъ исторія производства.

Энгельсъ—двойникъ Маркса—относительно производства сказалъ: „Производство, а послѣ него обмѣнъ продуктовъ производства, есть основаніе всего общественнаго порядка“.

Изъ ученія Маркса выходитъ, что коренныхъ причинъ всѣхъ общественныхъ измѣненій и политическихъ переворотовъ надо искать не въ головахъ людей, не въ ихъ растущемъ знаніи о вѣчной истинѣ и справедливости, а въ измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна; этихъ причинъ надо искать не въ философіи, а въ экономикѣ данной эпохи, въ матеріальныхъ условіяхъ населенія.

Только эти экономическія, матеріальныя условія въ конечномъ счетѣ вызываютъ видоизмѣненія общественнаго строя, а слѣдовательно только они и имѣютъ самостоятельное историческое развитіе.

Все Марксъ и Энгельсъ ставятъ въ зависимость отъ результатовъ хозяйственной техники, отъ формъ производства и обмѣна продуктовъ производства.

„Эта матеріалистическая концепція исторіи“, объявляетъ торжественно Ф. Энгельсъ, „изгнала идеализмъ изъ его послѣдняго убѣжища“. Исторія является вѣчно мѣняющимся процессомъ вещества, въ которомъ наши понятія о справедливости не имѣютъ ничего абсолютнаго, такъ какъ мѣняются съ переменной условій. Никто такъ иронически не

относится къ громкимъ фразамъ XVIII вѣка, какъ научный социализмъ. Революціонерамъ XVIII вѣка представлялось, говоритъ Ф. Энгельсъ, „что міръ до тѣхъ поръ (то есть до нихъ) позволялъ руководить собою ничтожнымъ предразсудкамъ; прошедшее заслуживало только жалости или презрѣнія. Теперь впервые показывался свѣтъ, впервые вступали въ царство разума, въ которомъ вѣчная истина должна прогнать суевѣріе, несправедливость, привилегіи, притѣсненія посредствомъ равенства, основаннаго на природѣ, и посредствомъ естественныхъ правъ человѣка...“

У Гегеля умственный процессъ олицетворяется подъ именемъ *идеи* и становится творцомъ дѣйствительности, которая является только внѣшнимъ его выраженіемъ. По воззрѣнію же Маркса истина лежитъ въ дѣйствительности, то есть въ матеріальномъ мірѣ; все идеальное ничто иное, какъ отраженное и опрокинутое въ человѣческой головѣ матеріальное бытіе. (Б. Чичеринъ).

По мысли К. Маркса вся исторія, исторія всѣхъ до нынѣ существовавшихъ обществъ, есть исторія борьбы классовъ и классовой борьбы. Всякая политическая борьба есть, въ своей основѣ, борьба классовъ, — и наоборотъ, всякая классовая борьба есть борьба политическая. Современная исторія есть исторія борьбы между буржуазіей (капит.) и пролетаріатомъ (рабоч.). Классы являются результатомъ извѣстныхъ экономическихъ соотношеній производства и распределенія, которыми также определяются и условія господства. (Зомбартъ).

Люди живутъ всегда въ соотвѣтствіи тому, какъ производятъ. „Исторія, говоритъ Энгельсъ, была не что иное, какъ борьба классовъ, и эти борющиеся классы повсюду и всегда были продуктомъ способа производства и обмѣна. (Л. А. Тихомировъ).

Какъ создалась классовая борьба и какъ родились планы о будущемъ обществѣ, въ которыхъ (и борьбѣ и планахъ) пролетаріатъ (рабочее сословіе) занялъ такое видное мѣсто?

Классовая борьба ведется между имущими и немущими, между буржуа и наемными рабочими. Тутъ социализмъ не можетъ быть движеніемъ основаннымъ на чисто научномъ познаніи. Классовая борьба есть столкновение интересовъ, интересовъ классовъ или партій, (а не теоретическихъ положеній). Въ этой борьбѣ — воинствующемъ движеніи — много тенденціозности — (односторонности, умышленныхъ подтасовокъ). Гдѣ тутъ мѣсто научной непогрѣшимости? Хлопотали объявить социализмъ непогрѣшимымъ, но изъ этого ничего не вышло. (Эд. Бернштейнъ).

Самъ Марксъ вовсе не занимался планами устройства „будущаго общества“.

Но социализмъ Маркса легъ въ основу рабочаго движенія (всюду, гдѣ оно носило социалистическій характеръ).

Марксъ исходилъ изъ правила, что освобожденіе рабочихъ изъ своего нынѣшняго положенія должно быть ихъ собственнымъ дѣломъ.

По его словамъ, социалистическая организація общества будущаго (когда частной собственности

не будетъ, а орудія производства сдѣлаются достояніемъ общества) возможна и желательна лишь послѣ перехода государственнаго механизма въ руки пролетаріата.

Слѣдовательно Марксъ питаетъ надежду, что со временемъ всюду и вездѣ воцарится пролетаріатъ (рабочее сословіе).

Исходя изъ положенія о классовой борьбѣ, получаемъ новое опредѣленіе. Подъ социальнымъ движеніемъ разумѣется совокупность всѣхъ освободительныхъ стремленій пролетаріата, какъ общественнаго класса. (Зомбартъ).

Отъ толчка, даннаго К. Марксомъ, современный социализмъ продолжаетъ стремиться къ тому, что можно обозначить однимъ словомъ — къ „эмансипаціи пролетаріата“. Извѣстный классъ по ученію социалистовъ, можетъ считать себя эмансипированнымъ лишь тогда, когда онъ сталъ господствующимъ въ экономическомъ, слѣдовательно, и въ политическомъ отношеніи, или по крайней мѣрѣ сталъ независимымъ. Значитъ пролетаріатъ, находящійся въ зависимости отъ капитала, только тогда можетъ считать себя эмансипированнымъ, освобожденнымъ, когда свергнетъ съ себя эту зависимость отъ капитала. (Зомбартъ).

Иго капитала пролетаріатъ (раб. соел.) сброситъ съ себя тогда — думаютъ социалисты-марксисты — когда орудія производства, послѣ классовой борьбы перейдутъ изъ рукъ капиталистомъ въ руки рабочихъ.

Установивъ цѣлью обращеніе орудій производ-

ства въ общественную собственность и указавъ на классовую борьбу, какъ на путь къ достиженію этой цѣли, Марксъ создалъ тѣ два основныхъ столба, на которыхъ должно было опираться все движеніе. (Зомбартъ).

Борьба стала лозунгомъ этого новаго жесткаго, нелюбезнаго поколѣнія пролетаріевъ второй половины XIX столѣтія, не миръ, не примиреніе, не общее братство, а просто борьба. (Зомбартъ).

„Превращеніе капиталистическаго общества въ социалистическое должно совершиться посредствомъ насильственнаго переворота; такимъ образомъ, надо чтобы пролетаріатъ захватилъ себѣ политическую власть и самъ установилъ и утвердилъ тѣ законы и правительственныя мѣропріятія, на которыхъ будетъ основано новое общество“. (Зомбартъ).

Отъ этого насильственнаго способа дѣйствія социалисты на практикѣ не вполне отказались, хотя ихъ теорія гласитъ противоположное.

„Диктатура пролетаріата“ — излюбленная ихъ мечта.

Имѣя теперь передъ собою картину, изображающую общія положенія социализма, перейдемъ къ оцѣнкѣ сего ученія.

Ученіе Маркса имѣетъ обширную научно-философскую основу. Его теорія создалась изъ вліянія англійской политической экономіи, французскаго социализма и нѣмецкой философіи. Въ его сочиненіяхъ имѣются большія разсужденія о товарѣ, цѣнности, капиталѣ, заработной платѣ, рентѣ, о такъ-называемой „прибавочной цѣнности“ и пр. Этой

стороны ученія мы не имѣемъ возможности коснуться.

Намъ нужно ознакомиться преимущественно съ главными положеніями социальнаго движенія, т.-е. съ тѣмъ, какъ практически, въ жизни, стараются проводить социализмъ. Теорія же социализма, т.-е. социализмъ въ области мысли, въ наукѣ — сама по себѣ очень сложна и требуетъ особой подготовки.

Кромѣ того, надо сказать, что ученая критика (Бэнъ-Баверкъ и представители экономической науки Вагнеръ, Шель и др.) считаетъ научную систему Маркса „карточнымъ домикомъ“.

Представлю краткій перечень установленныхъ уже недостатковъ социализма.

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ современнаго социализма, проф. Зомбартъ, пишетъ: „Коммунистическій манифестъ, въ которомъ сказались теоретическія воззрѣнія К. Маркса, — это самое странное произведеніе, какое только появлялось въ міровой литературѣ. Оно полно ошибокъ, незрѣлыхъ идей — и тѣмъ не менѣе это увлекательный шедевръ; въ немъ богатство идей граничитъ съ чѣмъ-то сказочнымъ“ ...

„Мы видимъ, затѣмъ, читаемъ у того же профессора, что первую критикою марксизма, которая произвела извѣстное впечатлѣніе на самихъ его приверженцевъ, было время“. — „Тамъ и сямъ вытаскивали по камню изъ зданія марксистской системы. Цѣлая армія кротовъ — буржуазныхъ и социалистическихъ — взрывали почву, на которой вы-

силось гордое зданіе, пока оно не рухнуло однажды, неожиданно, безъ всякаго предупрежденія, какъ кампанілла въ Венеціи“.

Въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ Марксъ ошибался. Въ его теоріи много противорѣчій по отношенію къ руководящимъ основнымъ положеніямъ ея. У Маркса ни на чемъ не основано положеніе, что грѣхопаденіе рода человѣческаго совершилось, вслѣдствіе введенія частной собственности. Марксъ несомнѣнно преувеличилъ значеніе концентраціи капитала. Невѣрно у него и то положеніе, что „пауперизмъ (т.-е. массовая бѣдность, лишеніе средствъ къ поддержанію существованія) растеть еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и чѣмъ богатство“. Въ классической для Маркса странѣ капитализма, которую онъ прежде всего имѣеть въ виду, а именно въ Англии, число пауперовъ за послѣднее поколѣніе даже абсолютно сократилось“. Такovy выводы германскаго профессора Зомбарта. Тоже утверждаетъ русскій ученый.

„Звѣзда марксизма начинаетъ дни заката“, писалъ профессоръ томскаго университета Климентовъ. Критическая мысль разрушила цѣльность смѣлаго матеріалистическаго ученія Маркса и Энгельса, оказавшаго большое вліяніе на современную демократію. Экономическая наука, изучая современную хозяйственную дѣйствительность, убѣдилась въ томъ, что законы капиталистическаго хозяйства, открытые К. Марксомъ, далеко не носятъ того точнаго характера, который старался придать имъ творецъ „Капитала“.

Говоря вообще о социалистахъ, приходится отмѣтить полную несогласованность ихъ воззрѣній: одни социалисты полагають, что будутъ существовать особыя и отдѣльныя государства и народы, другіе требуютъ уничтоженія всѣхъ государствъ, требуютъ даже снести теперешніе города и селенія и землю разбить на отдѣльныя коммуны. Одни увѣряють, что собственность *навсегда* останется, какъ священное право (Менгеръ, Браке); другіе требуютъ, чтобы собственность была рѣшительно уничтожена. Социалисты не сговорились также по вопросу о томъ, каково будетъ ихъ будущее общество.

Считать, какъ допускають многіе изъ нихъ, возможнымъ съ помощью насильственныхъ дѣйствій основать новый общественный строй, противорѣчить всякому историческому и реалистическому смыслу. Ибо новый общественный порядокъ долженъ медленно назрѣвать, именно въ нѣдрахъ стараго порядка. (Зомбартъ).

Вообще же относительно способовъ и средствъ осуществленія своихъ идеаловъ, они далеко еще не сговорились и пока поють „кто въ лѣсъ, кто по дрова“.

Въ 1899 г. среди марксистовъ произошелъ расколъ. Его вызвалъ Бернштейнъ своей книгой „Проблемы социализма“, въ которой онъ подвергъ теоретическое ученіе Маркса рѣзкой критикѣ. Первыя нападки относятся къ области историко-философской. Бернштейнъ, подобно Декарту, начинаетъ съ „сомнѣнія во всемъ“. Можно ли признавать

экономическія причины единственнымъ двигателемъ исторіи? Развѣ къ экономикѣ можно свести все проявленія общественной жизни? „Чисто экономическія причины образуютъ почву для принятія опредѣленныхъ идей, но какъ онѣ, идеи, появляются, какъ распространяются и какую форму принимаютъ—это зависитъ отъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда вліяній“.

Экономическое ученіе Маркса, думаетъ Бернштейнъ, тоже оставляетъ желать много лучшаго: развѣ можно считать удовлетворительной крайне абстрактную теорію трудовой цѣнности и прибавочной цѣнности?

Въ самомъ корнѣ социализма находится большая червоточина.

Социализмъ хочетъ осуществить правду въ обществѣ и въ то же время быть высшей нравственной силой. Но, къ сожалѣнію, онъ усматриваетъ эту правду исключительно въ равномерности распредѣленія матеріальнаго благосостоянія. Но такъ какъ стремленіе къ матеріальному благосостоянію есть только естественный фактъ человѣческой природы, то одновременно это стремленіе не можетъ имѣть никакого нравственнаго значенія.

(Въ томъ фактѣ, что хочу кушать и кушаю—ничего нравственнаго нѣтъ. Тутъ лишь удовлетвореніе природной потребности: возстановленіе количества веществъ въ организмѣ).

Социализмъ отстаиваетъ права матеріи, улучшение экономического состоянія, болѣе животную сторону человѣка, но прикрываетъ это флагомъ

„общаго блага,“ любви къ человѣчеству, всеобщаго братства...

Самое важное,—центръ Бернштейновской критики—то, что классовыя противорѣчія не только не обостряются согласно марксистскому ученію, но очевидно смягчаются.

Послѣдователи Маркса исповѣдовали, что капиталъ растетъ и сосредоточивается все болѣе и болѣе въ однѣхъ рукахъ и тѣмъ ухудшаетъ положеніе рабочаго класса. Капиталъ вреденъ, онъ душитъ пролетаріатъ! Отсюда борьба пролетаріата съ капиталомъ, капиталистами. Это не такъ.

Въ дѣйствительности же количество „владѣющихъ“ становится не меньше, а больше. Насколько „демократизируется“ богатство въ настоящее время (т.-е. переходитъ въ руки низшихъ классовъ), можно судить по безчисленнымъ примѣрамъ акціонерныхъ компаній, число пайщиковъ которыхъ доходитъ до 40—50.000, а размѣръ акціи исчисляется нѣсколькими десятками франковъ. Въ Англіи за время съ 1851 по 1881 г. число лицъ съ доходомъ въ 150—1000 ф. ст. возросло на $233\frac{1}{2}\%$, тогда какъ все населеніе только на 30% .

Сосредоточеніе производства вовсе не идетъ такъ быстро, какъ ожидали: въ Англіи, напр., этой классической странѣ капитализма, въ крупномъ производствѣ занято $3\frac{1}{2}$ —4 милл. лицъ, тогда какъ въ мелкомъ и среднемъ производствѣ— $5\frac{1}{2}$ милл. „Во всей Зап. Европѣ и Америкѣ крупное землевладѣніе идетъ на убыль, среднее и мелкое возрастаетъ“. Въ Голландіи съ 1884 по 1893 г.

число хозяйствъ малыхъ размѣровъ (въ 5—10) увеличилось почти на 200%. Развѣ социализмъ не выигрываетъ отъ увеличенія благосостоянія?

Конечно выигрываетъ.

Вопреки Марксу, Бернштейнъ думаетъ, что ходъ исторіи ведетъ не къ увеличенію пропасти между магнатами капитализма и пролетаріатомъ, а къ ея постепенному заполненію.

Социализмъ перваго періода его развитія облюбовалъ, между прочимъ, положеніе, гласящее, что „рабочій не имѣетъ отечества“. Онъ не имѣетъ того врожденнаго (какъ Бакунинъ говорилъ, „чисто животнаго“ — *purement bestial*) чувства своей связи съ землей, которое сильно развито у крестьянина. Пролетарій — это беспочвенное растеніе большого города, безъ мѣстной окраски, безъ постоянного мѣстопробыванія; онъ — дитя всего міра. Онъ не имѣетъ и культурной (внѣшнія удобства жизни) связи съ отчизной, такъ какъ свѣтъ родной культуры только слабо проникаетъ въ тѣ потемки, гдѣ ютится пролетарій. Такъ же мало достается ему отъ матеріальной культуры своей родины; не даромъ говорятъ: „его отечество находится на 6 футовъ подъ землею“ (Много ли человѣку земли нужно? Гр. Л. Н. Толстой). Какія національныя особенности могутъ выразиться въ одеждѣ и ѣдѣ, чѣмъ исчерпывается все бѣдное содержаніе пролетарской жизни? Недоступна ему духовная культура родины: сокровища національнаго искусства и литературы почти закрыты для него. Такъ говорили прежніе социалисты.

Бернштейнъ, какъ болѣе умный и уравновѣшенный социалистъ, предложилъ своимъ единомышленникамъ отказаться отъ подобной нелѣпости. Тезисъ — пролетаріатъ не имѣетъ отечества — лишенъ смысла: въ настоящее время дѣти пролетарія на Западѣ учатся въ общинной школѣ; онъ лечится въ общинной больницѣ и государство защищаетъ его отъ многихъ опасностей и неприятностей. Онъ уже не человѣкъ безъ родины, онъ гражданинъ своего отечества, — это созданіе современной культуры, а потому о полномъ уничтоженіи національностей не можетъ быть и рѣчи. Такое уничтоженіе есть мечта и притомъ некрасивая, и во всякомъ случаѣ нельзя ожидать ея осуществленія въ будущемъ человѣчества. Даже постоянная армія не является въ глазахъ Бернштейна институтомъ, во что бы то ни стало подлежащимъ уничтоженію. — „Пора, наконецъ, социаль-демократіи эмансипироваться отъ власти фразы и стать открыто тѣмъ, чѣмъ она уже является въ дѣйствительности — демократическо-социалистическою партией реформы.“

Бернштейнъ предложилъ социаль-демократической партиі перестать быть также революціонной...

Соціальныя или социалистическія реформы — вотъ что составляетъ цѣль социаль-демократіи. Социализму не нужны революціонныя побрякушки; ему надобенъ Кантъ, а не кантъ (пуританскій гимнъ) — играетъ словами Бернштейнъ. Слѣдовательно, социаль-демократія изъ революціонной партиі должна превратиться въ партию демократическо-социалистическихъ реформъ.

„Не капризь, писалъ Бернштейнъ, не желаніе играть словами, но именно желаніе придать социалистической теоріи возможную степень научности заставляетъ меня оспаривать у социализма титулъ научнаго и предпочитать ему наименованіе критическаго социализма“.

Бернштейнъ выдвинулъ длинный рядъ укоровъ и неприятныхъ напоминаній марксизму. „Помните, — говорилъ онъ, — какъ усердно вы молились заработной платѣ, а потомъ довольно грубо настаивали на томъ, чтобы ее вычеркнуть изъ вашихъ программъ“. Теорія обнищанія — распалась. Короче — научное банкротство социализма — налицо.

Цѣль Бернштейна устранить послѣдніе остатки утопическаго образа мыслей въ социалистической теоріи и въ то же время укрѣпить одинаково и реалистическій и идеалистическій элементъ въ социалистическомъ движеніи. Вокругъ книги Бернштейна завязывалась страстная борьба, расколовшая всю германскую социаль-демократію на два крыла — бернштейнианство или ревизионистское и ортодоксальное.

Бернштейнианство существуетъ и въ другихъ странахъ. Во Франціи представителемъ бернштейнианства можетъ считаться Жоресъ, въ противоположность Геду.

Датская, шведская, и норвежская социаль-демократія являются тоже почти сплошь бернштейнианскими.

Рабочее движеніе растетъ. Оно завоевываетъ социализму одну позицію за другой и укрѣпляется

на нихъ... И въ то же время въ области научнаго социализма, вмѣсто единства, замѣчается разложеніе теоріи, вмѣсто увѣренности представителями теоретическаго социализма овладѣваетъ сомнѣніе и смятеніе. Дошли до того, что стали ставить вопросъ: да нуженъ ли вообще научный социализмъ? Достаточно утопій и мечтаній.

Вы видите, какъ распатаны научной критикой положенія К. Маркса. Отсюда ясно, что устои социализма еще не прочно поставлены. Социализмъ желаетъ чего-то хорошаго; стремится къ чему-то лучшему, но цѣль не выяснена; пути къ ея достиженію не проложены. Вокругъ туманъ, въ которомъ мелькаютъ свѣтлые проблески.

Французскій художникъ изобразилъ такую картину: По небу несется розовое облачко (счастье). Къ этому счастью бросаются всѣ, очертя голову: дамы въ роскошныхъ туалетахъ, мужчины во фракахъ, рабочіе въ синихъ блюзахъ, съ сильными мускулистыми руками. Всѣ толкаютъ, топчатъ и душатъ другъ друга въ стремленіи къ неуловимому облачку. Нѣчто подобное мы видимъ и въ социализмѣ...

Отъ этихъ общихъ и бѣглыхъ замѣчаній, перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ положеній, которыя играютъ наиболѣе вліятельную роль отчасти въ теоріи социализма, а главнымъ образомъ — въ практикѣ социалистическаго движенія.

III.

Самое выдающееся сочинение Маркса—это „Капиталъ“. Его первый томъ изданъ имъ самимъ въ 1867 году, а второй томъ—его другомъ и сотрудникомъ Фридрихомъ Энгельсомъ. Это обширное сочинение—тотъ арсеналь, откуда социалисты берутъ свое научное оружіе.

Книга Карла Маркса „Капиталъ“ была названа евангелиемъ социализма. Фердинандъ Лассаль былъ названъ своими почитателями Мессіей социалистовъ. Многіе увѣрены, что учение Маркса измѣнитъ нынѣшній общественный строй, какъ христіанство измѣнило древній (Лавеле).

Въ основаніе книги о „Капиталѣ“ положенъ анализъ стоимости товара. Товаръ, говоритъ Карлъ Марксъ, есть первоначальная клѣточка, изъ которой строится народное богатство. (Б. Чичеринъ).

При каждомъ товарѣ надо обращать вниманіе на двоякую цѣнность его: на пользу, приносимую имъ при его употребленіи, т.-е. на его потребительную цѣнность, и на его мѣновую цѣнность. (Герцбергъ).

При всякой мѣнѣ, человѣкъ сравниваетъ ту пользу, которую она (мѣна) даетъ, съ тою, которую онъ получаетъ; это и служитъ ему побужденіемъ для мѣны. Степенью полезности предмета опредѣляется и то, что покупатель готовъ за него дать; онъ дастъ больше за то, что ему нужнѣе, меньше за то, что ему менѣе нужно. (Б. Чичеринъ).

Марксъ спрашиваетъ: „какое же это качество, которое всѣ товары, хотя бы самые различные, должны имѣть общимъ“. Онъ отвѣчаетъ: „это качество есть человѣческій трудъ, необходимый для производства этихъ товаровъ“. Гдѣ не было труда, тамъ нѣтъ и продажной цѣнности.

Въ подтвержденіе своей мысли, указываетъ на то, что самую необходимую для человѣка потребительную цѣнность имѣютъ воздухъ и вода. Но оба они при обыкновенныхъ условіяхъ не имѣютъ продажной цѣны. Для того, чтобы трудъ имѣлъ продажную цѣнность, требуется чтобы это былъ полезный трудъ, придающій сырому матеріалу форму, годную для употребленія.

Почему же это, однако, трудъ единственное остающееся качество предмета? Я, напримѣръ, покупаю лѣсъ и плачу за него золотомъ. Неужели, независимо отъ полезности этихъ предметовъ, единственное ихъ качество, что они оба составляютъ произведеніе труда. Но вѣдь они точно также, и еще въ гораздо большей степени—произведенія природы. Въ покупаемый мною лѣсъ, можетъ быть не положено никакого труда, смотря по обстоятельствамъ. Очевидно, трудъ берется тутъ какъ дѣятель производства; но самъ Карлъ Марксъ признаетъ, что онъ не единственный дѣятель: есть еще и природа. Есть и капиталъ.

Главная ошибка Маркса состоитъ въ томъ, что, по его взгляду, цѣнность зависитъ отъ труда.

И это не такъ: „Хлѣбъ сжатый въ теченіи рабочаго дня на хорошо воздѣланномъ полѣ, имѣетъ

въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ во много разъ большую цѣнность, чѣмъ тотъ, который сжать на плохомъ и тощемъ полѣ, между тѣмъ, какъ жатва обоихъ полей требовала одинаковаго труда. Слѣдовательно, цѣнность не всегда соотвѣтствуетъ труду, даже при изготовленіи полезныхъ и необходимыхъ предметовъ". (Герцбергъ).

Марксъ говоритъ: „Вода приноситъ наибольшую пользу, она необходима и все же не имѣетъ ни малѣйшей цѣнности, такъ какъ природа намъ ее даетъ безъ всякаго съ нашей стороны труда. Слѣдовательно, не польза, говоритъ онъ, опредѣляетъ цѣнность. И все же бываютъ случаи, когда хотѣлось бы платить большія деньги, чтобы получить воды; напримѣръ, въ пустынѣ, въ осажденномъ городѣ, во время пожара. Что вода не всегда получается даромъ, это знаютъ особенно большіе города. Потребители должны здѣсь дорого платить за воду“.

Постоянно повторяется социалистическими агитаторами ученія Маркса, что лишь физическій трудъ заслуживаетъ названіе „работы“, и что лишь тотъ, кто производитъ жизненные потребности, долженъ быть названъ почетнымъ именемъ „рабочаго“. Всѣ же остальные люди только потребители и бесполезные, даже вредные члены общества. А сколько можно представить примѣровъ весьма полезныхъ людей, изъ числа тѣхъ, которые физическимъ трудомъ себя не обременяли. Развѣ обдумываніе изобрѣтенія и усовершенствованія всѣхъ тѣхъ механическихъ приспособленій, которыми мало-по-малу во-

оружается человекъ, не можетъ назваться работой. Кто открылъ примѣненіе силы пара, электричества, магнита, какъ не тѣ, чьи силы и время не уходили на ежедневный физическій трудъ и которые поэтому могли концентрировать свои умственные способности на изслѣдованіе силъ и законовъ природы.

Карлъ Марксъ изслѣдуетъ затѣмъ превращеніе денегъ въ капиталъ. Это краеугольный камень всей системы, и здѣсь авторъ радикально расходится со всѣми экономистами; послѣдніе подъ именемъ капиталъ разумѣютъ всякое произведеніе, обращенное на новое производство; но Карлъ Марксъ, возвращаясь къ понятіямъ древнихъ, видитъ въ капиталѣ только деньги, приносящія проценты. (Проф. Б. Чичеринъ).

Капиталомъ является соединеніе въ однѣхъ рукахъ рабочаго матеріала и средствъ, чтобы привести въ дѣйствіе много рукъ, которые иначе были бы въ бездѣйствіи.

Капиталь есть сила, которая, особенно въ наши дни, одна въ состояніи взяться за большія предпріятія и создавать новыя отрасли промышленности.

Капиталь есть результатъ сбереженія; такъ какъ одинъ сберегаетъ больше, другой меньше, одинъ помѣщаетъ свой капиталъ выгоднѣе другого, то и возникаетъ экономическое неравенство между людьми, увеличивающееся еще съ переходомъ капиталовъ по наслѣдству; въ обществѣ возникаетъ особый классъ *капиталистовъ*.

Соціалъ-демократы обзываютъ всѣхъ капиталистовъ ничега недѣлающими дармоѣдами. Марксисты и социалисты озлобленно обрушиваются на капиталистовъ. Чтобы правильно распредѣлить капиталъ, Марксъ создалъ цѣлую теорію. Товаръ получаетъ цѣнность, какъ предметъ торговли, только благодаря работѣ. Если это такъ, кому же принадлежитъ по справедливости эта мѣновая или продажная цѣнность? Отвѣтъ: Конечно, только тому, кто произвелъ эту цѣнность, т.-е. рабочему. Если вся цѣнность происходитъ исключительно отъ труда, то и богатства, добытыя трудомъ, принадлежатъ рабочимъ; если трудъ есть единственный законный источникъ пріобрѣтенія имущества, то исключительно работники и должны владѣть ими. Почему же промышленникъ, фабрикантъ, капиталистъ кладетъ доходъ въ свой карманъ? (Герцбергъ).

Марксисты, развивая далѣе свою мысль, говорятъ такъ. Главное зло капиталистическаго производства то, что въ немъ трудъ отдѣленъ отъ капитала глубокой пропастью, трудъ работаетъ не на себя, а на капиталъ, орудія производства находятся въ рукахъ не представителей труда, а представителей капитала. Между тѣмъ общественному труду мы обязаны всѣмъ, и самъ капиталъ существуетъ только благодаря этому труду.

Подобныя разсужденія марксистовъ не выдерживаютъ даже снисходительной критики.

Капиталисты далеко не паразиты, высасывающіе соки изъ народа. Въ экономической жизни общества они исполняютъ свое дѣло: играютъ роль

органа для приращенія капиталовъ, а отъ этого приращенія, зависитъ все народное богатство. „Благостояніе народа поднимается единственно черезъ то, что капиталы умножаются быстрѣе, нежели народонаселеніе. Таковъ именно ходъ при нормальномъ экономическомъ развитіи, чему признакомъ служитъ постепенное уменьшеніе процента съ капиталовъ. Оно доказываетъ, что вслѣдствіе усилившагося предложенія капиталовъ, приходящаяся на ихъ долю часть общаго барыша уменьшается; слѣдовательно, увеличивается часть, приходящаяся на долю труда. Это и есть единственный нормальный способъ поднять благосостояніе низшихъ классовъ. Капиталисты являются главными орудіями этого движенія“. (Чичеринъ. Исторія политическихъ учений, т. V, стр. 137).

Всемирноизвѣстные богачи работаютъ очень много, своими милліонами и связаннымъ съ ними могуществомъ двигая огромными предпріятіями. „Развитіе промышленности увеличиваетъ благосостояніе рабочихъ классовъ, а вовсе не уменьшаетъ его“.

Даже извѣстный Сидней Веббъ (въ книгѣ „Англійскіе рабочіе съ 1837 по 1897 гг.“) долженъ признать, что наемная плата почти вездѣ повысилась и рабочій за свой трудъ получаетъ гораздо больше товаровъ, чѣмъ прежде; число рабочихъ часовъ сокращено; жилищныя условія улучшены; дѣло образованія значительно подвинулось впередъ; бібліотеки, музеи, собранія произведеній искусствъ, стали рабочимъ гораздо доступнѣе и т. д.

Какъ замѣчаетъ Зомбартъ въ своей книгѣ „Со-

циализмъ" — „не одинъ наемный работникъ въ Европѣ получаетъ больше университетскаго профессора, а въ Америкѣ средній работникъ этого класса немного отстаётъ отъ высшаго оклада прусскаго экстраординарнаго“.

Борьба за капиталъ заставила обѣ стороны вооружиться. Капиталисты тоже приняли мѣры защиты. Это озлобило многихъ. На забастовки и стачки рабочихъ стали въ Америкѣ отвѣчать забастовками капиталисты, и стакнувшись вмѣстѣ, стали отказывать рабочимъ въ работѣ. Создались союзы капиталистовъ; въ результатъ появились изъ милліонеровъ милліардеры, люди, обладающіе прямо колоссальными богатствами, предъ которыми цари и правители и цѣлые народы оказались бѣдняками.

Значеніе капиталовъ большое, но не губительное. Деньги стали почти главнымъ признакомъ, раздѣляющимъ людей другъ отъ друга. Касты, сословія—упразднены и потому деньги дали себя болѣе знать, какъ признакъ раздѣленія людей.

Но злоупотребленіе капиталомъ не исключаетъ, однако, и правильнаго пользованія имъ.

Капиталъ въ общественной (соціальной) и промышленной жизни нашихъ дней необходимъ. Если бы соціалъ-демократіи удалось уничтожить частное владѣніе, или скопленіе капитала въ отдѣльныхъ рукахъ, исчезла бы всякая частная инициатива, всякая предприимчивость и нанесенъ былъ бы смертельный ударъ цивилизаціи, развитію, даже всякому свободному обществу.

Капиталы одинъ ученый сравниваетъ съ водое-

мами. Какъ большой резервуаръ воды во время долгой засухи даетъ необходимую воду, хотя расходъ ея и превышаетъ притокъ, такъ и богатый промышленникъ въ состояніи продолжать дѣйствіе фабрики или завода, несмотря на то, что расходъ нѣкоторое время превышаетъ доходъ. Онъ можетъ не отказывать рабочимъ и не уменьшать ихъ заработной платы именно потому, что капиталъ даетъ ему возможность выдержать кризисъ. Намъ извѣстно, что многіе изъ крупныхъ промышленниковъ часто продолжаютъ свое дѣло безъ прибыли, даже съ убыткомъ, и все же не отказываютъ рабочимъ и часто даже не уменьшаютъ ихъ заработной платы. Вотъ это называется дѣйствовать благородно по отношенію къ согражданамъ. Но такъ поступать они не могли бы не имѣя капитала. Не всегда полезно дробить большое. Если бы вздумали раздѣлить всю водную массу большой рѣки на множество мелкихъ канавокъ, желая этимъ принести всѣмъ пользу, жестоко ошиблись бы въ расчетѣ, такъ какъ вода или превратилась бы въ болото, затерялась бы въ пескахъ, или во время засухи совершенно исчезла бы, между тѣмъ какъ рѣка въ прежнемъ своемъ видѣ, никогда не засохнетъ и всегда останется жизненной жилой для страны. Капиталъ и есть этотъ глубокой и текущей въ жизненныхъ жилахъ потокъ человѣческаго труда. Напрасны, слѣдовательно, на него нападки.

Карлъ Марксъ называетъ капиталъ „тайной несправедливостью“ нашихъ дней. Посмотримъ, правъ ли онъ?

Какъ ведутся обыкновенно предпріятія? Какъ примѣняются капиталы въ современныхъ производствахъ?

Покупая землю, человекъ кладетъ въ нее свой капиталъ. За выгодное положеніе (ближе къ городу, къ морю, къ желѣзной дорогѣ) и за болѣе плодородную почву онъ платитъ дороже, нежели за землю, которая не соединяетъ въ себѣ этихъ условий. Обратите вниманіе, тутъ свободное лицо—единственный судья своей выгоды. Самое понятіе о выгодѣ въ значительной степени носить на себѣ субъективный характеръ.

Капиталистъ затѣваетъ какое-либо производство. Предприниматель имѣетъ то преимущество, что у него обыкновенно есть капиталъ, а потому онъ можетъ ждать, тогда какъ работнику нужно ѣсть. Но далеко не всегда и не всѣ преимущества на сторонѣ капиталиста, при его соприкосновеніи съ рабочимъ. Работникъ имѣетъ то преимущество, что безъ него предприниматель можетъ обанкротиться, а если у него есть сбереженія, то и онъ можетъ ждать, даже долѣе, нежели предприниматель. Тамъ, гдѣ требуется работа, а рабочихъ мало, перевѣсъ всегда будетъ на сторонѣ работниковъ. Притомъ предприниматель дѣйствуетъ для будущаго, и та выгода, въ виду которой онъ нанялъ работниковъ, можетъ вовсе не осуществиться, тогда какъ работникъ во всякомъ случаѣ получаетъ свою плату. Работникъ участвуетъ въ постройкѣ фабрики. Развѣ онъ ждетъ, когда фабрика станетъ давать доходъ: его рассчитываютъ сразу. Тоже повторяется при

другихъ производствахъ. Работникъ получилъ авансъ и ушелъ отъ риска предпріятія. Условія значительно уравниваются, а потому вообще нелѣпо называть предпринимателей кровопійцами. Покупаются ими трудъ, а не рабочая сила—которая остается при рабочемъ. „Рабочая сила“ продается на рынкѣ въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ *рабство*; свободный же работникъ продаетъ только *временное* употребленіе своей рабочей силы—свою работу.

По Марксу же выходитъ такъ: пришелъ работникъ, приложилъ свой трудъ и надо отдать ему плоды его работы. Это неправильное требованіе.

Каждый воленъ начинать всякое предпріятіе, какое ему заблагоразсудится, ибо каждый является единственнымъ судьей своихъ силъ и средствъ. Всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи есть посягательство на свободу человека. А такъ какъ всякій затѣваетъ предпріятіе на свой рискъ, въ виду ожидаемой имъ прибыли, то полученная прибыль опять же принадлежитъ ему и никому другому. Тутъ все зависитъ отъ личной воли и отъ личной дѣятельности предпринимателя, а потому результаты этой дѣятельности принадлежатъ ему. Результаты предпріятія могутъ быть разнообразны; успѣхъ предпріятія зависитъ отъ личныхъ качествъ предпринимателя и отъ безчисленныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Рядомъ съ громаднымъ барышемъ можетъ быть и громадный убытокъ. Но обогащеніе и разореніе равно падаютъ на самого предпринимателя, ибо онъ начиналъ предпріятіе на собственный страхъ.

Нельзя забывать объ отвѣтственности и безпокойствѣ во время экономическихъ кризисовъ. Иногда ставится на карту благополучіе не только самого дѣльца, но и сотни людей, зависящихъ отъ него. Если бы работникъ, узнавъ, какая тяжесть лежитъ на плечахъ у хозяина, и увидавъ мечъ, висящій часто на волоскѣ, надъ его головой, часто, очень часто не захотѣлъ бы быть на его мѣстѣ. Работникъ, введенный агитаціей въ заблужденіе, видитъ только пріятныя стороны богатства. (Герцбергъ).

Одинъ трудъ рабочаго не можетъ и не долженъ обращать вещи, товара, въ его собственность. Тутъ необходимо считаться съ тѣмъ, кому принадлежитъ ранѣе право владѣнія вещью.

Вопросъ разрѣшается двоякимъ путемъ. Если работникъ нанимаетъ чужую землю или чужія орудія, то матеріальные плоды его труда остаются его собственностью, а онъ хозяину платитъ за наемъ. Или же, земля и орудія остаются во владѣніи хозяина, а работникъ отдаетъ въ наймы свой трудъ и получаетъ за него вознагражденіе. Таково рѣшеніе, выработанное жизнью и признанное всѣмъ человѣчествомъ. Тутъ нѣтъ рабства капитала, нѣтъ насилія. Все естественно, все справедливо.

Когда рабочій самъ имѣетъ землю, оборотный капиталъ и инструменты, тогда онъ и получаетъ всю прибыль. Но когда онъ самъ ничего не имѣетъ и долженъ пользоваться чужимъ, не справедливо ли тогда, чтобы онъ платилъ вознагражденіе за пользование? Если фабрикантъ даетъ ему все это, то онъ и принужденъ учестъ съ готоваго товара сум-

му, соответствующую его затратамъ. (Герцбергъ). Марксъ говоритъ совершенно вѣрно, что работодатель не отдаетъ рабочему всей прибыли отъ его работы; онъ и не можетъ это сдѣлать, потому что, еслибы онъ это сдѣлалъ, то откуда взялъ бы онъ тогда проценты на затраченный капиталъ, вознагражденіе за свой рискъ, за свое долготѣнее образование и за свою дѣятельность, въ качествѣ управителя. (Герцбергъ). (А ремонтъ машинъ и пр.?).

„Такимъ образомъ, свободная промышленность, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, организуется на началахъ собственности и договоровъ. Это—не созданный произвольно и выдуманный юридическій порядокъ, съ которымъ волею или неволею должно сообразоваться. Юридическій законъ беретъ эти требованія подъ свою охрану, именно потому, что они являются вмѣстѣ съ тѣмъ требованіями справедливости. Вѣчная правда предписываетъ воздавать каждому свое, а свое, по неизгладимому закону человѣческой природы, есть то, что приобрѣтается путемъ свободы“.

Послѣдствіе этого свободного движенія промышленныхъ силъ выразилось въ томъ, что въ обществѣ являются лица съ различнымъ экономическимъ назначеніемъ: землевладѣльцы, капиталисты, предприниматели и рабочіе. Эти различныя категоріи лицъ равно необходимы въ экономической жизни. Въ странѣ совершенно новой, гдѣ человѣческой дѣятельности не полагается никакихъ препятствій, эти разряды лицъ возникаютъ безъ всякаго внѣшняго принужденія, просто потому, что они требуются экономической жизнью.

Напротивъ, всякая искусственная организація, имѣющая въ виду установить между промышленными силами иные отношенія, нежели тѣ, которыя возникли бы изъ свободной ихъ дѣятельности, неизбежно влечетъ за собою подавленіе свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ нарушеніе экономическихъ законовъ и уменьшеніе производства, которое поражается въ самомъ своемъ корнѣ. (Проф. Б. Чичеринъ).

Въ капиталѣ, сосредоточенномъ въ частныхъ рукахъ, социалисты и марксисты видятъ зло. Поэтому они объявили войну капиталу, желая вырвать его изъ рукъ собственниковъ.

Такимъ же зломъ они объявили частную собственность.

Марксъ въ „коммунистическомъ манифестѣ“ говорить: „отличительной чертой коммунизма является не уничтоженіе собственности вообще, а уничтоженіе буржуазной собственности. Нужно уничтожить буржуазную собственность, но вѣдь современный строй есть буржуазный, современное общество буржуазное,—объ этой буржуазности социалисты говорятъ ночью и днемъ. Слѣдовательно и современная частная собственность есть буржуазная.

Въ томъ же „коммунистическомъ манифестѣ“ Марксъ и Энгельсъ, обращаясь къ защитникамъ частной собственности, говорятъ: „короче, вы упрекаете насъ въ томъ, что мы хотимъ уничтожить вашу собственность. Совершенно вѣрно, мы хотимъ это сдѣлать“.

Марксъ еще требуетъ „конфискаціи собственности всѣхъ эмигрантовъ и мятежниковъ“.

Остановимся на этомъ домогательствѣ социалистовъ.

Первымъ актомъ социаль-демократовъ, при утверженіи новаго экономического строя, является—насиліе, выражающееся въ формѣ экспроприаціи частной собственности. Марксъ съ своей обычной категоричностью оправдываетъ насиліе надъ собственностью такъ: „Вы приходите въ ужасъ отъ того, что мы хотимъ уничтожить частную собственность. Но въ нашемъ теперешнемъ обществѣ частная собственность уничтожена для девяти десятыхъ его членовъ, она существуетъ именно потому, что эти девять десятыхъ лишены ея. Такимъ образомъ, вы упрекаете насъ въ томъ, что мы хотимъ уничтожить такую собственность, необходимымъ условіемъ существованія которой является отсутствіе собственности у огромнаго большинства членовъ общества“.

(Комм. маниф., стр. 18),

Социалистамъ желательно сдѣлать собственность достояніемъ хозяйственнаго государства.

Уже одно отрицаніе собственности не можетъ быть признано за идеалъ всѣмъ человѣчествомъ.

Претензіи социалистовъ на землю весьма своеобразны. Въ этомъ отношеніи опредѣленіе другихъ высказался Прудонъ. Онъ говоритъ:

Сто тысячъ человѣкъ поселяются въ странѣ, пространствомъ равняющейся Франціи и не имѣющей жителей; право каждаго человѣка на земельный капиталъ равняется одной стотысячной. Если число владѣльцевъ увеличивается, то для каждаго уменьшается сообразно съ этимъ увеличеніемъ, такъ

что если количество жителей возрастет до 34 миллионъ, то для каждаго будетъ равняться одной 34-хъ миллионной части. Устройте-же полицію и правительство, трудъ, обмѣнъ, наслѣдство и пр., такъ чтобы средства для работы были всегда равны, и чтобы всякій былъ свободенъ, и общество будетъ совершенно.

Съ перваго взгляда софизмъ Прудона можетъ показаться правильнымъ и заманчивымъ, но только съ перваго взгляда, поверхностнаго. Маленькое критическое прикосновеніе къ его словамъ сразу обнаружитъ ихъ несостоятельность.

Надо обратиться къ главному историческому способу установленія земельной собственности.

Способы приобрѣтенія собственности могутъ быть двоякаго рода: овладѣніе и трудъ.

Теорія овладѣнія идетъ отъ римлянъ. Римскіе юристы утверждали, что по естественному разуму, то, что никому не принадлежитъ, достается овладѣвающему.

„Первое явленіе свободы въ окружающемъ мірѣ—читаемъ мы у Чичерина (Философія права, стр. 120)— есть собственность. По праву разумнаго существа человѣкъ налагаетъ свою волю на физическую природу и подчиняетъ ее себѣ“.

Какъ разумное свободное существо, я имѣю право налагать свою волю на окружающіе меня матеріальные предметы, и эта воля законна, пока она не встрѣчаетъ волю другихъ разумно-свободныхъ существъ. Слѣдовательно, какъ скоро вещь находится въ моемъ владѣніи, такъ другой не

можетъ уже ее себѣ присвоить, ибо этимъ нарушается законное проявленіе моей свободы, то есть, мое право.

„Каждый человѣкъ (говоритъ папа Левъ XIII въ Энцикликѣ отъ 15-го мая 1891 г.: „О положенія трудящихся“) отъ природы имѣетъ право обладать собственностью: это одно изъ главныхъ отличій человѣка отъ животныхъ. „Именно потому“, говоритъ нѣмецкій юристъ Аренсъ, „что человѣкъ есть существо самобытное, которое должно своеобразно устроить свою жизнь, онъ долженъ имѣть нѣчто для себя“. На томъ основаніи, что одинъ человѣкъ среди животныхъ надѣленъ разумомъ, должно быть признано его право обладать предметами не только для временнаго потребленія, но прочно, постоянно: право обладать предметами, примѣнимыми въ будущемъ“. „Право собственности—объявляетъ Генри Джоржъ— основывается не на человѣческихъ законахъ: оно опирается на законы естественные, другими словами— на законы Бога. Оно ясно и безусловно и всякое нарушеніе его, совершается ли оно отдѣльной личностью или цѣлымъ народомъ, есть нарушеніе заповѣди: „Не укради“.

Происхожденіе собственности изъ права овладѣнія отвергается ученіемъ социалистовъ во имя принадлежащаго всѣмъ людямъ права получить одинаковое съ другими количество матеріи для удовлетворенія своихъ потребностей. Но такое право есть чистый вымыселъ. Изъ свободы оно вовсе не вытекаетъ. Свобода даетъ человѣку только право

приобрѣтать все, что угодно, не нарушая чужой свободы и чужого права; но свобода не уполномочиваетъ его требовать отъ другихъ какое бы то ни было количество матеріи для удовлетворенія своихъ потребностей и еще менѣе количество равное тому, которымъ они сами владѣютъ. Если, на примѣръ, въ обществѣ рыболововъ, одинъ поймалъ извѣстное количество рыбы, то другой, ссылаясь на то, что онъ свободное существо, не имѣетъ никакого права требовать, чтобы и у него было совершенно такое же количество рыбы. Столь же мало имѣетъ кто либо право требовать, во имя своей свободы, чтобы ему даны были орудія производства. (Въ этомъ числѣ землю, машины). Рождающійся въ обществѣ рыболововъ не можетъ требовать, чтобы ему при рожденіи былъ данъ неводъ. Такое право ни въ какомъ обществѣ никогда не обезпечивалось и не обезпечивается другими членами. Если въ приведенномъ Прудонемъ примѣрѣ, сто тысячъ человѣкъ совокупными силами занимаютъ извѣстное пространство земли, то они, безъ сомнѣнія, вольны раздѣлить его поровну. Вновь же прибывающіе члены не имѣютъ ни малѣйшаго права требовать, чтобы имъ была удѣлена такая же доля, какъ и первымъ обладателямъ. Тѣ имѣли полное право распоряжаться землею по своему усмотрѣнію, потому что въ то время земля не принадлежала никому; но какъ скоро она усвоена, такъ никто не имѣетъ на нее право, помимо воли владѣльцевъ. Вновь нарождающіеся члены получаютъ только наслѣдіе своихъ пред-

шественниковъ. Равенство состояній, которое имѣетъ въ виду Прудонъ, вовсе не есть указанный Провидѣніемъ образецъ, это не болѣе какъ фантазія мечтателей, идущая наперекоръ и требованіямъ разума, и даннымъ опыта, и природѣ человѣка. Если каждый членъ общества имѣетъ равное съ другими право на всякую частицу матеріи, и это право обезпечивается ему другими, то очевидно, никто не имѣетъ особеннаго права ни на что: все принадлежитъ всѣмъ. Общество, какъ цѣлое, становится единственнымъ обладателемъ всѣхъ вещей, а личность и ея свобода превращаются въ призракъ.

Требованія націонализаціи земли, т.-е., обращенія всѣхъ частныхъ земель въ собственность государства, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Дѣйствительно, если частная земельная собственность есть „воровство“, какъ писали социалисты, то почему же относительно каждаго отдѣльнаго государства нельзя разсуждать подобнымъ же образомъ? по какому тогда праву намъ отказывать, напр., нѣмцамъ въ заселеніи своими колоніями нашей территоріи и хозяйничаніи здѣсь по своему?

Лицо, къ которому общество обращается съ требованіемъ удѣлить изъ своего участка земли клочекъ другому, дабы участки въ величинѣ уравнились, въ правѣ отвѣчать, что на земномъ шарѣ еще много пустыхъ пространствъ, и что во всякомъ случаѣ надобно доказать, что вновь нарождающіеся члены имѣютъ право на такое количество, а не на другое. Наконецъ и этотъ математиче-

скій расчетъ окажется несостоятельнымъ, ибо очевидно, что дѣло не въ одномъ количествѣ, а еще болѣе въ качествѣ. Громадныя пространства сѣверныхъ тундръ можно охотно промѣнять на нѣсколько удобныхъ десятинъ подъ небомъ Италіи. Если все одинаково принадлежитъ всѣмъ и законъ равенства для всѣхъ обязательнъ, то лапландцы могутъ предъявить свои требованія: „берите, если хотите, наши безконечныя тундры, а намъ дайте земли около Неаполитанскаго залива.“

Ясно, что принятое Прудономъ начало разрушается собственною нелѣпостью.

Второй способъ пріобрѣтенія собственности—трудъ.

Если же мы признаемъ, что трудъ составляетъ единственный источникъ собственности, какъ утверждаютъ ортодоксальные марксисты, то мы должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что государство собственникомъ быть не можетъ. Оно труда не проявляетъ.

Отрицаніе собственности составляетъ самую сущность социализма.

Такое ученіе чревато вредными послѣдствіями. Поэтому дѣятели великой французской революціи закрѣпили неприкосновенность собственности частныхъ лицъ. Декларация правъ чловѣка и гражданина причислило собственность, вслѣдъ за свободою, къ прирожденнымъ правамъ чловѣка.

Французы понимали то, чего не желаютъ понять нынѣшніе социалисты, что гражданскій порядокъ весь зиждется на правѣ собственности и безъ него обойтись не можетъ.

Если тронуть право частной собственности, то все заколеблется: чловѣкъ не можетъ уже быть увѣреннымъ ни въ чемъ; онъ почувствуетъ, что посягаютъ на весь его личный міръ, на его свободу, на его дѣятельность, на его семью, на все, что ему дорого, на его прошедшее и будущее. Разлагаются первоначальные элементы общественнаго быта.

Въ „Декларации обязанностей чловѣка и гражданина“ (въ восьмой статьѣ) сказано: „На признаніе всѣхъ родовъ собственности зиждется развитіе земледѣлія, всѣхъ производствъ, всѣхъ видовъ труда и всего общественнаго строя“.

Затѣмъ Анри Шантавуанъ даетъ этому такое разъясненіе:

„Собственность священна“, говоритъ философъ (В. Кузень, „Справедливость и милосердіе“ — *Justice et Charité*, 1888 г.), — „потому что она олицетворяетъ право самой личности“.

„Въ моей собственности отражается частица моего я; ей присущи мои права, вѣрнѣе сказать — мои права слѣдуютъ за мной въ этой собственности, и вотъ эти то права и заслуживаютъ уваженія“.

„Трудъ и производство не являются сущностью права собственности, но скрѣпляютъ и развиваютъ его“.

„Сама грамматика это признаетъ: мое, твое, наше, ваше—все это мѣстоименія притяжательныя, опредѣляющія наличность собственности. О своей землѣ земледѣлецъ говоритъ: „мое имущество“, чтобы

удостоверить и закрепить представление, что это его земля. „Мои инструменты, моя снасть, мое орудіе.—говорить рабочій; „моя книга“,—заявляетъ писатель. Противъ этого закономѣрнаго опредѣленія безсилны всѣ химеры, всѣ бредни міра.

„Если существуютъ гдѣ-либо обитаемые міры, мы можемъ допустить между ними и нами какого угодно рода различія; но мы не можемъ себѣ представить,—ибо въ этомъ отказываетъ разумъ,—чтобы законы геометріи, механики, нравственности личной, политической и соціальной были имъ чужды, чтобы понятіе собственности оставалось имъ неизвѣстнымъ“.

„Мы окружены людьми, которые что-либо, мало или много, имѣютъ“.

„Самая бѣдная деревушка является сборищемъ собственниковъ. Свѣтящееся солнце, идущій дождь, воздухъ, который мы вдыхаемъ, протекающая въ рѣкѣ вода принадлежитъ всѣмъ; улица всѣмъ доступна; но этотъ маленькій домишко, покрытый соломой, кому нибудь да принадлежитъ.

„Декларация обязанностей“ разумно устанавливаетъ, что воздѣлываніе земель, всѣ производства, всѣ виды труда и всякій общественный строй зиждутся на признаніи принципа собственности. Уничтожьте личную собственность и поглотите ее общей собственностью, трудъ и производительность понизятся; понизятся въ одиноковой степени выручка страны и ея богатство. Человѣкъ уже такъ созданъ—и его въ этомъ отношеніи не измѣнить—что онъ никогда не будетъ работать столь охотно

и такъ хорошо на другихъ, какъ на себя. Мы въ этомъ убѣждаемся каждый день: нанятой сельскій рабочій никогда не работаетъ съ такой охотой, какъ собственникъ, не получаетъ отъ нея того же удовлетворенія“.

Принципъ собственности, присущій и необходимый въ понятіи о личности и семьѣ,—можетъ быть не менѣе присущъ и необходимъ въ представленіи о націи и отечествѣ.

„Въ самомъ дѣлѣ, что такое Отечество? Независимо отъ другихъ чувствъ и идей, это какъ бы громадное національное имущество, въ которомъ каждый изъ насъ имѣетъ свою долю; это наслѣдіе въ одно и то же время недѣлимое и удѣляемое каждому, на которое сосѣди наши не имѣютъ никакого права, которое, напротивъ, каждый изъ насъ имѣетъ право требовать обратно и обязанъ защищать; это наслѣдіе, общее для людей, говорящихъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ, повинующихся однимъ и тѣмъ же законамъ, имѣющихъ одно и то же прошлое въ исторіи: наслѣдіе крови, труда, славы и мукъ, переданное намъ нашими отцами и которое мы, въ свою очередь, оставимъ нашимъ дѣтямъ“.

(Анри Шантавуанъ).
Изъ этого можно видѣть, какой страшный вредъ приносятъ соціалистическія ученія, подрывающія основы собственности.

(Затѣмъ полезно указать на брошюру „Соціально-демократическія картинки будущаго. По Бебелю. Евгеній Рихтеръ. Изд. А. С. Суворина. Необходима передача главнаго содержанія этой книжки).

Остроумный рассказ Евгения Рихтера наглядно показывает, какой сумбур водворит социализм, если его осуществить на практикѣ.

Рядомъ съ рассказомъ Евг. Рихтера надо поставить и то направление въ иностранной литературѣ, которое протестуетъ противъ устройства жизни по одному указанію холоднаго, расчетливаго и эгоистическаго разума. Англичанинъ *Безантъ* въ своемъ романѣ „Въ царствѣ разумности“ (см. „Рус. Вѣст.“ 1889 г.) мѣткими штрихами рисуетъ скуку и безжизненность социалистическаго общества, которое упразднило человѣческія чувства, религію, искусства и основало все на здоровомъ смыслѣ. Члены общества ѣдятъ, пьютъ, спятъ и работаютъ только для своего пропитанія; они имѣютъ общій костюмъ, общую столовую, общій домъ съ кельями для ночлега, и не смотря на все это, жизнь ихъ невыносима. Дѣло кончилось распаденіемъ общества и возстаніемъ, поведшимъ къ сверженію тирани разума. Американецъ Эдуардъ *Беллами* также написалъ социально-политическій романъ „Черезъ сто лѣтъ“, въ которомъ рисуетъ то счастливое время, когда не будетъ нынѣшняго зла—денегъ. Его произведеніе ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что излюбленные идеалы времени, выработанные разумомъ, начинаютъ надоѣдать человѣку и онъ желаетъ положить предѣлъ поклоненію золоту и развитію промышленнаго духа, не дающимъ ему душевнаго спокойствія. Человѣкъ находится въ поискахъ за новыми, лучшими идеалами. Еще болѣе достойными вниманія являются романъ *Поля*

Бурже „Ученикъ“ и драма *Додэ*—„Борьба за существованіе“. Авторы этихъ произведеній уже прямо идутъ разрушать идоловъ послѣднихъ поколѣній, они ополчились на принципы позитивизма и дарвинизма, считающіеся лучшимъ цвѣтомъ современной науки и якобы положенные въ основу всего социальнаго строя жизни.

Перейду теперь къ вопросу о *пролетариатѣ*.

„Пролетаріатъ долженъ исчезнуть, но я не изъ тѣхъ, которые думаютъ, что собственность должна исчезнуть. Знаете, что будетъ убито, когда исчезнетъ собственность? трудъ“. (В. Гюго).

„Вопросъ о пролетаріатѣ составляетъ для всякой страны вопросъ жизни, вопросъ свободы и прогресса“. (Щегловъ).

Франція считается родиной современныхъ общественныхъ классовъ.

Въ современномъ обществѣ мы различаемъ четыре социальныхъ класса:

1) *Дворянство*.—Это представители феодально-земельнаго и патриархальнаго помѣщичьяго хозяйства.

2) *Мелкая буржуазія*, мѣщанство, или, можно его назвать, ремесленный классъ (въ широкомъ смыслѣ): представители традиціонной ремесленной экономической организаціи.

3) *Буржуазія*—представительница капиталистической хозяйственной системы.

Противоположнымъ полюсомъ, антитезой буржуазіи является —

4) *пролетаріатъ*.

Если мы хотим понять сущность пролетариата, мы должны прежде всего отдѣлаться отъ представленія о какомъ-то жалкомъ оборванцѣ. Напротивъ, слово пролетариатъ въ настоящее время — безъ связи его съ первоначальнымъ значеніемъ — употребляется въ техническомъ смыслѣ, чтобы обозначить слой населенія, состоящіе на службѣ и на платѣ у капиталистовъ-предпринимателей. Свободный рабочій людъ образуетъ ядро этого класса.

Однако совершенно иная получается картина, когда къ этимъ „настоящимъ“ пролетаріамъ, къ „чистокровнымъ“, причислить и великое множество полукровныхъ. Здѣсь подразумеваются „голяки“, неимущее населеніе il popolo, „мелкій людъ“, къ которымъ можно причислить и всѣ, скажемъ, пролетарскія единицы изъ разряда „самостоятельныхъ“ хозяевъ и ремесленниковъ, а также низшіе слои чиновничества (напримѣръ мелкихъ служащихъ почты и желѣзныхъ дорогъ).

Крайняя нищета не есть специфическое состояніе пролетариата, какъ класса (хотя въ рядахъ его, конечно, попадаются также голодающіе). Но большинству пролетаріевъ живется вовсе не такъ худо. Многіе рабочіе въ Европѣ зарабатываютъ больше профессора университета, а въ Америкѣ средняя цифра годового дохода этого класса стоитъ почти не ниже максимальнаго жалованья прусскаго „экстраординарнаго“ профессора, на что и указывалось мною еще ранѣе.

Источникъ пролетарскихъ движеній и стремленій вовсе не есть крайняя нужда.

Гораздо сильнѣе тутъ дѣйствуетъ контрастъ, наблюдаемый рабочимъ между своимъ, зачастую стѣсненнымъ положеніемъ, и тѣмъ богатствомъ, въ которомъ утопаютъ многіе члены класса предпринимательей, причемъ этотъ избытокъ, по мнѣнію рабочаго, созданъ имъ же, рабочимъ. Состоя на службѣ у богача, рабочій перемогается. Этотъ контрастъ ежедневно колетъ ему глаза, проникаетъ въ его сознаніе не только потому, что онъ часто видитъ проявленіе этой роскоши въ нелѣпой, кичливой формѣ, но пуще всего потому, что онъ ежедневно видитъ у себя на глазахъ вновь вырастающія крупныя состоянія. Этотъ моментъ выразительно изображенъ у Альберта Ланге; „чувство зависти“, говоритъ онъ, „никогда не исчезнетъ, если бѣднякъ живетъ вблизи богача“.

Чувствительно угнетаетъ пролетарія и другое обстоятельство, точно также существенно опредѣляющее его положеніе: зависимость отъ работодателя.

Это только корни, изъ которыхъ вырастаетъ пролетарская критика существующаго общественнаго строя.

Всюду слышимъ мы „глухой топотъ рабочихъ батальоновъ“, — такъ Лассаль цытался запугать своихъ противниковъ. И если мы хотимъ изобразить себѣ картину социальнаго движенія нашего времени, то мы представляемъ его себѣ не иначе, какъ въ видѣ исполинской людской волны, въ которой почти не выдѣляется ясно ни одно лицо, но которая затопляетъ всю страну, до дальнаго горизонта, гдѣ послѣднія толпы сливаются съ мракомъ.

Весь родъ человѣческій дѣлится на пролетаріатъ и буржуазію. Существуетъ пролетарское сознание и буржуазное сознание, пролетарская мораль и мораль буржуазная; даже логика не одинакова у этихъ классовъ. Что же такое, однако, пролетаріатъ, долженствующій обновить міръ?

Этотъ вопросъ разбирался на одномъ митингѣ въ Петербургѣ. Докладчикъ путался и говорилъ явныя несообразности. Въ концѣ концовъ, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что единственнымъ признакомъ пролетарія является жизнь не по средствамъ. Съ этой оригинальной точки зрѣнія, капиталистъ или крупный помѣщикъ, получающій въ годъ двадцать тысячъ и проживающій двадцать пять, оказывается истиннымъ пролетаріемъ, а мелкій ремесленникъ, ухитряющійся отложить изъ своего недѣльнаго заработка одинъ двугривенный имѣть всѣ права на зачисленіе въ классъ буржуазіи.

Слово „пролетарій“ происходитъ отъ латинскаго „proles“ — дѣти, и по буквальному смыслу означаетъ человѣка многосемейнаго, или ничего, кромѣ дѣтей неимѣющаго. Такое толкованіе совершенно не соотвѣтствуетъ обычному смыслу слова, но столь же мало выясняетъ дѣло и шаблонное опредѣленіе пролетарія, какъ человѣка, не имѣющаго орудій производства и продающаго свой трудъ капиталисту. Если принять это послѣднее опредѣленіе, то, напримѣръ, писатель, адвокатъ, или артистъ, оказались бы среди пролетаріевъ, а разнощикъ, торгующій съ лотка, сапожникъ или швея, живу-

ще впроголодь, очутились бы въ классъ буржуазіи. Ежедневно совершались бы превращенія чудеснѣе овидіевыхъ метаморфозъ: сегодняшній доблестный пролетарій, добывающій пропитаніе подневной работой въ мастерской буржуа, завтра, купивъ верстакъ и кое-какой инструментъ, превращался бы въ представителя истинныхъ враговъ соціальной революціи и по всей справедливости заслуживалъ бы всѣхъ или большей части тѣхъ обвиненій и упрековъ, которые достаются на долю буржуазіи и ея „исполнительнаго комитета“. Не помогаетъ дѣлу и какое-то особое „пролетарское“ сознание, ибо весьма часто случается, что сознание крестьянина или рабочаго оказывается въ полной мѣрѣ враждебнымъ стремленіямъ и цѣлямъ вожаковъ соціальной и политической революціи, и съ другой стороны „сознаніе“ иного крупнаго собственника или какого-нибудь моднаго адвоката, зарабатывающаго уйму денегъ, какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ этимъ стремленіямъ. (Газета „Россія“).

Едва ли найдется такой здравомыслящій рабочій, который не стремился бы раньше или позднѣе пріобрѣсти сравнительный достатокъ и перейти въ классъ той самой буржуазіи, которую онъ обязанъ, по мнѣнію публицистовъ и ораторовъ крайняго лѣваго лагеря, презирать и ненавидѣть всѣми силами души.

Любой крестьянинъ мечтаетъ о пріобрѣтеніи собственнаго куска земли и его „сознаніе“ находится въ самомъ очевидномъ и рѣзкомъ противорѣчьи съ тѣмъ классовымъ сознаниемъ, которое ему

навязывают апологеты и прислужники „великаго“ пролетаріата.

Модное дѣленіе всего человѣчества на пролетаріевъ и буржуазію имѣть не больше смысла, чѣмъ, напримѣръ, дѣленіе людей на больныхъ и здоровыхъ. Больной сегодня становится здоровымъ завтра, и весьма часто, тотъ, кого всѣ окружающіе считаютъ здоровымъ, на самомъ дѣлѣ нуждается въ серьезномъ лѣченіи.

Марксъ далъ всему пролетаріату лишь нѣчто, но самое важное: самосознаніе и довѣріе къ своимъ силамъ, вѣру въ самихъ себя и въ свою будущность. Поэтому всѣ идеалы онъ сливаетъ въ чисто формальный идеалъ принадлежности къ классу. „Пролетаріамъ нечего терять... кромѣ своихъ цѣпей. Но имъ предстоитъ приобрѣсти цѣлый міръ“. „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“ При томъ одни лишь пролетаріи. Этимъ все социальное движеніе было снова скрѣплено, ему поставлена была ясная цѣль. Отчетливое указаніе Маркса на то, что социализмъ есть дѣло пролетаріата, было одной изъ главныхъ причинъ, почему марксистское ученіе одержало побѣду надъ всѣми другими ученіями.

Въ 1847 г. Бакунинъ писалъ П. В. Анненкову: „Марксъ портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ“.

Чтобы чего-нибудь добиться на свѣтѣ, надо прежде всего умѣть пробудить корыстный „интересъ“. Такъ и поступилъ Марксъ.

Пролетаріевъ въ дѣйствительности немного.

Они не имѣютъ собственности.

Естественно было бы постараться поднять бѣдныхъ и безправныхъ, поддержать обездоленныхъ.

Социализмъ пошелъ инымъ путемъ и почему-то объявилъ общество — врагомъ пролетаріата. Стали обособлять пролетаріевъ. Въ будущемъ хотятъ создать царства не нищихъ, нѣтъ! а общество безъ самостоятельнаго производства, безъ капиталистовъ, безъ хозяевъ.

Терять пролетарію нечего. Онъ всегда готовъ къ возстанію. Пролетаріи объединились и теперь ихъ интересъ сплоченной ратью разложить и обезсилить остальную часть современного общества, чтобы легче захватить власть.

Образовалось въ государствѣ два враждебныхъ лагеря.

Пролетарій всегда былъ въ уздѣ. На фабрикѣ все размѣрено, все указано. За него думали. Своего міровоззрѣнія не выработалъ. Все опредѣлено. Создалась привычка къ дисциплинѣ. Всегда въ рамкахъ. Трудился по командѣ. Для революціи это готовая армія.

Онъ не разсуждаетъ. Ему все равно.

IV.

Великая французская революція оторвала индивидуума отъ семьи, общественныхъ группъ, религіи и предоставила его самому себѣ, безъ всякой связи съ обществомъ. (Le Bon). Революція полагала.

что играет этимъ въ руку демократіи и содѣйствуетъ свободѣ человѣка. На дѣлѣ же вышло, что финансовой аристократіи относительно легко стало справляться съ беззащитнымъ индивидуумомъ, отторгнутымъ отъ общества, семьи и религіи.

Когда ошибка была замѣчена, пожелали исправить ее. Пожелали создать такую организацію, чтобы капитализмъ не могъ отравлять жизнь отдѣльными личностямъ. Отсюда родилась мысль, что организмъ социальный (общественный) важнѣе организма индивидуального. Слабые и неспособные должны быть опекаемы и слѣдуетъ, новымъ распредѣленіемъ имуществъ, произведеннымъ самимъ обществомъ, уничтожить неравенства, созданныя самой природой. Вотъ отсюда и начало современнаго социализма. Теоретически задачи современнаго социализма якобы выполнимы, ибо стоитъ только государству принять участіе въ распредѣленіи имуществъ и поддерживать такое распредѣленіе въ постоянномъ равновѣсіи. (Le Bon).

Демократія желала свободы для каждаго отдѣльнаго лица. Но въ то же время она стремилась къ власти.

Всемогущество же массъ народныхъ совершенно несовмѣстимо съ свободой. Демократія, на практикѣ, ведетъ къ подавленію свободы, и притомъ болѣе полному и рѣшительному, чѣмъ всякій другой образъ правленія. (Генцъ).

Это одна особенность демократическаго строя.

А другая сказывается въ томъ, что демократія по самой своей природѣ стремится подавить все,

что возвышается надъ уровнемъ посредственной культуры, всякія выдающіяся дарованія и отличія, и вслѣдствіе этого постоянно понижаетъ общій уровень. Противъ всѣхъ этихъ политическихъ зольнѣтъ политическихъ средствъ. Демократы не переносятъ превосходства въ людяхъ, ими управляющихъ... „Представители современной демократіи представляютъ себя пророками всенароднаго блага и прогресса, выставляя народу свой идеаль—предоставить въ управленіи народнымъ дѣломъ участіе всему народу и голосу каждаго въ особенности; но вмѣстѣ съ тѣмъ они знаютъ не хотятъ ни духа народнаго, ни вѣковыхъ преданій и вѣрованій, на коихъ утверждалась жизнь народа“. (Генцъ).

Именемъ народа говоритъ не самъ народъ. За него резонерствуютъ его представители, но они не отголосокъ народа, а проводятъ свои мысли и навязываютъ ихъ народу. Такъ повелось со времени французской революціи.

Нація, понимаемая въ смыслѣ народныхъ массъ, была еще глубоко католическою, какъ была и глубоко монархическою. Это не помѣшало ей именемъ, похеривъ церковные каноны, отказаться отъ Рима и папы, а также сдѣлать попытку водворенія республики. Свобода въ религіозномъ отношеніи была свободой оскорбленія и осмѣянія вѣрованій большинства.

Въ настоящее время народу приписываютъ стремленія социализма. Утвержденіе лживое и вредное.

„Торжество социализма — говоритъ Гербертъ Спенсеръ—было бы величайшимъ бѣдствіемъ, какое когда-либо міръ испыталъ“.

Какъ создается социальное общество будущаго? Прослѣдить это созиданіе необходимо, чтобы оцѣнить безобразные приемы социалистовъ.

„Разрушайте, разрушайте, а тамъ уже что-нибудь создастся само собою“, кричатъ они.

Соціализмъ Маркса въ теоріи сотканъ изъ фантазіи, путаницы и противорѣчій. (А. Шмаковъ). Какъ же на такомъ фундаментѣ создавать общество будущаго? Въ тоже время социалисты встрѣтились съ цѣлымъ рядомъ положеній, которыя поставили ихъ въ немалое затрудненіе, особенно если принять во вниманіе ихъ необузданность и нетерпѣливость. Оказалось, напр., что социалогія, подобно астрономіи, не допускаетъ экспериментовъ. Математическіе же законы жизни обществъ никѣмъ еще не установлены, хотя бы съ нѣкоторою вѣроятностью. Рядомъ съ этимъ, социалисты признаютъ, что нынѣшнее общество не въ состояніи уничтожить социальнаго зла, поэтому оно должно погибнуть (Герцбергъ) и быть разрушеннымъ.

Новый общественный строй придетъ самъ собою, какъ только старый общественный строй переживетъ себя, или, когда измѣнившіяся экономическія условія съ необходимостью потребуютъ измѣненія правового строя. „Съ измѣненіемъ экономическаго фундамента болѣе или менѣе быстро измѣняется и вся громадная надстройка“. Тогда условія жизни и труда для обоихъ половъ въ промышленности, земледѣліи и торговлѣ станутъ совершенно другими: воспитаніе, школа, бракъ, искусства, науки, однимъ словомъ, вся человѣческая жизнь измѣнится. Какъ

классъ буржуазіи смѣнилъ феодальное государство, такъ и рабочій классъ, когда пройдетъ эра капиталистическаго способа производства, смѣнитъ его.

Но вѣдь все это пустыя заявленія, ничѣмъ не доказанныя и непровѣренныя и тѣмъ не менѣе именно такими выкриками социалисты хотятъ насъ увѣрить въ несомнѣности своего успѣха!

Проектовъ устройства новаго общества, въ которомъ будетъ господствовать рабочій классъ, много.

Но единственная послѣдовательная социалистическая система состоитъ въ присвоеніи государству всѣхъ орудій производства (земли, машинъ, путей сообщенія и пр.), всего капитала и въ признаніи его общимъ руководителемъ всей промышленной дѣятельности народа. Этотъ шагъ необходимъ лишь для начала, а впослѣдствіи государство должно исчезнуть.

Пролетаріатъ, — говоритъ Энгельсъ, — рисуя исходъ социальной революціи, — овладѣетъ государственною властью и превратитъ средства производства сперва въ государственную собственность. Но тѣмъ самымъ онъ прекращаетъ свое существованіе, какъ пролетаріатъ, уничтожаетъ различіе классовъ и самое государство, какъ государство, а съ государствомъ исчезнетъ и религія, когда вѣры въ сверхъестественное, то-есть въ то, чего нѣтъ, не будетъ.

Социалисты не хотятъ называть въ будущемъ *государствомъ* то, что они думаютъ создать: въ 1890 г. было заявлено, что „государство“ въ какой бы то ни было формѣ должно быть упразднено какъ „реакціонное учрежденіе“.

Государство не будет „уничтожено“ — оно „умретъ“ (Энгельсъ. — Развитие научнаго социальнаго идеала, стр. 40—41), въ силу тѣхъ условий, кои съ одной стороны будутъ устранены, а съ другой — будутъ взаимно ихъ введены.

Причина понятна. „Современное государство“, говоритъ Энгельсъ, „является, главнымъ образомъ, капиталистической машиной, государствомъ капиталистовъ, это идеальный сборный капиталистъ“.

Единственнымъ основаніемъ существованія въ настоящее время государства является охрана классовыхъ интересовъ, но затѣмъ, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ классовъ, станетъ излишнимъ и государство. А социализмъ, вѣдь, устранить всѣ классовыя различія и будетъ представлять собою однородное рабочее товарищество, или общечеловѣческой союзъ, или социальный союзъ.

Соціалъ-демократы, преисполненные „братскихъ чувствъ“ ко всему міру, проповѣдуютъ идею *единой міровой республики*; для созданія послѣдней они не останавливаются передъ требованіемъ разрушенія всѣхъ современныхъ государствъ, какъ отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ, и готовы начать это разрушеніе съ собственнаго отечества.

Вздорность идеи единаго всемірнаго государства очевидна. Начнемъ хотя бы съ такого соображенія: гдѣ быть административному центру? Очевидно, что русскіе будутъ стоять за Петербургъ или Москву, нѣмцы — за Берлинъ, французы — за Парижъ, американцы — за Нью-Йоркъ... и т. д. Кому же отдать предпочтеніе? Вѣдь въ новомъ государ-

ствѣ всѣ національности будутъ равны! Другое затрудненіе: такъ какъ всѣ національности будутъ равноправны, то каждая будетъ отстаивать и свои особенности всякаго рода; чѣмъ выше развитіе этихъ народностей, тѣмъ болѣе онѣ требуютъ самостоятельности... Каждая народность стремится къ самостоятельному проявленію своихъ особенностей въ исторической жизни. Какъ же тутъ унормировать жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и отношеніяхъ до послѣднихъ мелочей по одному шаблону для всего міра! Борьба народностей внутри современныхъ государствъ не говоритъ ли достаточно, какая упорная сила — національное чувство?

Исторія съ своей стороны свидѣтельствуетъ, что попытки создать всемірное государство имѣли мѣсто нѣсколько разъ, но ни къ чему положительному, прочному не приводили.

„Во главѣ всѣхъ мѣстныхъ управленій — говоритъ Бебель объ этомъ будущемъ правительствѣ — стоитъ центральное, разумѣется, не правительство господствующей власти, а исполнительное коллегіальное управленіе“. (Бебель — „Будущее общество“, стр. 10).

Но это коллегіальное управленіе будетъ въ сущности тѣмъ же буржуазнымъ правительствомъ съ еще большей властью.

Будетъ ли будущая организація называться „государствомъ“ или рабочимъ товариществомъ или нѣтъ, вполне ясно, что и ожидаемому социалистами будущему общественному строю нужна будетъ публично организованная власть. Будутъ ли называт-

эту организацию „государством“, исполнительным коллегіальнымъ управленіемъ или какимъ-либо другимъ именемъ—это лишь споръ о словахъ.

Разъ отвергается національность и государство, то естественно, что патріотизма не будетъ. Уже „Коммунистическій Манифестъ“ 1848 г. объявляетъ міру, что „у рабочихъ нѣтъ отечества“. Нѣтъ отечества, нѣтъ и патріотизма. „Слово „отечество“, съ которымъ вы такъ носитесь,—говоритъ рейхстагу Либкнехтъ: „этотъ предразсудокъ мы въ себѣ преодолѣли; отечество—понятіе реакціонное, враждебное культурѣ!“ „Черносотенное“—сказали бы теперь въ Россіи.

Не отечество есть обветшалое понятіе, а тѣ, которые его отвергаютъ—нравственные выродки.

Въ рѣчи, произнесенной въ парижскомъ судѣ присяжныхъ однимъ изъ столповъ социализма, профессоромъ Эрве, говорилось: „Насъ, социалистовъ, на удочку патріотизма не поймаетъ; намъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до національнаго достоинства и народной чести: мы не станемъ жертвовать жизнью изъ-за такъ называемой родины. На приказъ о мобилизаціи мы отвѣтимъ вооруженнымъ возстаніемъ“.

Кажется, опредѣленно сказано. Но и достаточно отвратительно, грубо, бессмысленно.

Патріотизмъ есть, между тѣмъ, чувство, существующее чловѣку при самомъ появленіи его на исторической сценѣ: онъ столь же естествененъ и законенъ, какъ чувство семейное, родственное, нравственное сознание всѣхъ народовъ и во всѣ вре-

мена высоко ставило даже принесеніе сильнѣйшихъ родственныхъ чувствъ въ жертву отечества.

Необходимо здѣсь указать, что эта уродливѣйшая форма социализма исповѣдуется не всѣми социалистами. Извѣстное заявленіе Бебеля въ рейхстагѣ, что „мы прежде всего нѣмцы, а потомъ социалисты“. Извѣстна также недавняя горячая полемика между „старыми“ (Беле-Жоресовскаго толка) и новыми (толка профессора Эрве) социалистами,—полемика, обнаружившая не полное согласіе, впрочемъ, только принципиальное, „старыхъ“ социалистовъ съ скотскими тенденціями социалистовъ новой марки, такъ называемыхъ „антимилитаристовъ“.

Разрушенію понятія „отечество“ и „патріотизма“ много содѣйствовалъ „Интернаціональ“.

Обществу „Интернаціональ“, уже въ 1847 г., основу положилъ Карлъ Марксъ, понявшій, что безъ такого общаго союза все его новое социальное строеніе не прочно. Учрежденъ былъ „Интернаціональ“ въ дѣйствительности лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ всемірной выставки въ Лондонѣ 1862 года. По манифесту, проектированному и составленному Марксомъ, отдѣльные мѣстные комитеты въ разныхъ странахъ должны были подчиняться одному генеральному совѣту или центральному комитету, избираемому ими. Центральный комитетъ, членомъ котораго сталъ Марксъ, обязанъ былъ назначать и разрабатывать тѣ вопросы, которые должны были быть предложены конгрессу, представлять годовой отчетъ и сообщать обо всемъ,

что могло бы интересовать рабочих классовъ въ отдѣльныхъ государствахъ, объ ихъ заработной платѣ, объ отношеніяхъ между предложеніемъ и спросомъ рабочей силы и т. п.

„Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“ Этими словами Карлъ Марксъ заключилъ свой манифестъ.

Первый генеральный конгрессъ „Интернаціонала“ былъ созванъ въ Женевѣ въ 1866 году, гдѣ и былъ принятъ выработанный уставъ. Съ этого времени „Интернаціональ“ сталъ силой. Угроза этого страшнаго центрального комитета была достаточна, чтобы фабриканты въ нѣсколькихъ странахъ исполнили требованія рабочихъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ „Интернаціональ“ развился съ величайшей быстротой; всеобщее и сильное броженіе охватило рабочій классъ во всей Европѣ; одна забастовка смѣняла другую, и члены его стекались со всѣхъ сторонъ.

До 1870 года „Интернаціональ“ продолжалъ расти; онъ охватилъ всю Европу и получилъ доступъ въ Америку; количество его членовъ достигло миллионъ.

Несмотря на свою пышную организацію, „Интернаціональ“ нуждался въ тѣхъ средствахъ, безъ которыхъ немислимо въ наши дни приняться за переустройство порядка, — т.-е. попросту, — въ деньгахъ.

Чтобы поддержать солидарность между рабочими всѣхъ странъ, „Интернаціональ“ долженъ былъ имѣть въ своемъ распоряженіи большія суммы для выдачи пособія забастовщикамъ, желавшимъ добиться повышенія платы.

Для того, чтобы постановленія конгрессовъ были исполнены, требовалось безусловное послушаніе и строгая дисциплина въ управленіи „Интернаціонала“. Но эта дисциплина исчезла, что всегда было и всегда будетъ въ свободныхъ ассоціаціяхъ, основанныхъ на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ; скоро настанетъ время, когда всѣ захотятъ повелѣвать и никто не пожелаетъ слушаться.

Ужасы парижской коммуны вызвали осужденіе и реакцію противъ „Интернаціонала“, даже въ ея собственной странѣ.

Вездѣ, гдѣ только угнетенныя націи боролись за возстановленіе своей политической независимости: въ Польшѣ, Финляндіи, Арменіи, Южной Африкѣ, на Филиппинахъ и др., симпатіи социаль-демократовъ всецѣло бывали на ихъ сторонѣ. Такимъ образомъ социалисты на дѣлѣ выступали противъ идеи интернаціональности. Да иначе и быть не могло, такъ какъ интернаціональныя стремленія въ основѣ своей нелѣпы. Создалась такимъ образомъ необходимость примирить социализмъ съ началомъ національности.

Энгельбертъ Пернерсторферъ пишетъ по этому поводу въ „Соціалистическомъ Ежемѣсячникѣ“: „Національность въ ея высшей формѣ входитъ въ область идеала. Она есть высшая ступень челоуѣческой культуры въ особенномъ, въ высшей степени оригинальномъ и только одинъ разъ бывающемъ индивидуальномъ выраженіи. Она обогащаетъ челоуѣчество новой особой формой его проявленія“. Цѣль социалистовъ — завоевать для про-

летаріата участіе въ благахъ этой культуры. „Мы боремся не за то только, чтобы дать людямъ возможность по-человѣчески жить, питаться, одѣваться и т. д., но чтобы вообще сдѣлать ихъ людьми, распространивъ и на нихъ тысячелѣтіями выработанную культуру; только тогда они будутъ способны хранить и сами создавать культуру. Но всякая культура національна. Она зарождается въ отдѣльномъ народѣ и въ своихъ высшихъ формахъ по преимуществу выражаетъ опредѣленный національный характеръ... Итакъ, социализмъ вовсе не противорѣчитъ идеѣ національности, — они необходимо тѣсно связаны другъ съ другомъ. Всякая попытка ослабить національную идею должна привести къ оскудѣнію рода человѣческаго... Социализмъ хочетъ организовать, а не дробить человечество. Но въ организмѣ человечества клѣточками являются не отдѣльныя личности, а націи. Въ здоровомъ организмѣ должны быть здоровы клѣточки... И вездѣ, гдѣ только рѣчь идетъ о національномъ существованіи, нѣмецкіе социаль-демократы выступаютъ на первый планъ... Итакъ, мы радостно признаемъ нашу національность и гордимся ея великими идеями; мы знаемъ, что теоретическій социализмъ есть дѣтище нѣмецкаго духа. Народности вѣчны, и тѣмъ выше ихъ слава, чѣмъ больше они содѣйствуютъ прогрессу. И мы, какъ хорошие социалисты, называемъ себя истинными германцами. И наши представители въ германскомъ парламентѣ постоянно заявляли, что мы всегда стоимъ за свой народъ“.

Такимъ образомъ мы пришли къ удивительному выводу: мы стали изслѣдовать основы социаль-демократическаго „антинаціонализма“ и нашли въ социалистическомъ credo очень ярко выраженный націонализмъ.

Итакъ, социаль-демократія признаетъ за каждой „націей“, въ смыслѣ культурной общественности, право на самостоятельное существованіе; поэтому она враждебно относится къ государствамъ, гдѣ „насилуются“ чужія національности. Во всемъ этомъ, конечно, болѣе смысла, чѣмъ идти на буксирѣ „Интернаціонала“.

Но такъ какъ главная цѣль социалистовъ сводится къ устройству общества на новыхъ началахъ, то естественно, что эта цѣль и должна возбуждать наше наибольшее вниманіе. Обратимся поэтому къ предстоящей организаціи общества.

Какъ бы внѣшнимъ образомъ ни устраивался общественный социалистическій строй, государству или рабочему товариществу будутъ принадлежать всѣ орудія производства. Государство или товарищество явится землевладѣльцемъ, и капиталистомъ, и предпринимателемъ. Отдѣльному лицу оставляется только трудъ. Всѣ обязываются работать — и мужчины, и женщины — каждый по своимъ способностямъ. Социалистъ въ согласіи съ Библіей говоритъ: кто не работаетъ, не долженъ и ѣсть! Но продукты труда полностью становятся собственностью общества; общество отъ себя уже надѣляетъ гражданъ — каждаго по его „разумнымъ потребностямъ“.

при чемъ ни количество, ни качество труда получателя роли никакой не играютъ.

Напомнимъ, что трудомъ у социалистовъ считается собственно только трудъ физическій; всякая же другая работа разсматривается точно простая забава.

Такимъ образомъ, по социалистической справедливости выходитъ, что лѣнтяи, нерадивые, тунеядцы должны быть надѣляемы всѣми благами вполнѣ наравнѣ съ честными, упорными, способными труженниками. Работа должна быть полезная, производительная. Новое общество будетъ требовать, чтобы каждый взялся за опредѣленную промышленную, ремесленную, земледѣльческую или иную полезную дѣятельность. Общество устанавливаетъ, сколько часовъ кто обязанъ работать; въ выборѣ занятій каждый только относительно свободенъ: если, по мнѣнію общества, въ одной отрасли слишкомъ много работниковъ, а въ другой—недостаточно, то общество „улаживаетъ“ дѣло. Потребности гражданина удовлетворяются (согласно Готской программѣ) по степени ихъ разумности; объ этой разумности, конечно, также судить общество. (Генцъ).

Если бы кто-нибудь предложилъ планъ, по которому всякая инициатива въ наукѣ или искусствѣ была бы отнята у частныхъ лицъ, и всѣ ученые и художники сдѣлались бы органами и орудіями государства, которое взяло бы на себя руководство всѣхъ ученыхъ изслѣдованій и всѣхъ художественныхъ работъ, то, безъ сомнѣнія, подобное предложеніе было бы принято за бредъ сумасшедшаго.

А между тѣмъ, именно этого требуютъ социалисты въ приложеніи къ промышленной дѣятельности, которая точно также, какъ наука и искусство, составляетъ проявленіе человѣческой свободы и дѣло личнаго начинанія. Какъ свободное существо, человѣкъ имѣетъ такое же право на свободную дѣятельность въ матеріальномъ мірѣ, какъ и въ мірѣ мысли, и эта свободная дѣятельность составляетъ начало всякаго промышленнаго развитія.

Введеніе социалистическаго порядка было бы только замѣною естественнаго дѣятеля искусственнымъ, хорошаго—плохимъ. Государство менѣе всѣхъ обладаетъ качествами, нужными для предпринимателя. Здѣсь же оно поставлено въ условія самыя невыгодныя для промышленнаго производства. Оно избавлено отъ всякаго соперничества, слѣдовательно, отъ всякаго побужденія къ дѣятельности; оно не имѣетъ нужды сообразоваться и съ требованіями потребителей, ибо у потребителя нѣтъ выбора: онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему даютъ, и тѣми цѣнами, которыя ему назначаютъ.

Неизбѣжное при социалистическомъ устройствѣ умаленіе производства усилится еще тѣмъ, что вмѣстѣ съ личною самодѣятельностью будетъ подавлено и стремленіе къ сбереженію. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, сберегать, когда государство является не только единственнымъ предпринимателемъ, но и единственнымъ капиталистомъ? Всѣ орудія производства находятся въ его рукахъ, портной не смѣетъ пріобрѣсти себѣ иголку, плотникъ топоръ, земледѣлецъ соху. Социалисты не говорятъ, имѣетъ ли

сочинитель право писать своими перьями, или онъ непременно обязанъ употреблять казенныя.

Работникъ, работающій чужими орудіями, не имѣетъ интереса въ ихъ сохраненіи; нуженъ хотя быскій глазъ, а тутъ онъ замѣняется надзоромъ чиновниковъ, имѣющихъ весьма мало интереса въ дѣлѣ.

Всѣ будутъ работать на общество подъ контролемъ „товарищей“. Эти „товарищи“ или контролеры, имѣя массу дѣлъ по распредѣленію общественныхъ работъ, по контролю, по выдачѣ изъ общественныхъ магазиновъ предметовъ потребленія, конечно, сами уже не будутъ производить предметы потребленія. Создается новая и весьма многочисленная бюрократія.

На эту армію товарищей-распорядителей будутъ работать товарищи, не надѣленные властью распоряженія.

Каждому, сработавшему заданный ему урокъ, чиновники-товарищи будутъ выдавать особый знакъ — жезлъ, кусокъ бумаги, золото“; а работникъ будетъ представлять это удостовѣреніе въ общественные магазины и оттуда получать предметы потребленія.

Для частной жизни остается мало мѣста. Общество будетъ такъ угнетать васъ, какъ угнетаетъ порой одиночество аонскаго затворника. Вы будете всюду подъ негласнымъ контролемъ общества.

Каждое ваше движеніе, каждое ваше слово, каждый вашъ поступокъ будутъ „контролироваться“ и обсуждаться „міромъ“; этотъ назойливый „міръ“ будетъ проникать въ тайны вашей души, касаться

своими безцеремонными руками его святѣйшихъ чувствъ. (Проф. А. Градовскій). Общество будетъ, какъ тѣнь Банко за Макбетомъ, всюду слѣдовать за вами.

Это ужасно!

Итакъ, все станетъ общимъ; частной собственности не будетъ. Вотъ первое и самое главное *стѣсненіе свободы*. Разъ я не могу ничего имѣть своего и вынужденъ буду пользоваться въ пищу, питьѣ, одеждѣ, жилищѣ тѣмъ, что мнѣ дастъ и укажетъ социалистическое государство, ясно, что о моей свободѣ не можетъ быть рѣчи. Это большая казарма, большой пансіонъ, гдѣ сотрется всякая личность. Все уравниется, сотрется всякія различія, все будетъ одинаково, и въ этомъ насильственномъ уравниеніи погибнетъ свобода, и скажемъ прямо, погибнетъ жизнь и радость, и счастье. Социалистъ Ферри, рисуя будущій рай социализма, говоритъ съ увлеченіемъ о всеобщемъ равенствѣ: „даже галстуки у всѣхъ будутъ одинаковы и съ одинаковыми крапинками“... Онъ и не подозреваетъ, какъ убійственно тяжело это равенство. Скучно, невыносимо скучно будетъ человѣку въ этомъ скотномъ дворѣ у своего стойла, у своей порціи пищи. Все возьметъ въ руки всеильное социалистическое государство. Оно предусмотритъ и предопредѣлитъ всѣ мелочи жизни, оно раздѣлитъ квартиры, мебель, пищу, лѣкарства, книги... Но гдѣ же личность человѣка? Идеаль такого государства не новъ. Древній міръ до-христіанскій осуществилъ его; найдемъ его и теперь въ стрѣ

жизни языческих народов. Все для государства. Отсюда вышло оправданіе рабства, ибо безъ рабовъ не могло существовать государство. (Восторговъ).

„Я имѣю мало,—писалъ Прудонъ,—мнѣ нечего дѣлать съ моими „братьями“; проникнутый чувствами любви къ ближнему, я готовъ отдать свою послѣднюю рубашку въ общее пользованіе. Но есть одна вещь, которую я не могу, не желаю сдѣлать общимъ достояніемъ до тѣхъ поръ, пока считаю себя человѣкомъ, и этотъ предметъ—моя собственная личность“. (Проф. А. Градовскій).

На мѣсто всякаго личнаго интереса социалисты хотятъ поставить только какой-то восторгъ общаго благополучія. (Блюхъ).

„Свобода, равенство и братство“ въ царствѣ социализма возможны лишь на словахъ; но зато во всей силѣ дѣйствовало бы другое начало,—полное поглощеніе личности „обществомъ“. Обществомъ будутъ опредѣляться рѣшительно все стороны жизни индивида, до послѣднихъ подробностей—чѣмъ ему заниматься, гдѣ жить и пить, даже какъ думать—какъ думать!.. правда, обѣщается всеобщее избирательное право, но какое же оно имѣетъ значеніе для рабовъ!

Въ порабощеніи личности креститъ „первородный грѣхъ коммунизма“.

„Подумайте немного и вы увидите, что нельзя сдѣлать имущество и трудъ общими, не сдѣлавъ въ то же время общою личность каждаго чловека. Одна „общность“ обуславливаетъ все другія“.

„Общность или общеніе лицъ совершается чрезъ посредство вещей: предполагая, что люди не ѣдятъ другъ друга, общность устанавливается между ними чрезъ пользованіе одними и тѣми же предметами“.

Изъ чьей груди не вырывается крикъ протеста противъ подобнаго порядка?

„Позволять себѣ таксировать мои способности, опредѣлять мое мѣсто подъ солнцемъ, назначать мнѣ порцію,—это меня возмущаетъ“, писалъ Прудонъ.

Развитіе же свободной организаціи общества возможно только при томъ условіи, чтобы чловекъ имѣлъ опредѣленную точку опоры въ своей индивидуальной обстановкѣ; чтобы онъ находилъ ее въ своемъ имуществѣ, въ своей семьѣ, въ обществѣ строѣ своихъ убѣжденій, имъ выработанныхъ, а не пассивно усвоенныхъ.

Что требованія свободы личности не вытекаютъ прямо изъ теоріи научнаго социализма, это ясно само собою. Сама личность въ этомъ ученіи есть явленіе второстепенное и подчиненное. Не ея запросами и требованіями опредѣляется общественный строй. Она должна довольствоваться тѣмъ, что ей даютъ матеріальныя условія самодержавнаго производства.

Никогда еще ни одна философія, ни одна языческая религія не приводила чловека къ такому безпрекословному подчиненію игрѣ матеріальныхъ силъ, къ такому полному уничтоженію личности, какъ духовно самостоятельной силы. (И. А. Тихомировъ).

И все же главный дѣятель культуры — человекъ, а не формы, имъ созданныя. Въ отрицаніи этой истины глубочайшее заблужденіе социализма: онъ всего ждетъ отъ формы жизни, забывая, что здѣсь онъ впадаетъ въ противорѣчіе, ибо формы жизни все-таки долженъ создать человекъ „и если онъ безсиленъ и негоденъ, то таковыми же онъ создастъ и формы жизни. Все въ исторіи существуетъ чрезъ личность, въ ней и для нея; всѣ виды социальной жизни суть только разныя системы отношеній между личностями; всѣ явленія жизни духовной суть только различныя состоянія личностей; какое бы учрежденіе мы ни взяли, оно въ концѣ концовъ создается, поддерживается, измѣняется совокупною дѣятельностью личностей; индивидуумъ—единственное реальное существо, съ какимъ имѣетъ дѣло наука исторіи“.

Итакъ, если человекъ создаетъ условія жизни, то его-то и нужно прежде всего преобразовать, а не условія жизни. Нужно, значитъ, орудіе, способное преобразовать человеческое сердце вмѣстѣ съ человеческой природой, но этого-то чудеснаго орудія—религіи—и нѣтъ въ социализмѣ. „Истинное социальное улучшеніе можетъ быть достигнуто только при религіозномъ и нравственномъ совершенствѣ *отдѣльныхъ личностей*“.

Гдѣ личность въ уваженіи, гдѣ личность крѣпка—тамъ лучше всего живется, тамъ наиболѣе движется цивилизація. (Демоленъ. Аристократическая раса).

А вотъ и слова социолога Спенсера: „Нѣтъ, до-

видимому, никакой надежды заставить людей убѣдиться въ истинѣ, однако, очень очевидной, что благоденствіе общества и справедливость его учреждений зависятъ въ сущности отъ характера его членовъ, и что ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи улучшеніе невозможно, безъ улучшенія характера людей“.

Въ этомъ процессѣ постепеннаго облагораживанія людей двѣ силы, два устоя, на которыхъ покоится и донинѣ все зданіе европейской и міровой культуры: христіанская религія и христіанская наука. Подрубите одну изъ этихъ ногъ великана, и онъ рухнетъ. Социализмъ повредилъ оба эти устоя.

Пренебреженіе личностью ведетъ еще и къ другимъ дурнымъ послѣдствіямъ.

Социалистическое устройство въ самомъ корнѣ поражаетъ не только трудъ, но и изобрѣтательность. По закону справедливости новое орудіе принадлежитъ тому, кто его изобрѣлъ, и это составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ побужденій къ изобрѣтеніямъ. Здѣсь же изобрѣтателю воспрещается обладаніе какимъ бы то ни было орудіемъ.

При социалистическомъ устройствѣ, изобрѣтателю предоставляется только право представить свое изобрѣтеніе правительству, въ надеждѣ получить награду. Онъ долженъ подчиниться суду чиновниковъ, которые, съ одной стороны, не въ правѣ рисковать казенною собственностью, а съ другой стороны, не имѣютъ никакого интереса въ томъ, чтобы введено было новое производство, но весьма часто, напротивъ, заинтересованы въ томъ, чтобы

оно не было введено, ибо этимъ нарушается господствующая рутина и приципнутся новыя хлопоты. Понятно, что при такихъ условіяхъ, изобрѣтательности полагается предѣлъ; вмѣсто поощренія, она испытываетъ задержку.

Итакъ, социалистическій строй убиваетъ свободу, личность, изобрѣтательность. Но этимъ его губительная роль не исчерпана.

Не имѣя возможности реально и убѣдительно доказать преимущества будущаго строя своего общества, социалисты принялись разжигать фантазіи легковѣрныхъ.

„Солнечная теплота и жаръ будутъ извлекаться изъ земныхъ нѣдръ“, „пища будетъ приготовляться химическимъ путемъ“, „пустыни сдѣлаются любимымъ мѣстомъ пребыванія людей“, „земля будетъ садомъ“. (Бebelъ. „Будущее общество“, стр. 28, 29). Неприятный трудъ будетъ почти уничтоженъ благодаря техникѣ, „въ рудникахъ будетъ электричество“, заведутъ „различныя приспособленія противъ солнечной жары и дождя при большихъ постройкахъ“. (Бebelъ—тамъ же, стр. 24).

Рисовать въ яркихъ краскахъ будущій социальный строй, который возможенъ только при существованіи извѣстныхъ техническихъ условій, еще не наступившихъ, а теряющихся гдѣ-то за гранью вѣковъ, конечно, дѣло легкое.

Бebelъ, напримѣръ, съ восторгомъ повѣствуетъ о „будущей культурѣ стручковыхъ и корнеплодныхъ растений“, о „алеиронатѣ, дѣлающемъ мясо излишнимъ, о необходимости“ добиться сохраненія

и цѣлесообразнаго распредѣленія животныхъ и человѣческихъ отбросовъ“, о будущей кухнѣ съ электричествомъ, „походящей болѣе на салонъ, гдѣ нѣтъ ни дыму, ни жара, ни запаха“. (Бebelъ, тамъ же, стр. 56, 69, 71, 106).

Вся эта пустая болтавня никакого значенія, конечно, имѣть не можетъ. Спросимъ лучше, какъ относится будущее общество къ семьѣ?

Социалистическій строй губитъ семью.

Главная забота правительства при указанномъ порядкѣ, должна будетъ состоять въ томъ, чтобы народонаселеніе не возросло быстрѣе, нежели жизненные средства; иначе произведеній не достанетъ на всѣхъ. А разъ на обществѣ лежитъ обязанность прокормленія своихъ гражданъ и вообще всѣхъ матеріальныхъ заботы, то отчего же ему не признать за собой и права регулировать приростъ населенія и путемъ подбора совершенствовать физически людскую породу? Бebelъ словно даже дѣлаетъ намеки въ этомъ смыслѣ. („Женщина“, стр. 467 св.).

„Сношеніе половъ между собою должно быть свободно; понятіе о вѣрности и цѣломудріи упразднится; матери не будутъ воспитывать дѣтей, не будутъ нести заботы по дому и хозяйству. Все это будетъ дѣлать государство. Одинъ шагъ отъ такого казеннаго воспитанія дѣтей къ общимъ женамъ и къ изданію законовъ, которые должны регулировать приросты населенія и давать хорошую породу людей. Такъ именно и проектировалось въ системѣ Фурье: правила свои онъ прямо

бралъ изъ заводскихъ конюшенъ. И такъ, люди, какъ скотъ, будутъ пускаться на племя (Восторговъ)...

Дѣти становятся достояніемъ общества чуть не съ самаго момента ихъ рожденія. Самый человѣкъ дѣлается нѣкоторымъ атрибутомъ общества, нумеромъ въ общемъ числѣ „рабочихъ пчелъ“.

Такимъ образомъ вопросъ о коммунизмѣ является не только вопросомъ экономическимъ, но касается всѣхъ условій человѣческаго существованія. (Проф. А. Градовскій).

Семья есть основа общества и государства; въ естественномъ порядкѣ она предшествуетъ обществу какъ сила производительная; въ *семь* гражданинъ черпаетъ энергію для своей общественной дѣятельности; *семь* общество должно подражать, если хочетъ жить правильной и здоровой жизнью. Римъ былъ силенъ крѣпостью семейнаго начала; слабость восточныхъ варваровъ проистекала изъ отсутствія правильной семьи.

Черезъ 19 вѣковъ послѣ того, какъ міръ озарился свѣтомъ христіанства, люди додумываются до обращенія женщину въ общественную кормилицу, мужчину въ простого „производителя“!

Нынѣшній бракъ есть послѣдствіе права собственности; онъ требуетъ, чтобы законныя дѣти были наслѣдниками, и навязываетъ ихъ и тѣмъ, отъ которыхъ нечего наслѣдовать. Но такъ какъ въ новомъ союзѣ нечего наслѣдовать, то нѣтъ и причинъ для законнаго брака. И этимъ исчерпывается вопросъ о наслѣдін.

Домашній очагъ замѣнять, даже болѣе чѣмъ замѣнять, общественныя столовыя, собранія, библиотеки, увеселительныя заведенія, прачечныя и бани, площади для игръ и воспитательныя заведенія, куда могутъ отсылать своихъ дѣтей тѣ, которые сами не хотятъ ими заниматься. (Герцбергъ).

Понятно, какая нестерпимая тиранія должна водвориться при такомъ общественномъ устройствѣ, гдѣ свобода, личность, семья — все введено въ распisanіе, все взято подъ опеку. Эта переменна состоитъ лишь въ замѣнѣ свободныхъ частныхъ отношеній подчиненіемъ правительственной регламентаціи и произволу бюрократіи. Возьмемъ промыслы.

Частный предприниматель сначала удовлетворяетъ рабочихъ, и затѣмъ уже, за вычетомъ издержекъ, получаетъ свой доходъ; социалистическое государство, напротивъ, сначала беретъ себѣ то, что ему нужно для возмѣщенія издержекъ и для умноженія капитала, и затѣмъ уже остальное распредѣляетъ между рабочими. И это распредѣленіе производится исключительно по его усмотрѣнію. Оцѣнка труда по его качеству зависитъ либо отъ рѣшенія чиновниковъ, вовсе не заинтересованныхъ въ выгодахъ предпріятія, либо, что еще хуже, отъ голоса рабочихъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы другой не получалъ большой платы, въ ущербъ имъ самимъ. Недовольному закрыта возможность *протеста*.

Социалистическимъ производствомъ устанавливается всеобщая солидарность, а всеобщая солидарность влечетъ за собою всеобщее принужденіе, ибо тутъ

возникаютъ юридическія требованія всѣхъ на каждого и каждого на всѣхъ. Свобода лица исчерпывается совершенно. А такъ какъ свободный трудъ производительнѣе невольнаго, то и съ этой стороны неизбежно происходитъ уменьшеніе производства.

По словамъ Спенсера, „личность въ социализмѣ не принадлежитъ болѣе себѣ и не имѣетъ права извлекать выгоду изъ своихъ способностей; она принадлежитъ государству: государство ее содержитъ, но зато и руководитъ ея трудомъ“. Человѣкъ будетъ сытъ въ социалистическомъ государствѣ, но человѣка-то собственно тамъ нѣтъ. Нѣтъ свободы, а безъ нея что въ мертвомъ равенствѣ? Такъ равны камни въ стѣнѣ, такъ равны мертвые на кладбищѣ.

Этимъ путемъ социализмъ посягаетъ на свободу распоряженія человѣка своими способностями и дѣлаетъ его рабомъ государства. Происходитъ „превращеніе человѣка въ рабочій скотъ, принадлежащій фантастическому существу, именуемому обществомъ“. (Чичеринъ. Философія права, стр. 4, 125).

Культура и жизнь процвѣтаютъ и живутъ при соревнованіи и разнообразіи. Не одинъ цвѣтъ въ природѣ, не одноцвѣтная картина красива, не однообразная пища вкусна и питательна.

Да и возможенъ ли производительный трудъ при послѣдовательной коммуны? Особенно это нужно спросить о трудѣ умственномъ. Нельзя, совершенно справедливо говоритъ Штеккеръ, нельзя изъ одного

пункта опредѣлить ходъ всего производства цѣлаго народа; невозможно, при помощи государственныхъ мѣръ, опредѣлить каждого человѣка въ отдѣльности на то или другое мѣсто; невозможно сдѣлать человѣка трудолюбивымъ и изобрѣтательнымъ, безъ побуждающаго стимула личного интереса и жизнь рабочаго довольной и счастливой безъ личной свободы.

Теперь трудомъ работника пользуется предприниматель, но противъ нѣкоторыхъ вредныхъ послѣдствій такого пользованія вооружается фабричное законодательство и борются разныя ассоціаціи, разныя союзы (самихъ рабочихъ и покровительствующихъ имъ лицъ). Тогда человѣческая личность поступитъ въ распоряженіе общины и кто въ состояніи будетъ бороться противъ ея всемогущества?

Каждый членъ такой общины долженъ будетъ принадлежать ей безпредѣльно, „всѣмъ помышленіемъ своимъ и всею крѣпостью своею“. Внѣ ея онъ не будетъ и не долженъ будетъ имѣть никакой точки опоры, какъ опирается онъ теперь на государство и на свою ассоціацію противъ „фабрики“. (А. Градовскій).

Подобно Богу въ Апокалипсисѣ, община скажетъ про себя: „Я начало, середина и конецъ“. Я — все! Внѣ меня нѣтъ семьи, потому что я — семья; внѣ меня нѣтъ труда, потому что каждый трудъ, не посвященный непосредственно мнѣ, есть преступленіе и оскорбленіе моего величества. (А. Градовскій).

„Мое я дѣлается общимъ достоинствомъ, подобно

проѣзжимъ дорогамъ, тротуарамъ, улицамъ и площадямъ? Кто не видитъ, что это человѣческое я дѣлается безсильною принадлежностью всемогущей общины? Найдите же человѣка, который, сознавая свое я, подчинится порядку, при которомъ онъ никогда не будетъ работать на себя и вѣчно станетъ служить другимъ, при которомъ онъ никогда не будетъ имѣть ничего своего, даже своей собственной мысли.

Есть одно чудное мѣсто въ „Мертвомъ домѣ“ Э. М. Достоевскаго. Отчего болѣзненно сжалось сердце заключеннаго при первомъ вступленіи въ „Мертвый домъ“? „Я никогда уже не буду одинъ“, — думалось ему. Вотъ что страшно! Всегда при всякомъ случаѣ, тогда ли, когда человѣку взгрустнулось, или когда онъ захочетъ задать себѣ „праздникъ мысли“, какъ говорятъ нѣмцы, или когда, въ порывѣ веселья, ему хочется затянуть пѣсню, или въ припадкѣ горя уткнуть голову въ подушку—передъ нимъ стоятъ одинъ или нѣсколько братьевъ“, готовыхъ на разспросы, на толки, пересуды и совѣты. Что же дѣлать! Вѣдь они „братья“, а у братьевъ все общее, и радость, и горе; кто таитъ свои мысли, тотъ „обособляется“, онъ низкій эгоистъ, готовый, пожалуй, возстановить собственность“...

Евгеній Рихтеръ говорилъ, что рабочій по отношенію къ социаль-демократической администраціи находится точь-въ-точь въ положеніи пожизненно заключеннаго въ смиренный домъ. Въ смиренномъ домѣ—тоже одинаковая рабочая повип-

ность, одинаковое рабочее время, одинаковое содержаніе и разныя занятія по опредѣленію смотрителя; но даже эти заключенные поставлены въ лучшія условія, чѣмъ социаль-демократическіе рабочіе будущаго, такъ какъ они имѣютъ возможность получать *добавочное* вознагражденіе за *особое* прилежаніе и этимъ вознагражденіемъ могутъ свободно распоряжаться въ свое удовольствіе. *Безъ* такой уступки общественному *неравенству* современный общественный порядокъ находитъ смиренный домъ наказаніемъ *слишкомъ* *безчеловѣчнымъ* даже для тягчайшаго преступника!

Подъ владычествомъ капитала, работникъ можетъ еще мечтать самому стать современемъ капиталистомъ, а при тираніи правительства нивелирующаго, предвидящаго все его труды и дрижирующаго все его желанія, у работника отняты все его мечты.

Относительно описанной социалистической „свободы“ Гербертъ Спенсеръ высказался такъ: „Социализмъ, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, заключаетъ въ себѣ рабство“; „торжество социализма было бы величайшимъ бѣдствіемъ, какое когда-либо испытывалъ міръ,—логическимъ же результатомъ явился бы военный деспотизмъ“.

Представленные мною факты и соображенія достаточно ясно показываютъ, что социальную проблему (научный вопросъ) нельзя рѣшить въ кабинетѣ.

Научный социализмъ Карла Маркса критики не выдержалъ и далъ трещины въ разныхъ напра-

вленіяхъ. Онъ хотѣлъ найти средство для леченія общественнаго увѣчья въ средѣ общественнаго же порядка. Ему представилось, что причиной зла является индивидуальный капитализмъ, т.-е. сосредоточеніе богатствъ въ частныхъ рукахъ, поэтому онъ предложилъ замѣнить индивидуальный капитализмъ коллективнымъ, передать богатства въ руки общества, государства.

Средство для леченія, предложенное К. Марксомъ, не было провѣрено на опытѣ. Онъ трудился надъ недоказанными положеніями.

Исторія и статистика его опровергаютъ: скопленіе капитала не умножаетъ нищеты рабочихъ, а, напротивъ, уничтожаетъ ее.

Карль Марксъ рассчитывалъ, что сосредоточеніе капитала вызоветъ взрывъ революціи, насильственной революціи, которая произведетъ полный переворотъ въ общественномъ строѣ. — На дѣлѣ вышло, что скопленіе капитала отнюдь не задушило мелкаго производства и фактически не ухудшило экономическаго (матеріальнаго) положенія рабочихъ.

Основы ученія К. Маркса не подтвердились, его предложенія оказались пустой теоріей, которую нельзя реализовать, т.-е. осуществить на дѣлѣ.

Пусть социаль-демократія достигнетъ власти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, то и тогда имъ не удастся организовать общества по ученіямъ марксистовъ. Экономическія условія не допустятъ этого.

Марксизмъ напрасно, слѣдовательно, служилъ символомъ вѣры большинства организованныхъ ра-

бочихъ міра. Теорія Маркса побѣждена. Жизнь идетъ не по пути, намѣченномъ К. Марксомъ, т.-е. не ведетъ къ социальной революціи. Все указываетъ въ жизни на путь мирныхъ реформъ. Модная социаль-демократія безцѣльна. Никто серьезно не вѣритъ въ возможность будущаго коллективнаго государства. Никто этого будущаго государства опредѣлить не можетъ. На вопросъ о немъ отвѣчаютъ фантазіями Бебеля.

Итакъ, тѣ, которые слѣдуютъ социаль-демократическому ученію, сами не знаютъ куда идти; они не знаютъ куда оно ихъ приведетъ и тѣмъ не менѣе идутъ, какъ крестоносцы среднихъ вѣковъ, идутъ какъ человѣческія стада XX ст. Печальная картина! Идутъ за какимъ-то видѣніемъ, фантазмомъ, которое все отъ нихъ удаляется и удаляется.

„Въ Европѣ социализмъ, долгою работою выдающихся умовъ и великихъ талантовъ, возведенъ на степень особой науки, поэзіи и религіи. Съ словомъ социализмъ соединяются представленія о грандіозной фантазіи С. Симона и Фурье, бурномъ краснорѣчии Лассалья и грузной учености Карла Маркса. У насъ нѣсколько плохихъ брошюръ, странныхъ прокламацій и снотворныхъ журналовъ. Тамъ социальное движеніе имѣетъ всѣ признаки движенія историческаго. Читая программы западно-европейскихъ социалистовъ, невольно чувствуешь,

что каждая ихъ статья содержитъ въ себѣ стремленіе къ практическому требованію, осуществимое или неосуществимое—это другой вопросъ. У насъ—всякая программа производитъ впечатлѣніе заимствования, приправленнаго фантастическими соображеніями о русской исторіи. Заимствование дѣлается изъ программъ самыхъ крайнихъ партій, а историческія основы розыскиваются въ идеализированныхъ „движеніяхъ“ Стеньки Разина и Емельяна Пугачева, этихъ великихъ русскихъ „соціалистовъ“, по завѣренію „Земли и Воли“. (пр. А. Д. Градовскій. „Тяжелые годы“).

Не безъ основанія проф. Д. Щегловъ охарактеризовалъ нашихъ дѣятелей въ этой области социаль-попугалми, изъ которыхъ никто ничего своего не выдумалъ, которые только перемалываютъ вычитанное въ заграничныхъ книжкахъ. Таковы эти обновители Русской земли.

Уже лѣтъ тридцать тому назадъ первый томъ сочиненія К. Маркса „Капиталъ“ появился въ Россіи (1872 г.) *).

*) Въ письмѣ отъ 5 ноября 1880 года Марксъ касается Россіи, говоря о ней слѣдующее: «Въ Россіи—гдѣ «Капиталъ» считается и признается больше, чѣмъ гдѣ-либо—наши успѣхи еще крупнѣе. На нашей сторонѣ, во-первыхъ, критики (преимущественно молодые профессора, частью подружившіеся со мной, а также сотрудники журналовъ), а съ другой стороны террористическій центральный комитетъ, недавно напечатанная въ Петербургѣ программа котораго привела въ бѣшенство русскихъ анархистовъ въ Швейцаріи, издающихъ въ Женевѣ «Черный Передѣлъ». Эти люди большей

Книгу разсматривали, критиковали, но особаго впечатлѣнія она не произвела. Но въ половинѣ 90-хъ годовъ она неожиданно зажгла русскія сердца „непонятнымъ огнемъ“, взволновала часть общества. Вновь появилась книга въ 1898 г. и въ нѣсколько дней разошлась, въ количествѣ 3000 экз. Слѣдовательно, духовная пища Маркса въ теченіе четверти вѣка предлагалась желающимъ, но ни чьихъ особыхъ аппетитовъ не раздражала. И вдругъ молодежь стала требовать Маркса и Маркса. Неожиданно для себя и для другихъ она обрѣла въ Марксѣ откровеніе, въ политической экономіи—свою религію. И теперь марксизмъ „есть современная форма духовныхъ волненій „учащейся“ части нашего общества“. Вѣроятно самъ Марксъ очень удивился бы этому явленію: русская секта вокругъ его имени!

Кумиры русской интеллигенціи всегда были привозные: ихъ поставляла Европа. Въ 40-хъ годахъ увлекались философій Гегеля—т.-е. высокимъ духовнымъ творчествомъ, метафизикой и эстетикой.

частью добровольно покинувшіе Россію, образуютъ въ противоположность къ рискующимъ на мѣстѣ террористамъ такъ называемую партію пропаганды. (Для пропаганды въ Россіи они уѣзжаютъ въ Женеву). Всѣ эти господа противъ политическо-революціоннаго дѣйствія. Россія должна посредствомъ салтомортале очутиться въ анархистско-коммунистско-атеистическомъ строѣ! Кроме того они готовятъ ее къ этому прыжку путемъ скучнаго доктринализма, такъ называемые принципы котораго продаются на улицѣ со временъ блаженнаго Бакунина».

Въ 60-хъ — преклонялись предъ Бюхнеромъ и Молеботтомъ, т.-е. спустились съ высотъ философіи на почву естествознанія и матеріализма.

Въ наши дни носятся съ К. Марксомъ — у котораго все грубо матеріалистическое, т.-е. спустились еще ниже и ползаютъ по самой землѣ, не подымая взоровъ къ небу. Во всемъ чувствуется стадность, чисто животныя инстинкты.

Посмотрите теперь на составъ поклонниковъ этихъ кумировъ. Въ 40-хъ годахъ шли оживленные споры о „матеріяхъ высокихъ“. Свои духовныя мечи скрещивали такіе богатыри слова и мысли, какъ Хомяковъ, Герценъ, Бѣлинскій и др.

Въ 60-хъ годахъ тонъ въ области критики давали Добролюбовъ, Писаревъ... люди уже меньшаго коллѣбра. Ихъ смѣняетъ довольно безцвѣтный по таланту Михайловскій...

Ну, а теперь?.. Теперь рѣшительно нѣтъ ни одного безусловно выдающагося имени въ средѣ русскихъ марксистовъ... Гдѣ русскіе Марксы, Ласалы, Бебелы? Что это значитъ? Догматы марксизма талантовъ не привлекли и не создали ихъ на русской почвѣ. И слава Богу!

Марксизмъ знаменуетъ собою печальное явленіе.

Исторія свидѣтельствуетъ, что чѣмъ „сильнѣе“ человѣкъ личными силами, тѣмъ менѣе онъ думаетъ о своемъ дополненіи и поддержаніи — объ имуществѣ. Какъ юноша менѣе боится холода и меньше думаетъ о теплой одеждѣ, чѣмъ старикъ, — такъ древніе народы меньше насъ думали о своей

матеріальной оболочкѣ. Современное значеніе денегъ есть прямой результатъ упадка значенія личности въ европейскомъ челоѣчествѣ. Европа устала и состарѣлась: она столько сдѣлала! Челоѣкъ сталъ безсильнымъ, и его власть перешла къ его прилагательному. Только одно имущество еще вліятельно; люди перестаютъ уже творить. Современный „рыцарь индустріи“ вооруженъ не копьемъ и мечемъ, онъ орудуетъ рублемъ и чекомъ“. (Перцовъ, стр. 33).

Это одно соображеніе, на которое наводитъ господство марксизма.

А вотъ и другое.

Идея послѣдовательно отъ ученія Гегеля дошла до марксизма. Въ избранномъ направленіи далѣе идти некуда.

Но творческія силы въ русской молодежи, конечно, не изсякли. Они будутъ работать надъ новыми созданіями. Духъ проситъ храма. Молодежь будетъ возводить его, но уже на новомъ фундаментѣ, и по новымъ планамъ.

Хочется думать поэтому, что марксизмъ знаменуетъ собою близость поворота въ нашемъ обществѣ, близость новаго направленія къ идеализму. (Булгаковъ. „Отъ марксизма къ идеализму“).

Нужно пережить марксизмъ, какъ припадокъ болѣзни, вродѣ инфлуэнцы. — Марксизмъ можетъ быть только болѣзнью роста.

Марксизмъ у насъ въ Россіи, среди молодежи не есть „убѣжденіе“, которое созрѣваетъ, рождается, оспаривается — это настроеніе, которое пере-

живается". (Перцевъ. Первый Сборникъ. Спб. 1902 г., стр. 16).

Не знаменуетъ ли марксизмъ также и то, что періодъ подражанія идетъ къ концу въ Россіи. Чужіе уроки перестанутъ скоро удовлетворять насъ. Нужна работа самостоятельная. Надо желать роста и укрѣпленія собственныхъ силъ. Русская мысль должна покончить съ періодомъ подражанія. Надо и пора стать на свои ноги, выпрямиться во весь ростъ, расправить грудь...

Вамъ, молодымъ, предстоитъ завидная доля, если оправдаете эти надежды. Но для этого надо быть самостоятельнымъ, думать своимъ умомъ, работать своими руками. Поступая такъ, великую пользу можете оказать своей родинѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Недавно по вопросу о *соціализмъ* пришлось высказаться извѣстному русскому ученому И. И. Мечникову. Въ виду оригинальности его доводовъ они заслуживаютъ быть здѣсь также отмѣченными.

Насѣкомья, — говоритъ И. И. Мечниковъ въ сочиненіи „*Essais optimistes*“, — руководствуются въ своихъ общественныхъ сношеніяхъ сильно развитыми инстинктами, тогда какъ у человѣка инстинктъ играетъ лишь совершенно второстепенную роль. Чувство индивидуальности, или эгоизмъ силенъ у человѣка, что объясняется, вѣроятно,

отсутствіемъ общественной жизни у его отдаленныхъ предковъ. Несмотря на сильно развитую общественную организацію и на далеко проведенное раздѣленіе труда, человѣкъ не знаетъ той дифференціаціи, которая отличаетъ насѣкомыхъ, ведущихъ общественную жизнь, и мы не встрѣчаемъ въ общественной жизни человѣка выдѣленія, на примѣръ, какъ это имѣетъ мѣсто у насѣкомыхъ, цѣлыхъ группъ индивидуумовъ, способныхъ къ работѣ, но не къ воспроизведенію рода, наряду съ другими группами, совершенно неспособными къ работѣ и выполняющими исключительно функціи воспроизводителей.

Такимъ образомъ, чѣмъ выше развита организація у существа, способнаго къ соціальной жизни, тѣмъ выше развита его индивидуальность. Поэтому, среди теорій, которыя стремятся урегулировать общественную жизнь, лучшія тѣ, которыя отводятъ достаточно широкое и свободное поле индивидуальной инициативѣ. Идеаль, который такъ часто проповѣдуютъ и въ силу котораго индивидуумъ долженъ быть принесенъ въ жертву обществу, нельзя разсматривать, какъ идеаль, соответствующій общему закону ассоціацій организмовъ. Не слѣдуетъ обобщать тѣхъ частныхъ условий, которыя иногда въ общественной жизни требуютъ подобныхъ жертвъ.

Неравномѣрное распредѣленіе благъ на землѣ породило теоріи, стремящіяся исправить эту несправедливость. Уже болѣе цѣлаго вѣка многочисленныя соціалистическія теоріи оспариваютъ

другъ у друга привилегію на то, чтобы сдѣлать счастливымъ человѣчество. Хотя въ послѣднее время многія изъ коллективистскихъ теорій потеряли свою первоначальную строгую неуступчивость, все же онѣ далеки отъ того, чтобы въ достаточной степени признать все значеніе за отдѣльными индивидуумами, составляющими общество. Такъ, напримѣръ, членамъ социалистской партіи воспрещается писать во внѣ-партійныхъ органахъ или принимать министерскій портфель. Во время стачекъ, организуемыхъ социалистами, рабочіе желающіе работать, лишены этой возможности. Были случаи, что типографы отказывались печатать газеты, которыхъ направленіе не соотвѣтствовало ихъ убѣжденіямъ и что даже врачи отказывали въ помощи лицамъ, не принадлежавшимъ къ ихъ партіи. Дисциплина и подчиненіе индивидуума обществу доходитъ въ коллективистскихъ теоріяхъ до такихъ предѣловъ, при которыхъ глубоко страдаютъ интересы индивидуальности. Правда, между коллективистами существуетъ фракція, не допускающая такого поглощенія индивидуума, но это анархисты, которые, стремясь къ свободѣ индивидуума, въ то же время покушаются на имущество и жизнь своихъ противниковъ.

Въ послѣднее время коллективистскія теоріи подверглись уже значительному измѣненію. Прежде на ряду съ уничтоженіемъ частной собственности проектировалось учрежденіе филанстеръ и коммунистскихъ формъ существованія. Теперь социалисты признаютъ частную собственность на жилище и на

предметы потребленія. Но на ряду съ собственностью на домъ трудно не допустить собственности на садъ, и обработка этого послѣдняго можетъ стать исходной точкой индивидуальнаго производства. И такимъ образомъ, уступки, на которыя пришлось пойти социалистамъ, съ несбыкновенной силой доказываютъ всю *важность частной собственности*.

У низшихъ органовъ (какъ, напримѣръ, у сифонофоровъ), индивидуумы вполне или въ значительной степени сливаются съ обществомъ, но жертва тутъ не велика, такъ какъ у этихъ организмовъ чувство индивидуальности совершенно не развито. Живущія обществами насѣкомыя представляютъ собою промежуточную стадію между низшими животными и человѣкомъ. Только человѣкъ достигаетъ окончательнаго сознанія индивидуальности, и поэтому совершенная социальная организація *никогда не должна приносить въ жертву индивидуума* подъ предлогомъ общаго блага. (Газета „Слово“ 15 марта 1907 г.).

V.

Мы часто видимъ, что социализмъ желаетъ опереться на христіанство. Даже между самыми яркими социалистами находятся такіе, которые увѣряютъ, что христіанство создало социализмъ, такъ какъ оно первымъ проповѣдывало великія основы равенства и общее пользованіе имуществомъ, т.-е. все

то, что нынѣшній социализмъ поставилъ своей задачей. Въ Новомъ Завѣтѣ и у отцовъ церкви, говорятъ намъ, встрѣчаются нападки на богатство.

Нельзя отрицать, что кое-что изъ того, къ чему стремится социализмъ, согласуется и съ христианствомъ. Вслѣдствіе этого созданъ особый родъ ученія извѣстнаго подъ именемъ христианскаго социализма.

Особенно извѣстныхъ представителей христианскаго социализма дала Франція и Англія. Во Франціи графъ Анри Сень-Симонъ въ своихъ социалистическихъ трудахъ постоянно ссылался на христианское ученіе и рассматривалъ социализмъ, какъ осуществленіе „новаго христианства“. Онъ уже съ самаго начала выставляетъ слѣдующее положеніе: „Люди должны считать другъ друга братьями; этотъ благородный принципъ заключаетъ въ себѣ все, что есть божественнаго въ христианской религіи“.

Другіе послѣдователи христианскаго социализма часто приводятъ извѣстное мѣсто изъ Дѣяній Апостоловъ, въ которыхъ говорится о жизни первой христианской общины: „Всѣ-же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее: и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ cadaго“.

Послѣдователей христианскаго социализма не мало. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что они правы въ своихъ заявленіяхъ и воззрѣніяхъ. Нѣтъ.

Мы рекомендуемъ въ этомъ вопросѣ особую осмотрительность, ибо во всемъ Евангеліи мы не

найдемъ ни малѣйшаго намека на то, что Христосъ желалъ когда-нибудь принять на себя роль реформатора *внѣшней социально-экономической жизни*. Онъ приходилъ на землю для того, чтобы искупить людей отъ власти грѣха, приблизить человѣка къ Богу. Евангеліе есть благая вѣсть о благахъ *непреходящихъ*; оно говоритъ о покаяніи и вѣрѣ, о возрожденіи и обновленіи человѣка, и хочетъ поставить человѣка на такую высоту, откуда бы всѣ вопросы о земномъ счастьѣ, о земной нуждѣ, о богатствѣ и бѣдности, казались бы вопросами второстепенными. Социализмъ же (марксизмъ) поставилъ ихъ во главу угла. Христосъ, очевидно, намѣренно уклонялся отъ рѣшенія всякихъ общественныхъ (соціальныхъ) вопросовъ. Нѣкто изъ народа однажды сказалъ Ему: „Учитель! Скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство!“ Онъ же сказалъ человѣку тому: „Кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?“ (Лук. 12, 13, 14). Другой разъ, когда враги поставили Христу еще болѣе искусственный вопросъ: позволительно ли съ религіозной точки зрѣнія давать подать кесарю или нѣтъ?—Христосъ, указавши имъ на изображеніе кесаря на динаріи, сказалъ, что они должны воздавать кесарю то, что ему подобаетъ, и что это не мѣшаетъ служить Богу, т. е. не можетъ нарушать ихъ религіозныхъ интересовъ.

Разница между ученіемъ Христа и теоріей социалистовъ громадная.

По ученію социализма, счастье людей осуществится равномернымъ распредѣленіемъ между ними

всѣхъ имуществъ. Все должно быть общее и все поровну; ничего своего; „собственность есть кража“ (слова Прудона); „собственность — чужое добро“ (выраженіе Лассаля); „капиталъ есть результатъ грабительства“ (слова Маркса); „собственность отрицается и христіанствомъ и должна быть уничтожена“ (это изъ ученія Толстого). Такъ ли учить христіанство?

Христосъ Спаситель не отвергалъ права собственности. Онъ училъ, что блага земныя не цѣль, а только средство для достиженія цѣли — царства Божія, нравственнаго самоусовершенствованія. Душа больше пищи. И все же нигдѣ и никому Онъ не повелѣвалъ непременно дѣлить имущество. „Продавайте имѣніе и подавайте милостыню“, говорилъ Онъ. Но продажа предполагаетъ собственность, милостыня же вовсе не коммунизмъ, а добровольная передача своей собственности другому тоже въ собственность, и при томъ одному больше, другому меньше, смотря по расположенію и усмотрѣнію дающаго.

„Если хочешь быть совершеннымъ, продай имѣніе твое и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ“, заповѣдуетъ Спаситель богатому юношѣ (Мѡ. XIX, 21). На этихъ словахъ не можетъ утверждать своей правды социализмъ. „Если хочешь“ — а развѣ у социалистовъ хочешь или не хочешь?.. „Быть совершеннымъ“ — а развѣ у социалистовъ цѣль предполагаемаго насильственнаго раздѣла имущества есть нравственное совершенство? (Восторговъ).

Въ „Дѣянїяхъ Апостольскихъ“ мы дѣйствительно читаемъ, что первые послѣдователи Христа „имѣли все общее“, продавали имѣнія и всякую собственность и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго“ и „никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ“. Прежде всего мы не находимъ никакого доказательства того, чтобы то, что сообщается о маленькой общинѣ въ Иерусалимѣ, въ какомъ-либо отношеніи выставлялось въ качествѣ всеобщаго правила. Такъ называемый коммунизмъ перваго христіанства былъ радостнымъ и свободнымъ семейственнымъ отношеніемъ, полнымъ великодушности къ помощи и служенію. (Пибоди). Какая основная причина общенія имуществъ въ церкви Иерусалимской? Вотъ она: „У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа“. Они были объединены началомъ любви, которая и давала въ жизни такіе благотворные результаты. У первыхъ христіанъ не было противорѣчїя между ученіемъ ихъ и ихъ жизнью. Ихъ община была не экономическая, а религіозно-нравственная. Это надо знать и помнить твердо“. (Восторговъ).

Христіанство требуетъ, чтобы опредѣленные идеи, какъ идея о любви къ ближнему, направляли дѣятельность законодателя, чтобы вся экономическая жизнь была проникнута этимъ духомъ дѣйствительной любви къ человѣчеству; но оно ничего не говоритъ о тѣхъ спеціальныхъ установленїяхъ, на которыхъ должна покоиться экономическая жизнь.

Но связаннымъ отнюдь не устанавливается еще истинное отношеніе современнаго социализма къ христіанству.

Послушайте, что писали руководители социализма.

„Понятіе Бога“, — говорилъ Марксъ, — „необходимо должно быть искоренено, ибо оно есть основной камень извращенной цивилизаціи“. (Пибоди). „Религія“ — говорилъ Карлъ Марксъ — „есть стремленіе къ воображаемому счастью народа, стремленіе, которое вытекаетъ изъ общественнаго состоянія, требующаго иллюзіи, но она исчезаетъ, какъ только познаніе истиннаго счастья и возможность его осуществленія проникаютъ въ массы“. „Первое слово религіи“, — писалъ Фридрихъ Энгельсъ, — „есть ложь“. „Социализмъ вообще не признаетъ никакой религіи, слѣдовательно, совершенно отрицаетъ и христіанство. Къ послѣднему уже потому онъ относится враждебно, что первыми и главными вождями социализма были и доселѣ являются евреи: Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, Бебель и др. Лассаль явно обнаруживалъ себя безбожникомъ. Лассаль издѣвался надъ мыслию о безсмертіи и на этомъ основаніи отрицаетъ право собственника дѣлать завѣщаніе; онъ смѣялся надъ евангеліемъ Христа; ученіе социализма онъ называетъ новымъ евангеліемъ; онъ отрицалъ Церковь Христову и именемъ новой церкви называетъ рабочій пролетаріатъ. Намекая на извѣстныя слова Иисуса Христа о созданіи Церкви на скалѣ вѣры, о ея неодольности вратами ада, онъ обращался къ

рабочимъ съ такими словами: „Вы — скала, на которой соиздается церковь настоящаго“. Самую нравственность, о которой краснорѣчивый Лассаль говорилъ такъ горячо, онъ понимаетъ, какъ условное согласіе большинства людей въ данное время считать то или другое дѣяніе нравственнымъ или безнравственнымъ. Религія, по мнѣнію Бебеля, есть не что иное, какъ предразсудокъ; христіанство не выше, а часто и ниже другихъ религіи, а Христосъ не выше Будды, Конфуція, Магомета; христіане — это глупцы, желающіе у церкви купить спасеніе души. Христіанскіе догматы заимствованы христіанствомъ отъ буддизма; подобно всѣмъ другимъ религіямъ, и христіанство есть созданіе человѣка, особенно ловкихъ жрецовъ. Религія вытекаетъ изъ невѣжества и изъ страха предъ природою; изъ страха предъ врагами-работителями вышла вѣра въ Мессію у евреевъ, которые потомъ создали христіанство“. „Я противникъ не только католичества (христіанства), заявлялъ Бебель, но и вообще всякой религіи. Съ точки зрѣнія прогресса человѣчества упраздненіе христіанства прямо-таки необходимо“. „Убѣжденіе — продолжаетъ Бебель — что небо на землѣ и что со смертію кончается бытіе, будетъ побуждать людей жить разумно. Больше всѣхъ наслаждается тотъ, кто наслаждается долго“. „Если у кого-нибудь — говоритъ Бебель — имѣются еще религіозныя потребности, онъ можетъ удовлетворить ихъ вмѣстѣ съ себѣ подобными. Общество не займется объ этомъ“. Бебель, наконецъ, прямо высказываетъ:

„Великій соціальний переворотъ отличается отъ всѣхъ ему предшествующихъ тѣмъ, что онъ не ищетъ новыхъ религіозныхъ формъ, но отрицаетъ религію“. „Поэтому, заключаетъ Бебель, христіанство и социализмъ враждебны другъ другу, какъ вода и огонь“. „Мы противъ всѣхъ небесныхъ авторитетовъ, которыми вы до сихъ поръ морочили массы; небо мы уступаемъ ангеламъ и воробьямъ“, таковы подлинныя слова Бебеля въ Рейхстагѣ. „Мы ни въ какого Бога не вѣруемъ! — восклицаетъ социалистка Штейнбахъ на Гамбургскомъ съѣздѣ, подъ рукоплесканія толпы. „Мы не успокоимся, пока красное знамя не будетъ развиваться со всѣхъ церквей и дворцовъ“. вопить Зингеръ. „Наша обязанность — заявляетъ Либкнехтъ — тщательное искорененіе вѣры, и только тотъ достоинъ имени социалиста, кто, будучи самъ невѣрующимъ, со всѣмъ усердіемъ содѣйствуетъ распространенію невѣрія“. „Теологія съ ея небомъ и адомъ — извѣстная чушь!“ — кричитъ Моостъ; „если бы даже все сословіе духовенства закрыло солнце, налетѣвъ какъ саранча, то социалистическихъ рабочихъ все-таки не отвратить отъ ихъ путей и цѣлей!“ Моостъ побуждалъ рабочихъ массами отречься отъ церкви. Онъ восклицалъ: „нога ваша уже давно не вступала въ церковь и давно вы не имѣли никакого дѣла съ господами въ черныхъ рясахъ. Но этого недостаточно. Они васъ еще считаютъ овцами своего стада и потому еще будутъ стричь васъ. Этому должно положить конецъ. Скажите прямо, что вы отречаетесь отъ церкви. Соберитесь подъ знаменемъ

науки, которая отвергаетъ всякія суевѣрія. „Намъ не нужно никакихъ векселей на небо!“ — одна изъ фразъ социаль-демократіи. И нашъ М. Горькій также важно вѣшалъ: „Все, что принесло намъ христіанство — мыльные пузыри“. („Наша Жизнь“, 1906, № 3).

„Въ знаменитой социалистической программѣ на Эрфуртскомъ конгрессѣ 1891 г. Ферри заявляетъ, что „религія — частное дѣло“. Но это только тонъ пренебреженія.

Больше того, это только такъ называемый „тактической приемъ“ социалистической партіи въ Германіи, рассчитанный на привлеченіе крестьянъ въ ряды партіи. И все-таки на томъ же съѣздѣ запрещено общественную собственность употреблять на церковныя нужды, а на другомъ съѣздѣ выражено желаніе, чтобы „въ виду боевого положенія, занимаемаго социаль-демократіей по отношенію къ церкви, члены ея не занимали почетныхъ церковныхъ должностей“ (Восторговъ).

„Теперь будетъ ясно, въ какомъ отношеніи находится социализмъ въ отношеніи къ религіи. Онъ совершенно отвергаетъ тотъ другой міръ со всѣми его принадлежностями и вмѣстѣ съ тѣмъ все, о чемъ говоритъ наша теперешняя религія“ (Пибоди). Социализмъ, по словамъ Леруа-Болье, „отвергаетъ совершенно религію, порываетъ со всякимъ христіанскимъ преданіемъ, покушается даже изгнать Бога изъ будущаго государства“.

„На своемъ пути социализмъ встрѣчается съ

крѣпкими, основанными на вѣрѣ и преданіи, коренящимися въ *духъ* убѣжденіями лицъ и цѣлыхъ сословій, — и стремится одолѣть ихъ, потому что въ нихъ видитъ главное препятствіе своему объединительному и уравнительному процессу. — Въ этомъ смыслѣ всего для нея опаснѣе и всего противнѣе — *религія и церковь*. — Гдѣ воля человѣческая тѣсно связуется съ вѣрованіемъ, въ особенности церковнымъ, то не легко бываетъ одолѣть ее. Отсюда борьба практической демократіи съ церковью: самое существованіе церкви — смущеніе и доукка для демократіи“.

Убѣждать въ существованіи Бога такихъ людей, которыми даже *требуется*, чтобы Его не было — трудъ тѣмъ болѣе напрасный, что религія, вообще, есть дѣло *сердца*, а не разсудка. Однако, на чемъ же основываютъ социалисты свой атеизмъ? По примѣру другихъ атеистовъ — на успѣхахъ естествознанія. „Естествознаніе — торжествуетъ Бебель — сдѣлало сотвореніе міра мѣромъ; математика и физика показали, что небо есть только воздушное образованіе! Но наука развѣ доказала, что за предѣлами познаваемаго ничего не существуетъ? Не доказала и не можетъ доказать! Откуда это взято, что разумъ человѣческій есть зеркало, въ которомъ отражается вся вселенная? Отвергаютъ чудеса, потому что они „противорѣчатъ законамъ природы“, какъ будто имъ извѣстны всѣ законы природы. Вѣдь эти „законы природы“ устанавливаются самими людьми и съ успѣхами науки оказываются нерѣдко подлежащими исправленіямъ и даже от-

мѣнѣ. Договорились ли ученые міра сего, что полезно для человѣка — яйца въ смятку, или яйца въ крутую? Вѣдь объ этомъ спорятъ. И тутъ же берутся увѣренно заявлять, что находится за предѣлами познаваемаго міра.

Социалисты излишне самоувѣренны. Люди обширнаго ума, люди, глубоко погруженные въ науку, разсуждали иначе о религіи и ея значеніи въ жизни народовъ. И съ этими воззрѣніями необходимо болѣе считаться, чѣмъ съ голословной болтовней грубыхъ матеріалистовъ послѣдняго вѣка.

Въ защиту законности существованія вѣры во всѣ времена выступали и великіе ученые, и дѣятельные политики.

Въ видѣ примѣра приведу нѣсколько замѣчаній людей міровой извѣстности.

Социалистамъ, мечтающимъ устроить новое всемірное государство *безъ Бога*, напомнимъ, напр., слова Наполеона I: „Цезарь, Александръ и я — сказали этотъ завоеватель — создали всемірныя государства: ихъ нѣтъ больше; но то Царство, которое основалъ *Христосъ*, однимъ только Словомъ Истины, стоитъ уже 18 вѣковъ и *будетъ вѣчно стоять!*“

Пастеръ, — про котораго съ полнымъ правомъ, какъ и про Гете, можно бы сказать: „была ему книга природа ясна“, — въ своей вступительной во Французскую Академію рѣчи сказалъ: „понятіе о безконечномъ находитъ въ себѣ неизбежное выраженіе вездѣ и во всемъ мірѣ: благодаря ему, сверхчувственное лежитъ на днѣ каждой души, —

бытіе безконечнаго въ самомъ себѣ заключаетъ болѣе сверхъестественнаго, чѣмъ сколько его во всѣхъ чудесахъ всѣхъ религій. Идея Бога—лишь форма идеи о безконечномъ“. „Я много изучалъ— и вѣрую, поэтому, какъ бретонскій крестьянинъ; если бы я сдѣлался еще ученѣе, то моя вѣра стала бы такъ же глубока и пламенна, какъ вѣра простой бретонской женщины“, — писалъ онъ на склонахъ своихъ дней. Пришелъ къ тому же выводу красно-рѣчивый и благородный испанскій политическій дѣятель — Эмиль Кастеларъ. „Сомнѣніе и земныя блага всегда найдутъ себѣ усердныхъ служителей, — говорилъ онъ, — но сомнѣніе и эти блага никогда не будутъ имѣть мучениковъ за себя. Чтобы достигнуть какой-либо цѣли, чтобы переплыть бурное море жизни, — необходимо ступить на корабль вѣры“.

Эту необходимость вѣры, разлитой въ челоуѣчествѣ, превосходно выразилъ никто другой, какъ Ренанъ. „Челоуѣкъ, — говорилъ онъ, — руководимъ исключительно идеей о будущемъ. Народъ, всецѣло отрешившійся отъ всякой вѣры въ то, что должно существовать по ту сторону смерти, склонился бы къ полному паденію. Отдѣльное лицо можетъ свершать великія дѣла, не вѣруя въ безсмертіе, но надо, чтобы въ послѣднее вѣрили за него и вокругъ него“.

Ренанъ въ концѣ своей жизни признавалъ огромную роль, которую въ управленіи его жизнью играла уже потерянная имъ религія, имѣющая, однако, ту особенность, что продолжаетъ дѣйствовать даже и послѣ того, какъ, повидимому, умерла въ душѣ

челоуѣка. Онъ, еще въ 1866 г., называлъ такія разнородныя явленія, какъ солнце, зарожденіе челоуѣка, совѣсть — чудесами, ибо наука не въ силахъ объяснить ихъ происхожденіе, составляющее непроницаемую тайну, подобно всѣмъ началамъ жизни, для разгаданія которыхъ у насъ нѣтъ данныхъ. Находя, что сверхъчувственныя стремленія присущи природѣ челоуѣка, онъ признавалъ, что высшимъ выраженіемъ этихъ стремленій является понятіе о Богѣ. „Исторія обнаруживаетъ, — писалъ онъ, — что челоуѣческой природѣ присущъ инстинктъ, направляющій ее къ высшей цѣли. Самое развитіе челоуѣка было бы необъяснимо, если допустить гипотезу, что онъ обреченъ на конечное существованіе, что добродѣтель есть изощренный эгоизмъ, а религія — не болѣе какъ химера“ (Θ. Конн).

И скептиковъ, въ лицѣ самыхъ блестящихъ въ ихъ средѣ поэтовъ и мыслителей, не удовлетворяло механическое и матеріалистическое міровоззрѣніе. Уже Альфредъ Мюссе восклицалъ: „для меня невыносимы люди, со смѣхомъ отталкивающіе отъ себя все, что называется вѣрою... Я тоже сомнѣвался всю жизнь — и продолжаю сомнѣваться, — но я дѣлаю это со скрежетомъ зубовъ, а не съ язвительною насмѣшкою; — я смотрю на мучащее меня сомнѣніе въ отношеніи вѣры не какъ на привилегію, данную природою моему духу, а какъ на страшную душевную кару; — отъ этой страшной муки я старался освободиться всѣми средствами, и если это мнѣ не удалось, то за мною все-таки остается заслуга, что я извлекъ изъ болота матеріализма свое лучшее я“.

Укажемъ затѣмъ Тиндаля, разрушившаго матеріалистическое ученіе о самопроизвольномъ зарожденіи; укажемъ астронома Фламаріона, укажемъ Сабатье, научно доказывавшаго безсмертіе души. Почему же социалисты забываютъ этихъ великихъ ученыхъ? Или они одни только ученые? Дюбуа-Реймондъ въ рѣчи въ Королевской академіи наукъ въ Берлинѣ заявилъ, что человѣкъ, какъ бы далеко ни простирались его познанія, всегда будетъ стоять предъ областью невѣдомаго, которая властно будетъ говорить ему о религіи. Спенсеръ заявлялъ, что при всѣхъ успѣхахъ знанія „всегда останется мѣсто для религіи“.

Журналъ „Revue des Revues“ обратился къ молодымъ французскимъ писателямъ и представителямъ различныхъ союзовъ, прося ихъ высказаться по ряду вопросовъ, относящихся къ политикѣ, общественному устройству и религіи. При всемъ разнообразіи отвѣтовъ на первыя двѣ категоріи вопросовъ оказалось замѣчательное единодушіе въ отвѣтахъ о религіи. Большинство спрошенныхъ, — а спрошенъ былъ цвѣтъ французской молодежи, — не только не отрицаетъ необходимости религіи для облегченія жизненнаго пути, но стремится къ ней, ищетъ ее и въ ней часть найти не только свое личное обновленіе, но и исцѣленіе общественныхъ недуговъ.

Многіе изъ нашихъ современниковъ плѣнены возможностью покончить разъ навсегда съ метафизикою, отчасти вслѣдствіе того нашего свойства, которое К. Д. Кавелинъ называлъ „лѣнью ума“.

Быть позитивистомъ казалось легче, чѣмъ заниматься умозрѣніемъ, — выводы въ той ограниченной области, которую отсиживалъ онъ себѣ, были доступнѣе и категоричнѣе — и скорѣе, безъ сложной работы критической мысли, поддавались усвоенію. Притомъ, эта было „последнее слово“, а мы вообще такъ любимъ это последнее слово, такъ вѣримъ въ него, хотя бы оно само и отрицало всякую вѣру. вмѣстѣ съ тѣмъ, наше религіозное развитіе давно уже мерцаетъ очень слабо.

Философъ В. С. Соловьевъ доказывалъ, что если разумъ, въ извѣстный моментъ своего развитія, становится необходимо въ отрицательное отношеніе къ содержанію религіозной вѣры, то въ дальнѣйшемъ ходѣ этого развитія онъ съ такою же необходимостью приходитъ къ признанію началъ, составляющихъ сущность истинной религіи. Соловьевъ говорилъ, что каждый почти день приноситъ намъ убійственно-реальныя доказательства того, что человѣкъ есть существо изъ двухъ міровъ, что чистый эфиръ міра духовнаго такъ же необходимъ для его жизни, какъ и воздухъ міра вещественнаго.

Послѣ приведеннаго, мы въ правѣ сказать, что пренебрежительное отношеніе социализма къ религіи показываетъ лишь низкій уровень ихъ умственныхъ способностей и нравственныхъ требованій. Социализмъ въ концѣ концовъ проиграетъ свою игру именно потому, что у него нѣтъ нравственныхъ двигателей, нѣтъ ни алтарей, ни пантеоновъ.

Не сходя съ научной почвы, я съ полнымъ безпристрастіемъ разбиралъ отдѣльныя положенія научнаго социализма и показывалъ ихъ несостоятельность. Но въ то же время обратилъ ваше вниманіе на то, что у социализма много послѣдователей.

Въ чемъ же заключается причина того, что у несостоятельнаго ученія тѣмъ не менѣе много сторонниковъ? Въ чемъ кроется главная притягательная сила социализма? Въ чемъ надо видѣть правду социализма?

Правда у нея имѣется, и при томъ правда рѣзкая. Социализмъ описываетъ тягостное положеніе трудящаго люда. Онъ сочувствуетъ (на словахъ) рабочему классу; онъ желаетъ улучшенія его положенія. Въ этомъ надо видѣть главную жизненную правду социальнаго ученія.

Вполнѣ естественно сочувствовать тому, чтобы каждый въ состояніи былъ честнымъ трудомъ зарабатывать себѣ все необходимое — отъ одежды, пищи и жилища, до необходимаго досуга, нужнаго для удовлетворенія духовныхъ запросовъ. Особенно бросаются въ глаза нѣкоторые контрасты жизни. Ими главнымъ образомъ и пользуются проповѣдники ученія социалистовъ. „На свѣтѣ много недостатковъ и несовершенства; трудолюбивый рабочій нерѣдко голодаетъ, а работодатель-капиталистъ живетъ и роскошествуетъ; крестьянинъ-пахарь бьется на своей землицѣ и часто не накормитъ досыта ни себя, ни семьи, а землевладѣлецъ живетъ только арендою своей земли и, не зная труда и изнурительной нужды, предается покою, а иногда

лѣни, а то и разврату и прожиганію жизни. Все это жестокая правда“ (Восторговъ). Ее подмѣтили послѣдователи социализма и рѣзко подчеркиваютъ. Въ этомъ ихъ сильная сторона. Это ихъ конекъ, на которомъ гарцуютъ. Нѣтъ надобности быть социалистомъ, чтобы видѣть этотъ пробѣлъ жизни и признать его нежелательнымъ. Всякій здравомыслящій и справедливый человѣкъ скажетъ, что было бы хорошо улучшить участь горемычныхъ и обдѣленныхъ, что надо налоги разложить равномерно. Въ жизнь надо ввести какую-то поправку, въ ней надо многое переустроить. Надо, чтобы правда торжествовала, надо, чтобы люди могли жить по-человѣчески, а не по-скотски.

Итакъ, социализмъ поставилъ діагнозъ одного изъ общественныхъ недуговъ. Въ этомъ онъ правъ. Болѣзнь опредѣлена.

Человѣкъ не желаетъ, конечно, хворать бѣдностью, матеріальными лишеніями. Мы любимъ жизнь и хотимъ наслаждаться ею вполнѣ. (Зомбартъ). „Мы хотимъ быть свободными какъ птицы небесныя, жизнь хотимъ мы прожить беззаботно, какъ они, веселыми стаями, среди сладкой гармоніи“. А потому всѣ хоромъ и въ одиночку взываютъ о счастьѣ, о радости, о свободѣ. Всѣ дружно осуждаютъ недостатки существующаго общественнаго строя.

Социализмъ нашелъ, что зло причиняется капиталистическимъ строемъ и гремитъ проклятіями противъ денегъ и культа Мамона (Зомбартъ).

Сила и увлеченіе современнаго социальнаго движенія покоится, слѣдовательно, на страстномъ, по-

всюду раздающемся требованіи справедливости, братства, свободы и условий, обеспечивающихъ человеческую жизнь. Милліонъ людей всѣхъ странъ и всѣхъ положеній хотятъ узнать, что справедливо и что несправедливо въ общественныхъ (соціальныхъ) отношеніяхъ.

Приписавъ все зло, всю болѣзнь, всѣ несчастія капитализму, социализмъ въ опредѣленіи болѣзни, какъ мы доказывали ранѣе, ошибся. Мы уже видѣли, что въ капиталѣ нѣтъ зла для рабочаго сословія.

Итакъ, болѣзнь налицо; но происходитъ она не отъ той причины, которую указалъ социализмъ.

По мнѣнію Weils'a, неравенство богатствъ составляетъ величайшее зло общества; но какъ ни велико это зло, оно все-таки меньше того, которое было бы вызвано равнымъ распредѣленіемъ богатства. Недовольство отдѣльнаго лица личными условіями представляетъ собою двигатель прогресса всего человѣчества. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти общественныя несправедливости избѣжать очень трудно, такъ какъ онѣ существовали во всѣ времена, и лежатъ онѣ въ самой природѣ человѣка, и трудно предположить, что, измѣнивъ учрежденіе и перемѣстивъ одинъ классъ (группу людей) на мѣсто другого, можно было бы уничтожить или даже уменьшить всѣ несправедливости, отъ которыхъ мы такъ страдаемъ; слѣдовательно, нужно помириться съ ихъ неизбѣжностью, такъ какъ мы миримся со старостью, со смертию и т. п. Несмотря на то, что мы такъ чувствительны къ нашимъ бѣ-

дамъ, они ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что переживали наши предки и отцы. Не забудемъ тоже, что благодаря необычному росту промышленности, человѣкъ самый скромный живетъ съ большимъ комфортомъ, чѣмъ во время оно жилъ феодальный джентлемэнъ (Le Bon).

Социализмъ не будетъ имѣть долгаго и прочнаго успѣха также и по другой причинѣ, а именно:

Между принципами демократическими и социалистическими существуетъ очевидная и непреодолимая оппозиція, такъ какъ въ основѣ демократіи—свобода и конкуренція, которыя выдвигаютъ наиболѣе способныхъ; а въ основѣ социализма—уничтоженіе конкуренціи, свободы и общее равенство. Современные социалисты инстинктомъ уже предвидятъ такую оппозицію и отсюда у нихъ такая ненависть къ демократическому режиму. Ихъ программа далеко не согласна съ идеями демократовъ и состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить слѣдствія свободы и естественнаго неравенства, примѣнивъ деспотическій режимъ и постоянно законными мѣрами уничтожить социальныя неравенства, вытекающія изъ природныхъ неравенствъ.

Но большинство еще взираетъ на социализмъ, какъ на предусмотрѣнное слѣдствіе демократическихъ идей. Разница этихъ двухъ политическихъ положеній начинаетъ только выясняться; въ скоромъ времени она проявится во всемъ блескѣ и распря будетъ жестокая. Демократія косвеннымъ образомъ породила социализмъ, и благодаря ему она погибаетъ (Le Bon).

Соціалізмъ, какъ неоднократно указывалось, полонъ непослѣдовательностей. Одну изъ нихъ здѣсь своевременно прибавить.

„Я думаю, нѣтъ ни одного социалистическаго ученія, которое не проповѣдывало бы съ благочестивымъ рвеніемъ „культъ труда“, какъ теперь принято выражаться. Можно прямо сказать, что прославленіе труда стоитъ въ центрѣ всякой социалистической нравственности (Этики) и что разсужденія объ организаціи труда, объ отношеніяхъ между трудомъ и прибылью, между трудомъ и доходомъ, между трудомъ и пользованіемъ образуютъ ядро всѣхъ социалистическихъ теорій. Страна будущаго представляется „страной труда“, въ которой высшимъ принципомъ будетъ такой: „кто не трудится, тотъ не долженъ и ѣсть. Насчетъ этого единодушно сходятся всѣ социалисты (Зомбартъ).

Въ дѣйствительности нѣтъ другого способа нивелировать людей, какъ окруживъ ореоломъ трудъ, простой трудъ, примѣненіе мускульной силы, безотносительно къ его результатамъ, и на томъ только основаніи, что это трудъ (Зомбартъ).

Первая половина положенія о трудѣ вѣрна и справедлива. Трудиться обязаны всѣ. Но почему только признанъ трудъ физическій? Это непонятно.

Подобная непослѣдовательность не можетъ проходить безслѣдно для ученія съ огромными претензіями.

Я не останавливаюсь на внѣшнихъ причинахъ распространенія социализма. Эти причины нѣкоторыя усматриваютъ въ расширеніи фабрикъ и за-

водовъ, банкирскихъ операцій, въ развитіи антимонархическихъ началъ и т. п. Намъ интересуютъ причины внутреннія, болѣе глубокія и существенныя.

Секретъ могущества социализма именно въ томъ, что онъ принялъ религіозную форму.

Обстоятельства этому благопріятствовали: люди ослабли въ истинной вѣрѣ, вышли изъ-подъ ея вліянія. А безъ вѣры человѣкъ по своей природѣ существовать не можетъ; одну вѣру онъ замѣняетъ другой, ибо вѣра потребна его духу. Соціалізмъ предлагаетъ мечты о счастьѣ и потому легко занялъ мѣсто упраздненной религіи. Соціалізмъ отвѣчаетъ современнымъ желаніямъ и надеждамъ, и подоспѣлъ какъ разъ ко времени вымиранія прежнихъ религіозныхъ вѣрованій и онъ готовъ возобновить общенія, которыя какъ бы ни были ничтожны и мало выполнимы, они все-таки являютъ собой новый идеаль, возвращающій человѣку надежду и иллюзіи, отнятыя наукою. Счастье человѣка заключается въ созданіи себѣ боговъ и въ поклоненіи имъ. Общества создаются на стремленіяхъ, вѣрованіяхъ, нуждахъ, т.-е. чувствахъ, а не на разсудкѣ. Вѣрованія—цементъ общества. Вѣрованія — королевы исторіи (Le Bon).

Соціалізмъ водворился вмѣсто вѣры, но не надолго (Le Bon).

У современнаго человѣка разрушается семья, собственность; отъ быстрого роста промышленности происходятъ перевороты въ его жизни. Все это заставляетъ его цѣпляться за настоящее; онъ хочетъ воспользоваться настоящимъ во что бы то ни

стало, ибо чувствуетъ его скоропреходящее свойство. Въмѣсто утеряннаго ставится новая иллюзія.

Богатство всегда было цѣлью, къ которой стремились человѣкъ, забывая все остальное.

Надо, — для торжества социализма, — отказаться отъ личныхъ интересовъ, отъ индивидуализма, и подчиниться коллективному, общественному началу. Такое воздѣйствіе въ состояніи оказать на человѣка лишь религія.

По ходу развитія успѣха социализма онъ, несомнѣнно, напоминаетъ религію. Его экономическіе аргументы слабы, но въ области мечтаній и обществаній онъ силенъ. И если бы онъ изъ области фантазій не спускался на матеріалистическую почву — его, пожалуй, трудно было бы одолѣть.

Вѣра сильна тѣмъ, что западаетъ въ душу и тогда уже съ ней разсудку не справиться. Социализмъ у его послѣдователей (въ массѣ) приобрѣлъ ореолъ вѣрованія и потому съ нимъ можетъ справиться лишь время. Оно образумитъ массы. Что вошло въ чувства, того разсудку не одолѣть; подорвать вѣрованіе въ состояніи лишь всемогущее время.

Социализму на Западѣ посчастливилось; у него было много апологетовъ для писанія его исторіи, много экономистовъ для защиты его догматовъ, достаточно апостоловъ для распространенія его вѣры (Le Bon).

Апостоловъ было немного. Но они знали, какъ вліять на массы, которымъ извѣстны лишь крайнія чувства. Вспомните крестовые походы: апостоловъ проповѣдниковъ было мало, но имъ внимали мил-

ліоны. Въ населеніи живъ инстинктъ бессознательнаго желанія подчиниться какому-нибудь вождю, или вѣрованію и жертвовать собой ради сего вѣрованія. Соціалисты отвергли христіанскія догмы, но взамѣнъ поставили свои. Небесное царство упразднили, но рай на землѣ хотятъ осуществить.

Ненависть къ современному обществу легко было вызвать и поддержать. Низкія чувства будить не трудно.

Программа социализма наивна и легко усвояема: „Стоитъ только при помощи революціи разогнать правительство, завладѣть общественными богатствами, все предоставить всѣмъ. Не нужно правительства въ томъ обществѣ, гдѣ исчезаетъ различіе между капиталистами и рабочими“. Желаніе разрушать свойственно апостоламъ всѣхъ вѣрованій.

Приемы апостоловъ социализма тоже стары: разрушить, уничтожить. Магометъ прибѣгалъ къ силѣ оружія, инквизиція жгла на кострахъ, Конвентъ (французской революціи) рубилъ головы гильотиной. Фанатизмъ анархистовъ, прибѣгающихъ къ динамиту, у всѣхъ передъ глазами. Изверги Маратъ и Робеспьеръ также воображали себя филантропами, желавшими блага человѣчеству.

Сила проповѣдниковъ социализма неотразима въ виду того, что они опираются на вѣковую подчиненность массъ и на вѣчную иллюзію счастья, къ которой идетъ человѣкъ отчаянно снося преграды.

Одно дѣло проповѣдь, другое — исполненіе проповѣдуемаго. Одно дѣло позировать, другое — серьезное отношеніе къ вопросу.

Главаря социализма приняли мало участие въ осуществленіи своихъ теорій. Свою жизнь требованіямъ социализма они не подчинили.

Превратившись изъ бывшего токаря въ собственника великолѣпнаго „дворянскаго имѣнія“, пресловутый Бебель живетъ въ изысканной роскоши. — У Фольмара — чудная вилла. — Торговецъ социалистическою дребеденью въ Штутгартѣ, — Дитцъ, — „зарабатываетъ“ больше, чѣмъ германскій канцлеръ. За одно редактированіе газеты „Vorwärts“, Либкнехтъ получалъ 7200 марокъ въ годъ. Скандальное судебное дѣло обнаружило, что депутатъ Фогтгеръ получилъ изъ партійной кассы, на уплату своихъ частныхъ долговъ, 9000 марокъ.

Соціально-демократическія кассы въ Германіи, ежегодно, поглащаютъ огромныя суммы рабочихъ денегъ. Такъ, по отчету партій, за одинъ 1904 годъ, съ членовъ разныхъ ея организацій, было собрано 20190000 марокъ.

Лассаль получалъ пожизненную пенсію въ 7000 марокъ въ годъ отъ графини Гицфельдъ.

Въ типографіи извѣстной (соціалистической) газеты „Vorwärts“ — Впередъ! (которую редактировалъ Либкнехтъ) не соблюдается ни 8-ми часовой трудъ, о которомъ социалисты такъ хлопчуть для другихъ, ни воскресный отдыхъ; работа не прекращается и на ночь, температура у ратіонныхъ машинъ — до 28 градусовъ; работу задаютъ непосильную и часто постороннюю. Между тѣмъ газета даетъ въ годъ 600000 марокъ чистой прибыли. Это чисто капиталистическое предпріятіе подъ фла-

гомъ социализма. Въ другихъ социалистическихъ предпріятіяхъ работаютъ до 18 часовъ въ сутки. Не слышно, чтобы въ русскихъ социалистическихъ газетахъ и въ типографіяхъ рабочіе работали по 8 часовъ въ сутки, или чтобы рабочіе типографій участвовали въ прибыляхъ редакцій въ равной долѣ...

Мастера принадлежавшей социалистамъ въ Берлинѣ булочной, обанкротившейся влѣдствіе дурного хозяйства, жаловались, что здѣсь съ ними обращались хуже, чѣмъ гдѣ либо. Типографіи партій социаль демократіи постоянно требуютъ субсидій: мастерскія и потребительныя товарищества разоряются, въ принадлежащихъ партіи лавкахъ продается товаръ дороже и хуже, на что слышатся постоянныя жалобы. Въ берлинской и вѣнской больничныхъ кассахъ, которыя социалисты забрали въ свои руки, писцы получаютъ нищенское содержаніе, а члены Совѣта — огромныя оклады. Извѣстный соціально-демократъ Зингеръ въ Берлинѣ, весьма богатый человекъ, платилъ мастерицамъ своего заведенія гроши. (Генцъ, Соціализмъ, 94—5; Восторговъ). Таково поведеніе „генераловъ социализма“. Имъ не охота беречь деньги народа.

Прововѣдники социализма отличались умомъ и краснорѣчіемъ, говорилъ я.

Но изъ кого состоитъ главная масса послѣдователей? Изъ необразованныхъ и полубразованныхъ. Рекруты социализма (и анархизма) набраны изъ обширныхъ круговъ полубразованныхъ. Это худшіе изъ недовольныхъ. Адвокаты безъ дѣла,

писатели, которыхъ никто не читаетъ, фармацевты и врачи безъ пациентовъ, профессора, плохо оплачиваемые, служащіе, недовольные своими патронами, вотъ кто пополяетъ собой ряды социалистовъ, но въ сущности они очень мало заняты доктринами социализма, а мечтаютъ сильными средствами создать общество, гдѣ они могли бы стать хозяевами. Несмотря на ихъ проповѣди о равенствѣ, они съ презрѣніемъ относятся къ людямъ низшимъ себя. Если бы имъ удалось стать хозяевами, они уподобились бы Марату, Робеспьеру, рѣзкимъ типамъ непонятыхъ полу-ученыхъ. Надежда стать въ свою очередь когда-нибудь тиранами, создала большое число послѣдователей социализма". (Le Bon). Люди, которымъ терять нечего, люди, лишеныя практическаго смысла, идутъ въ социализмъ. Говорятъ: „освобожденіе человѣчества можетъ быть дѣломъ только рабочаго класса“. Кто является представителемъ рабочихъ въ парламентахъ? Въ парламентъ и рейхстагъ, вмѣсто рабочихъ, усѣлись адвокаты, доценты, кушцы, капиталисты.

До сихъ поръ не упомянули о евреяхъ. Они первые вдохновители и руководители социальнаго движенія.

Затѣмъ необходимо отмѣтить, что социализмъ — продуктъ расы. Одни расы образуютъ для него благоприятную почву, другія — скудную, почти каменистую. Надо помнить, что величіе народовъ создаютъ не учрежденія, а его характеръ. „Народы, у которыхъ наиболѣе развитъ индивидуализмъ, стоятъ во главѣ цивилизаціи“ и къ социализму

не склонны. Современный уровень народовъ въ степени цивилизаціи измѣряется очень точно степенью ихъ сопротивленія социалистическимъ тенденціямъ. ((Le Bon).

Исторія социализма показываетъ, что это ученіе значительно распространено среди народовъ латинской расы. Ученый Запада Le Bon („Psychologie du socialisme“, Paris, 1905 г.) указываетъ, что народы этой расы имѣютъ между собой мало сходства. Однако общими чертами ихъ является: необходимость для нихъ централизаціи. У нихъ много живости ума, при слабой инициативѣ и отсутствіи воли. Они должны быть руководимы. Въ своихъ неуспѣхахъ винятъ руководителей. „Цезарь про нихъ выразился, что они способны на веденіе необоснованныхъ войнъ, и падаютъ духомъ при первыхъ неудачахъ. Имъ свойственно отсутствіе всякой внутренней дисциплины. Не проникая въ глубину вещей, они увлекаются внѣшней стороной. На первый взглядъ они очень склонны къ революціи, а по существу, наоборотъ — они необычайно консервативны; ихъ революція появляется изъ за пустяковъ, не внося въ ихъ жизнь никакихъ существенныхъ измѣненій, видоизмѣняя лишь названіе вещей. У нихъ много партій. Но идеаль всѣхъ партій — абсолютное государство.

„Подъ кажущейся любовью къ равенству скрывается рѣзкое стремленіе къ неравенству. Они терпѣть не могутъ стоящихъ выше ихъ, потому что, желали бы всѣхъ видѣть ниже себя. Они очень жадны къ титуламъ и орденамъ. Низшіе

классы завидуютъ высшимъ, а высшіе презираютъ послѣднихъ. Потребность въ свободѣ очень незначительна. Какъ только получаютъ ее, стремятся сейчасъ-же передать ее въ руки хозяина, чтобы имѣть правителя и быть руководимыми, безъ чего жить не могутъ. Ихъ роль историческая была лишь тогда замѣтной, когда во главѣ стояли великіе люди, и они постоянно инстинктивно подѣскивали таковыхъ. Дѣлами мало занимаются, увлекаются больше идеями, преподанными имъ въ легкой и красивой формѣ. Мольтке такъ выразился о французахъ: „они ограничиваются громкими фразами“ (Le Bon).

Воспитаніе народовъ латинскихъ расъ велось такъ, что не развивало въ нихъ собственнаго почина (иниціативы). Они не особенно дорожили прошлой своей исторіей. Легко мѣняли традиціи и вѣками живутъ, поэтому, въ революціяхъ.

Всѣ эти особенности разрыхлили почву во Франціи и Италіи — для социализма.

Полную противоположность латинской расѣ составляетъ англо-саксонская раса. У нея воспитаніе развило личную самостоятельность (иниціативу). (Засимъ слѣдуетъ разсказъ о студентахъ Говардскаго университета по книгѣ Демолена). Они чтутъ прошлое и крѣпко держатся традицій. Нѣтъ у нихъ стаднаго начала. По симъ причинамъ социализмъ плохо прививается въ Англии.

„Въ Европѣ нѣтъ страны, гдѣ-бы рабочіе сдѣлали болѣе для улучшенія своего матеріальнаго положенія, чѣмъ въ Англии. Они имѣютъ много-

численные кассы взаимопомощи, организовали страхованіе, устроили потребительныя общества. Благодаря системѣ рабочихъ союзовъ (Trade's unions) они сами обратились въ капиталистовъ и сдѣлали все это помимо социализма и безъ всякой претензіи на измѣненіе нынѣшняго строя общества“.

Эти рабочіе союзы вовсе не представляютъ собою такихъ ассоціацій, какъ въ Германіи. Они ничуть не желаютъ быть интернаціональными и не стремятся къ тому, чтобы соединить всѣхъ рабочихъ и съ помощью ихъ перевернуть все общество. (Эдмонъ Демолень).

Общее число уніонистовъ въ Англии достигаетъ въ настоящее время до огромной цифры, въ полтора милліона. Кромѣ запаснаго фонда въ 20 милліоновъ рублей, ихъ ежегодный доходъ достигаетъ почти до такой же цифры. Спрашивается, что-же можетъ поставить рядомъ съ такимъ могуществомъ частной иниціативы социалистическая Германія?

Посмотрите затѣмъ, какой изъ народовъ Запада все время идетъ впереди другихъ и создаетъ всѣмъ народамъ наиболѣе страшную конкуренцію въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ? Кто раньше всѣхъ и крѣпче всѣхъ захватываетъ земли, еще оставшіяся свободными на земномъ шарѣ? Есть-ли еще народъ, который могъ бы быть поставленъ въ сравненіи съ Англо-Саксами, — съ этою расою, давшою такой чудный побѣгъ, какъ С.-А. Соединенные Штаты? (Эдм. Демолень).

Англичане не охочи до общиннаго начала, до коммунальныхъ порядковъ. Частной собственности

не хотять выпускать изъ своихъ рукъ и передавать ее въ завѣдываніе государства. Они дорожатъ своимъ прошлымъ. Много зиждется на одномъ обычаѣ и этотъ обычай у нихъ непоколебимъ.

Въ древнемъ мѣрѣ первенствующее положеніе заняли римляне. Римляне больше другихъ успѣли освободиться отъ общины. Они не освободились отъ нея окончательно, но во всякомъ случаѣ сильнѣе другихъ развили у себя право частной собственности. Это право достигло такихъ размѣровъ, что окружалось религіозною почительностью. Человѣкъ, запахавшій чужую межу, совершалъ святотатство и по древнему римскому закону онъ и его воля обрекались въ жертву подземнымъ богамъ. Даже Юпитеръ, пожелавшій имѣть въ свою честь храмъ на вершинѣ Капитолія, не могъ сдвинуть съ мѣста бога Терма—покровителя неприкосновенности личной земельной собственности. Благодаря существованію такого порядка, явившійся отвѣтственнымъ за свою собственность и за свой трудъ и обязаннымъ рассчитывать только на самого себя

— римлянинъ, изъ всѣхъ народовъ древности, достигъ наибольшаго развитія своей личности,— а римскій народъ наибольшаго могущества. (Эдм. Демольенъ. Аристократическая раса).

Изъ этихъ примѣровъ мы ясно видимъ, что какъ въ древности, такъ и въ новѣйшія времена, народы, у которыхъ наиболѣе развита частная собственность и самостоятельность, наиболѣе энергичны, предприимчивы, богаты и могущественны. Народы же съ наиболѣе развитымъ общественнымъ

строемъ являются болѣе отсталыми, болѣе бѣдными и болѣе слабыми. Первые не проявляютъ склонности къ ученію социалистовъ, послѣдніе же поддаются ихъ вредному вліянію.

Въ выводѣ мы имѣемъ положеніе, что социализмъ нашего сочувствія вызывать не долженъ. Ничего хорошаго онъ не сулитъ, а если и сулитъ, то выполнить не въ состояніи.

Нашъ громкой и заслуженной извѣстности Д. Менделѣевъ также остановилъ свое вниманіе на причинахъ быстраго распространенія социализма, несмотря на всю несообразность многихъ понятій сего ученія (См., Завѣтныя мысли гл. 6 и 7) „Я не разъ слышалъ объясненіе этой быстроты тѣмъ, что социализмъ отвѣчаетъ дурнымъ наклонностямъ людей и потому привлекаетъ ихъ массы. Не отвергая вліянія этой и другихъ причинъ на распространеніе очевидно ложнаго ученія социалистовъ, проф. Менделѣевъ полагаетъ, что главную причину должно искать въ томъ, что новѣйшій социализмъ, по названію и до нѣкоторой степени и по своему существу, должно противопоставить индивидуализму, такъ какъ послѣдній имѣетъ въ виду прежде всего благо отдѣльнаго лица, а социализмъ благо общее, для всѣхъ одинаково равное, такъ сказать, обязательно равное. Социализмъ служитъ какъ будто болѣе высокому началу.

Можно стоять за общее благо, но нельзя пренебрегать требованіями личности, личнымъ началомъ. Если бы пренебречь личными интересами человѣка, то можно сгубить творческія начала, кои истекаютъ

только отъ личности. Въмѣстѣ съ творческими началами страдаетъ самый прогрессъ. Творческія начала находятся въ зависимости отъ личной инициативы. Внутреннее противорѣчіе между красивымъ названіемъ и некрасивымъ содержаніемъ соціального ученія ведетъ къ тому, что умы, пытливые и уравновѣшенные, наиболѣе способные къ воспріятію новыхъ началъ, повсюду стали отвергать это ученіе и оно увлекло только малоразвитыхъ людей, въ которыхъ погашена живая струна личной инициативы, и впереди видится только потребность въ хлѣбѣ, насущномъ и въ удовлетвореніи низшихъ склонностей. Слѣдствія социализма очевидны: застой и неизбѣжность порабощенія новыми или свѣжими народами, чуждыми утопическихъ увлеченій социаллистовъ. Развитие человѣчества началось именно съ признанія потребности сперва личнаго, а потомъ общаго блага, и на ихъ сочетаніи покоятся всѣ законы и образы правленія. Но то одно, то другое, временами, беретъ верхъ и вотъ нынѣ, когда, крайнее процвѣтаніе индивидуализма начинается, видимо, забирать верхъ, появленіе социализма и его быстрое распространеніе становится понятнымъ по существу. Общественное и моральное значеніе социализма въ извѣстной мѣрѣ можно считать даже благоприятнымъ для общаго роста сознательности, особенно, если имѣть въ виду „теоретическій социализмъ“, но предлагаемые въ немъ приемы прямо несообразны съ цѣлью, которой желаютъ достичь.

Во всякомъ случаѣ увлеченіе социализмомъ, по моему мнѣнію, нельзя правильно понимать если не

принимать во вниманіе лучшихъ его стремленій къ достиженію общаго блага, и если не видѣть, что основную ошибку социализма составляетъ подавленіе личной инициативы, которая въ сущности своей и ведетъ ко всѣмъ видамъ прогресса, заставляя, какъ показалъ Тардъ, массы народа „подражать“ единоличному примѣру. Словомъ, утопія социализма есть крайняя противоположность утопіи индивидуализма. Истина въ срединномъ сочетаніи“.

„Моя мысль объ отношеніи единоличнаго къ общему, или индивидуальнаго къ соціальному (которое должно явно отличать отъ социалистическаго) скажется, я полагаю, еще яснѣе, если я выражу увѣренность, что глубокія измѣненія во множествѣ прежнихъ, стародавнихъ отношеній заставятъ, по моему мнѣнію, признать наше время концомъ „новой“ исторіи и началомъ „новѣйшей“ или современной. Новая исторія характеризуется преобладаніемъ и развитіемъ интересовъ индивидуальныхъ, новѣйшая—должна дать наибольшій просторъ и широкое, прежде небывалое, развитіе интересамъ общественнымъ (соціальнымъ). Вышнимъ признакомъ наступленія новѣйшей исторіи можно считать распространеніе и даже преобладаніе во всѣхъ частяхъ свѣта началъ западно-европейской или лучше латинско-саксонской цивилизаціи, въ усовершенствованіи которыхъ и протекла большая часть новой исторіи. Эта послѣдняя начинается съ открытій Америки, теперь уже занявшей самостоятельное и видное положеніе во всѣхъ міровыхъ отношеніяхъ. Новѣйшая исторія, начинаясь распространеніемъ

тѣхъ же началъ на громадныя пространства Азіи и Африки, введеть народы этихъ частей свѣта въ общую исторію человѣчества, и въ ней китайцы и даже негры должны занять такую же роль по отношенію къ остальному міру, какую заняли Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ новой исторіи. Но Соединенные Штаты въ сущности представляютъ тѣхъ же западныхъ европейцевъ, пересаженныхъ на новую почву и въ новыя условія, тогда какъ у китайцевъ, индѣйцевъ и негровъ есть уже много своего народа со многими своими особенностями, до расовыхъ — включительно, и эти народы сколько бы не воспріяли обще-европейской цивилизаціи, все же останутся со своими особенностями и безъ сомнѣнія внесутъ въ міръ много такого, что отличить новѣйшую исторію отъ новой въ большей мѣрѣ, чѣмъ эта послѣдняя отличается отъ „средней“. Борьба всякаго рода, начиная отъ войнъ, на мой взглядъ, при этомъ неизбежна, и нельзя допустить мысли, чтобы она кончилась подобно тому, какъ кончилась война европейцевъ съ сѣверо-американскими индѣйцами, и вновь вступившія въ мировую область народности Азіи и Африки, по моему разумѣнію, должны внести для удержанія своей самобытности усовершенствованіе началъ цивилизаціи выраженіемъ, даже преобладаніемъ общественно-соціальныхъ началъ въ такой мѣрѣ, которая еще не существуетъ въ нашемъ обиходѣ, преимущественно индивидуалистическомъ. Надо же помнить, что древній міръ обновленъ преимущественно вслѣдствіе пришельцевъ изъ Азіи, что тамъ родились

и воспитались начала широкой государственности, правда первобытной, что тамъ же, да въ привлекающихъ частяхъ Африки (Египтъ) зарождались наука и религіи, что тамъ раньше Европы сложились условія возможности быстрого размноженія людей, и что въ одной Азіи живетъ болѣе половины всѣхъ людей, а въ одномъ Китаѣ (426 милл.) болѣе, чѣмъ во всей Европѣ (380 милл.). Взойдя въ мировую жизнь при помощи Европейцевъ, а они явно входятъ уже, азіаты повліяютъ на эту жизнь и повліяютъ общностью, массою. Они выиграютъ въ индивидуальныхъ отношеніяхъ, а европейцы — въ соціальныхъ. И всѣмъ будетъ лучше. Только, на мой взглядъ, пройдетъ это никакъ не при помощи такихъ грубо подражательныхъ народовъ, каковы, японскій, умѣющихъ быстро съобезьянить лишь такія внѣшности, какъ фабрики, флотъ, парламентъ, войско и т. п., а вѣроятнѣе всего при помощи такихъ оригинально-устойчивыхъ, крѣпкоживучихъ (потому что вѣрятъ въ кое-во что, но безъ фанатизма), благодушно мирныхъ и многочисленныхъ народовъ, каковы преимущественно китайцы. Въ новѣйшей исторіи они должны выступить на мировую сцену; ихъ вліятельная самобытность видна уже въ томъ, что они чужды воинственности и аристократизма, умѣли приручить себя покорителей (монголовъ и манчжуровъ) и сохранились тысячлѣтія, какъ ни одинъ другой народъ. Значить въ нихъ есть нѣчто высшее, общее или соціальное.

Всѣ главныя части нашей русской исторіи со-

вершились въ новую эпоху человѣчества, мы восприняли начало латино-саксонской цивилизаціи позднѣе другихъ западно-европейцевъ и ни для кого не подлежитъ сомнѣнію, что мы сохранили больше, чѣмъ западно-европейцы, нѣкоторыя начальныя стороны азіатской жизни. По мнѣ, все это можетъ послужить къ нашему благу, тѣмъ болѣе, что мы географически занимаемъ середину между настоящимъ Западомъ и Востокомъ, и что сравнительно молодое Русское Царство еще легко можетъ одолѣть трудъ объединенія двухъ важнѣйшихъ частей человѣчества. Волей или неволей, по срединному нашему положенію и по громадности протяженія нашихъ азіатскихъ границъ, даже по причинѣ (текущей) японской войны, мы должны принять большое участіе въ готовящихся міровыхъ событіяхъ. Чтобы при этомъ уцѣлѣть и продолжать свой независимый ростъ, намъ необходимо не только быть готовыми къ отпору всякому на насъ внѣшнему посягательству, но и всемѣрно позаботиться о такомъ своемъ развитіи, которое отвѣтило бы нашимъ особенностямъ, нашему положенію и предстоящимъ намъ дѣламъ, а для этого, конечно, первѣе всего надобно скорѣе приняться за установленіе твердыхъ началъ всей нашей образованности, которая до нынѣ, сказать правду, бралась лишь на прокатъ съ Запада, а не дѣлалась нашею благопріобрѣтенною собственностію.

Все наше образованіе направлено преимущественно въ сторону индивидуалистическую, подобно древнему или средневѣковому, и на дѣлѣ вовсе

чуждо задачамъ жизненнымъ и обще-государственнымъ, для которыхъ истинное значеніе состоитъ въ умѣнны видѣть дѣйствительность, уловить условія, принять ихъ въ расчетъ и сообразно со всѣмъ этимъ найти выполнимое или въ данной частности пригодное разрѣшеніе". (Д. Менделѣевъ. „Завѣтныя мысли“. Гл. 6 и 7).

ЗНАЧЕНІЕ

ДЛЯ ОБЩЕСТВА

МАТЕРІАЛЬНАГО БЛАГА И ИДЕАЛИЗМА.

Значеніе для общества матеріальнаго блага и идеализма.

Большинство людей нашего времени родилось и умираетъ, глубоко увѣренное въ томъ, что экономическій вопросъ—вопросъ коренной, вопросъ первостепенной важности для всякаго общества, начало началъ земной жизни. — Пока удовлетворительно не рѣшенъ экономическій вопросъ — нѣтъ цивилизаціи. Это воззрѣніе особенно подхвачено, развито и распространено ученіемъ социалистовъ. Подобно тому, какъ члены нашего организма въ состояніи правильно функционировать лишь тогда, когда желудокъ въ надлежащей мѣрѣ снабжается пищей, такъ точно, говорятъ намъ, и весь сложный механизмъ человѣческой жизни можетъ дѣйствовать только при условіи достаточнаго накопленія богатства. Когда имѣется извѣстный достатокъ, превышающій насущную потребность дня, тогда только рождается возможность подумать о научномъ образованіи, улучшеніи своего быта, за-

няться искусствомъ и проч., ибо голодному и холодному не до школь, музыки и картинъ и т. п.; пока человѣкъ ходитъ за сохой, работаетъ пилой и топоромъ ему некогда „думу думать“. — При матеріальной обеспеченности является досугъ, и онъ-то даетъ человѣку возможность совершенствоваться, развивать науки, двигать промышленность; матеріально-обеспеченные образованные люди, въ свою очередь, дадутъ хорошихъ законодателей, администраторовъ, политиковъ, судей, учителей и т. п. Чѣмъ больше скоплено вещественныхъ благъ, тѣмъ болѣе будетъ и благъ духовныхъ. Въ подтвержденіе правильности подобнаго взгляда, указываютъ на Азію, гдѣ цивилизація возникла и развилась исключительно въ плодородныхъ ея частяхъ, способствовавшихъ накопленію богатства, на арабовъ, возродившихся въ могущественное государство послѣ того, какъ покинули свои пустыни; указываютъ на долину Нила, ставшую колыбелью египетской цивилизаціи, тогда какъ въ сосѣдствѣ ея по прежнему кочевали дикія племена и т. д. (Томасъ Бокль, „Ист. Цив. въ Англій“). Таковы, приблизительно, также положенія марксистскаго социализма. Они крѣпко привиты въ обществѣ. И вотъ усвоивъ себѣ этотъ выводъ и закрывъ глаза на все остальное, общество бросилось, очертя голову, наживать себѣ богатства, отдавшись всецѣло излюбленной идеѣ.

Вокругъ идеи матеріальнаго блага сконцентрировались помыслы большинства. Свобода, просвѣщеніе, справедливость — все низведено на ступень слугъ этой богини и поставлены въ прихожей ея

палаты. Денежная выгода — величайшій изъ монарховъ, царствующихъ на землѣ. (Монтескье). Чтобы обставить благодѣтельными мотивами низкую любостыжательность, придумали утилитарный символъ вѣры (utilis-полезный). — Эту систему утилитарной нравственности возвели на слѣдующихъ не хитрыхъ условіяхъ; всѣ люди неизбѣжно стремятся къ счастью, а счастье ни что иное, какъ удовольствіе и отсутствіе страданій; идея общаго матеріальнаго благосостоянія, избавленія отъ физическихъ золъ и сколь возможно лучшаго пользованія благами жизни. Счастливы тотъ, кто умѣетъ извлекать изъ жизни большую сумму наслажденій. Спрашивается, какихъ именно наслажденій и удовольствій? На это прямого отвѣта система не даетъ; но, помня другое положеніе, что человѣкъ не болѣе какъ животное, легко догадаться, что рѣчь можетъ идти только объ однихъ матеріальныхъ удовольствіяхъ (а не духовныхъ). Другого вывода не могъ сдѣлать человѣкъ, отвергшій все духовное.

Итакъ, матеріальное благо — все, верховная цѣль, остальное — только формы и пособія.

Универсальный рецептъ написанъ и поставленъ на виду у всѣхъ: добивайтесь матеріальнаго блага и жизнь будетъ легка и пріятна! Додумавшись до идеи общаго матеріальнаго благосостоянія, убеждены, что дали человѣчеству лучшей компань, который приведетъ по вѣрному пути счастья къ „обѣтованной землѣ“.

И вотъ въ обѣтованной землѣ стараются насладиться только матеріальное благо,

Просвѣщеніе превратилось въ „фабричную цивилизацію“: матеріализмъ сталъ религіей вѣка, а „мануфактурная мораль“ — ея нравственностью. Матерію возвели на степень господствующаго начала. Всѣ и вездѣ искали одного вѣшняго блага. Всюду только и слышны разговоры о томъ богатъ ли онъ; сколько за ней приданаго, много-ли онъ оставилъ наслѣдникамъ и т. п. Стремленіе къ удобствамъ жизни, къ комфорту и роскоши развилось такъ широко, что его нѣтъ возможности удовлетворить безъ сдѣлокъ съ совѣстью, религіей, нравственностью. „Тѣ, кто считаетъ деньги способными все сдѣлать, сами способны все сдѣлать за деньги“. (Буастъ).

Въ новомъ царствѣ, въ обѣтованной землѣ, на мѣсто прекраснаго водворили — полезное, поэзію замѣнили арифметикой, божественное вдохновеніе — паромъ, подъ свободой предписали понимать независимость отъ капитала, подъ справедливостью — равномерное распредѣленіе матеріальныхъ благъ жизни (соціализмъ), вмѣсто религіи введена политическая экономія, взамѣнъ искусства — широко развитая промышленность. „Промышленность эта развилась такъ (говоритъ де-Лавалэ), что грозитъ испортить и испачкать нашу планету... химическіе продукты отравляютъ воды, отбросы фабрикъ покрываютъ поля; каменноугольный дымъ грязнитъ зелень растений и лазурь неба; нечистоты большихъ городовъ превращаютъ рѣки въ помойныя ямы, откуда выходятъ микробы тифа. Близъ публичныхъ садовъ Венеціи, устроена фабрика локомотивовъ.

Черный дымъ покрываетъ слоемъ грязнаго пота розовый мраморъ дворца дожей и мозаики Св. Марка, а въ Лондонѣ фасадъ собора Св. Павла, покрытъ сплошь полосами грязи“. (Эмиль де-Лавалэ).

Господствующее модное, дѣловое, ультра-практическое направленіе не озабочено ни творчествомъ, ничѣмъ возвышеннымъ въ духовной области. Оно признаетъ одно практическое, а потому иронически относится къ идеализму поэзіи.

Отрицаніе, дѣлая одинаково взмахи своей косой и на право и на лѣво, не падитъ ничего святого и великаго. Положительная (экономическая) мудрость нашихъ дней рѣшила, что нѣтъ ни Бога, ни души, „а есть только нервы“, нѣтъ ни абсолютной истины: нѣтъ различія между духомъ и матеріей, человѣкомъ и животнымъ, мужчиной и женщиной, нравственностью и стремленіемъ къ счастью. (Н. Страховъ). Передовые дѣятели освободительнаго направленія спѣшили заявить на дознаніяхъ и въ судѣ, что ни во что не вѣрують и никакой религіи не признають. Единственной достойной вниманія моральной системою сталъ эгоистическій утилитаризмъ (марксистскій соціализмъ).

Рождается вопросъ: дѣйствительно ли можно обрѣсти счастье на землѣ, исполняя приведенныя указанія? Дѣйствительно ли „религія матеріализма“ принесла людямъ теплыя надежды и ласковое угѣшеніе? Водворила ли она на землѣ миръ и любовь, довольство и радость?

Соціализмъ заставляетъ насъ еще разъ пересмотрѣть старый, какъ міръ, вопросъ.

Уже много разъ твердили міру, что не въ деньгахъ счастье; но люди не въ силахъ низвергнуть свой старый кумиръ и разрушить его храмъ. Устами самого Бога истиннаго и Бога живаго было возвѣщено имъ, чтобы не искали счастья въ богатствѣ. — „Что пользы, если весь міръ пріобрѣтете, душу же свою погубите“. Великій Человѣколюбецъ предупредилъ, что богатство можетъ преградить путь къ вѣчному блаженству.

Самъ Богочеловѣкъ освятилъ бѣдность.

Иосифъ былъ плотникомъ, Пресвятая Марія родилась и жила въ нуждѣ. Богъ показалъ силу бѣдности: Христосъ отправилъ своихъ учениковъ — Петра, Андрея, Іакова — на проповѣдь „безъ посоха, безъ сумы, безъ хлѣба и серебра“ и они созидали царство, которому не будетъ конца.

„Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, т.-е. дай необходимое для нашей природы въ каждое данное время...“ Слѣдовательно, мѣра для удовлетворенія плоти указана. Матеріальное благо необходимо въ такомъ количествѣ, чтобы голосъ недовольственной природы не заглушалъ голоса благодати и чтобы мы имѣли физическую возможность думать о дѣлѣ Божиёмъ“ (Вл. Соловьевъ). Соблюсти это равновѣсіе люди не сумѣли.

„Собственность, которую такъ стремятся пріобрѣсти, есть явленіе подчиненное; она удерживается и защищается не ради ея самой, а ради другихъ цѣлей“. (Н. Страховъ). „Владѣйте, но не позволяйте богатству овладѣвать вами“, глаголетъ одно мудрое изреченіе древности. „Деньги

очень дурной господинъ, но весьма хорошій слуга“, сказалъ Бэконъ. Вотъ чего не слѣдуетъ забывать обществу нашихъ дней. „Богатство состоитъ не въ обладаніи сокровищами, а въ умѣнны употреблять ихъ“. (Наполеонъ I). Богатство можетъ быть орудіемъ, средствомъ, условіемъ счастья, а потому въ дѣлѣ нравственнаго улучшенія и облагороженія жизни оно должно исполнять не болѣе, какъ служебную роль.

Я не стану оспаривать необходимаго значенія хлѣба для жизни. Но я буду утверждать, что хлѣбъ не единственная пища человѣка. Есть и другія питательныя вещества, которыя не принимаются на паши реального образованія, но развиваются только въ саду идеальныхъ стремленій, подъ благотворительнымъ вліяніемъ свѣта, мысли и сердечной теплоты“. (Ж. М. Н. П. СХСѪП, Г. Струве).

Избѣгая всякихъ крайностей, мы заявляемъ, что богатство не есть зло, какъ сама по себѣ взятая бѣдность не есть еще добродѣтель. Проповѣди полнаго изгнанія матеріальнаго блага мы здѣсь не начнемъ, вполне сознавая, что чувственную свою природу человѣкъ обязанъ удовлетворять, ибо она служитъ почвою и средою его духовной жизни. „Тѣла наши суть храмъ живущаго въ насъ Святаго Духа; тѣла наши суть члены Христовы“. (Посл. къ Коринѣ. ап. Павла); намъ жалательно отгнать ту крайность, въ которую впадаетъ современное человѣчество, предавшись исключительно заботѣ о матеріальномъ благосостояніи и игнори-

руя свои духовныя потребности; наша цѣль показать нѣкоторыя послѣдствія неправильно понятой идеи матеріальнаго блага, односторонности къ которой ведетъ ученіе социалистовъ, показать часть тѣхъ результатовъ, кои вытекли изъ невѣрнаго, якобы научнаго вывода о томъ, что экономической вопросъ есть коренное начало жизни и источникъ истиннаго человѣческаго общежитія; мы хотимъ представить усиленную картину печальнаго положенія людей, принявшихъ вещественное богатство за цѣль своей жизни, а не за средство ея. Питаніе не есть единственное жизненное отправленіе человѣка. Есть еще другія не менѣ существенныя и болѣе возвышенныя и поэтическія, болѣе человѣческія отправленія.

Марксъ находилъ, что движущимъ началомъ исторіи является *экономизмъ*, хотя онъ же писалъ, что—голодъ еще не дѣлаетъ исторіи.

Хлѣбъ насущный, конечно, необходимъ. Для многихъ онъ главный и существенный побудитель (стимуль) жизнедѣятельности. Голодъ ужасенъ... Я, конечно, признаю всю важность экономического фактора, но отказываюсь признать за нимъ роль перваго дѣятеля и главнаго двигателя всего того, что дѣлается въ исторіи. Материалистическое воззрѣніе на исторію нельзя признать правильнымъ. Нельзя согласиться, что матерія торжествуетъ надъ духомъ. Это означало бы признание, что пришелъ „чумазный“ Салтыкова-Щедрина, у котораго на устахъ одно слово „жрать“, и который на вопросъ: что есть истина? отвѣтилъ: „Насчетъ вина

свободно, а на счетъ чтенія строго“. Возможно-ли согласиться, что этотъ чумазный есть истинный типъ homo sapiens?

Вникнемъ въ природу самаго экономического фактора и спросимъ: что это самъ по себѣ—факторъ матеріальный или идеальный? Экономическій факторъ есть такой же идейный факторъ исторіи, какъ право, наука, искусство и пр. Почему возникъ экономическій факторъ? потому что у человѣка есть „потребность“. Въ чемъ сказывается этотъ экономическій дѣятель? Въ томъ, что человѣкъ, усиливаясь удовлетворить свои потребности, воздѣйствуетъ на внѣшнюю природу и приспособляетъ ее къ своимъ нуждамъ. Для этого создаетъ онъ технику и умѣнье. Экономическій факторъ—есть только сложное и дѣющееся усиліе человѣческаго духа приспособить внѣшній міръ къ своимъ внутреннимъ потребностямъ. Въдъ матерія, внѣшній міръ—только точка приложенія дѣйствій человѣческаго духа (психики). Матерія тутъ только простой и пассивный объектъ. Единственнымъ живымъ дѣятелемъ среди всей этой мертвой обстановки все-таки остается тотъ-же человѣкъ, человѣческій духъ. Духъ дѣлаетъ матерію своей послушной рабой. Когда вы глядите на роскошныя города, прекрасныя сооруженія (храмы, дворцы, мосты, туннели) неужели вы говорите, что все это торжество матеріи? что это торжество матеріальнаго фактора? Чтобы могли развернуться высшія стороны духа, необходима извѣстная степень удовлетворенія низшихъ потребностей и извѣстный досугъ... Но не

о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ! Человѣчскій духъ не исчерпывается и не заканчивается своими животными потребностями. Эти потребности влетаютъ его, тянутъ внизъ, но самъ онъ стремится вверхъ, онъ хочетъ жизни высшей, надъ животной, человѣческой.

И вотъ для этой высшей жизни человѣкъ возводитъ *надстройку*, какъ бы вышку духа, куда онъ удаляется для истиннаго отдыха, откуда предается созерцанію красотъ міра, откуда мысль его перелетаетъ за видимые предѣлы окружающаго, погружается въ глубину собственнаго духа. Вотъ для чего нужна человѣку надстройка надъ экономической основой.

По Марксу—*надстройка* не имѣетъ смысла. Ты сытъ и молчи! Накормленъ и спи! Твой духъ не требуетъ удовлетворенія. Трудно въ такой исключительной экономической области провести различіе между человѣкомъ и животнымъ, которое, „наѣвшись желудей до сыта до отвала ... Если держаться теоріи Маркса, то выходитъ, что человѣкъ созданъ для „откорма и нагула“ (Mast und Futterstaat), какъ выразился проф. Антонъ Менгеръ (Будущее государство).

Въ отношеніи ко всему что происходитъ, человѣчскій духъ неудержимо совершаетъ два процесса: объясненіе и оцѣнку. Человѣку мало уяснить себѣ происходящее. Ему надо произнести надъ всѣмъ своей судъ. Для этого суда, или критерія, существуютъ слѣдующія основанія (мѣрки): польза, справедливость, красота и нравственное достоинство.

Первые критеріи прилагаются къ экономической сторонѣ жизни (къ „постройкѣ“ К. Маркса), а послѣдніе—къ „надстройкѣ“. Первые легче обосновать и легче понимаются. Въ вопросѣ же эстетически-прекраснаго и нравственно-возвышеннаго—рѣшаетъ наше внутреннее я и тутъ начинается разногласіе. Цѣнность предметовъ въ области экономики ясна для каждаго. Цѣнность въ области справедливости также еще доступна многимъ, которые понимаютъ значеніе неприкосновенности личности, равенства всѣхъ передъ закономъ и безпристрастнаго суда. Но цѣнность прекраснаго въ области эстетики и нравственной сферѣ не всѣми понимается. Тутъ иная формулировка; нѣтъ осязаемости—тутъ должно сказаться непосредственное внутреннее чувство.

Возвращаемся къ матеріальному благу и его значенію.

Въ нашихъ разсужденіяхъ, „не мудрствуя лукаво“, мы исходимъ изъ простыхъ, удобопонятныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неопровержимыхъ положеній, въ родѣ, напримѣръ, того, что чрезмѣрный грузъ топить корабль, а умѣренный даетъ ему устойчивость даже въ бурю; что „всегда легче править телѣгой, запряженной волами, чѣмъ экипажемъ, запряженнымъ четверткой лошадей; всегда безопаснѣе ходить по деревенской тропинкѣ, чѣмъ по городской улицѣ, запряженной экипажами, омнибусами и вагонами трамвая, автомобилями“. (Мантегацца).

Богатство нерѣдко оказалось для добродѣтели

тѣмъ-же, чѣмъ является обозъ для арміи, по мѣткому сравненію Бэкона. „Обозъ необходимъ, но въ то же время онъ затрудняетъ походъ и попеченіе о его защитѣ не обходится даромъ“. Ясно, что ненужный обозъ—вредъ и бремя. Отсюда одно изъ послѣдствій излишне собраннаго богатства на лицо: оно превращаетъ человѣка въ своего сторожа.

Сократъ сказалъ объ одномъ богачѣ, израсходовавшемъ большой капиталъ на постройку огромнаго дворца и ничего не сдѣлавшемъ для своего нравственнаго улучшенія: „со всѣхъ сторонъ стекаются люди смотрѣть на домъ, но никто не думаетъ взглянуть на хозяина“. Иные, скопивъ богатство, полагаютъ, что жизненная ихъ задача окончена. Пьедесталъ не дѣлаетъ героевъ... Чтобы болѣе наглядно видѣть ничтожество одного матеріальнаго благосостоянія, при многихъ условіяхъ жизни, взятаго какъ цѣль дѣя, воспользуемся примѣромъ, приведеннымъ однажды извѣстнымъ проповѣдникомъ Берсье. „Заключите невѣжду въ самую богатую бібліотеку, посадите больного за самый роскошный столъ, окружите увядающее, изсохшее, пресыщенное сердце самыми чистыми, самыми нѣжными наслажденіями привязанности, и вы будете имѣть поразительное доказательство, что истинная жизнь не въ богатствахъ, которыми владеютъ. О, сколько разъ, прибавляетъ Берсье, я видѣлъ отчаяніе и душевныя муки въ домахъ, гдѣ богатство сосредоточило весь свой блескъ.“ Вспомнимъ еще слова римскаго императора: „я имѣлъ все и вижу, что все есть ничто“.

Богатство слѣдуетъ поставить желательнымъ послѣ здоровья, чести, образованія.

Какъ позолота, богатство не прикроетъ недостатковъ въ здоровьи, чести, въ умственной нищетѣ.

Но зачѣмъ рыться въ проповѣдяхъ, когда передъ нами стоитъ примѣръ поразительной величины и ясности—нашъ истекшій вѣкъ? „О, гордый XIX вѣкъ, счастливѣ ли ты своихъ предшественниковъ; счастливъ ли ты вообще?“ спрашиваетъ профессоръ Мантегацца и самъ же отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что если бы гордый вѣкъ былъ искреннимъ, то онъ долженъ былъ бы сказать; „нѣтъ (ибо его богъ—Шопенгауеръ и Гартманъ, его любимый поэтъ—Леопарди, а романистъ—Золя)“. Въ распоряженіе современныхъ богачей цивилизація, особенно въ большихъ городахъ, представляетъ все, что только возможно себѣ пожелать, и тѣмъ не мѣнѣе они чувствуютъ въ большинствѣ случаевъ безысходную тоску, скуку и пустоту жизни, поразительно часто кончаютъ умопомѣшательствомъ и самоубійствомъ. Къ услугамъ человечества паръ и электричество, давшіе ему возможность восторжествовать надъ временемъ и пространствомъ, печатный станокъ, биржа и банкъ, театръ и циркъ, музей и бібліотека и т. п., а онъ, по совѣту своего бога—разума, топить горе въ алкогольъ и морфій, безцѣльно путешествуетъ и ведетъ бессмысленную азартную игру. Ни дивное море, ни лазурь неба, ни золотой лучъ солнца его не утѣшаетъ.

Посреди цѣлаго моря матеріальныхъ богатствъ, человѣкъ не находитъ себѣ удовольствія и счастья и вѣчно разочарованъ, раздраженъ, недоволенъ и угрюмъ. Поразительно, что въ вѣкъ наибольшаго господства разума и матеріальнаго богатства съ особой силой проявили себя сперва байронизмъ, а въ послѣднее время пессимизмъ. Глава и представитель пессимизма—Шопенгауэръ находилъ, „что жизнь человѣка, подобно маятнику, качается взадъ и впередъ между скукой и страданіемъ, а потому не стоитъ сломанной булавки“.

Какъ широко разлился пессимизмъ въ Европѣ, можно судить по тому количеству писателей, которые отражали отчаяніе въ своихъ произведеніяхъ.

Пессимизмъ—это скука, недовольство, разочарованіе, пресыщеніе жизнью. А истинный источникъ скуки есть внутренняя безсодержательность, гласитъ одна изъ самыхъ цѣнныхъ строкъ сочиненія Шопенгауэра.

Пессимизмъ—отчаяніе человѣка, лишющее его жизненной энергіи; ведетъ къ апатіи, сплину.

Пессимизмъ кость отъ кости и плоть отъ плоти матеріализма. Пессимизмъ—естественный практический выводъ изъ ученія о механичности міра.

Матеріализмъ и пессимизмъ преслѣдуютъ одну общую цѣль—упраздненіе Вседержителя Бога; имъ обоямъ ненавистенъ „теологическій характеръ мірового процесса“.

Нравственный элементъ одинаково отсутствуетъ въ обоихъ ученіяхъ.

Многимъ счастье представляется въ видѣ боль-

шой позолоченной рамы, въ которой находится пустячная картина. А между тѣмъ счастье, подобно картинѣ Рафаэля или Корреджіо, въ простой рамѣ или совсѣмъ безъ всякой рамы. (Мантегацца).

Остроумный профессоръ антропологии во Флоренціи П. Мантегацца, находя невозможнымъ характеризовать цѣлое столѣтіе однимъ названіемъ, окрестилъ XIX вѣкъ въ физическомъ отношеніи нервнымъ, въ моральномъ—лицемѣрнымъ, а въ интеллектуальномъ—скептическимъ. Дѣйствительно, XIX вѣкъ насквозь нервень, если такъ можно выразиться: нервны его люди, нервны конституціи, предпріятія, національности, короче, у вѣка „не пять, а пятьсотъ чувствъ“. Причинъ нервности нашего времени Мантегацца называетъ цѣлую серію: спиртные напитки, табакъ, чай, кофе, морфій, магическія слова великой революціи „свобода, равенство и братство“, газеты (два изданія въ день), промышленныя предпріятія, парламенты и, наконецъ, нервы цивилизаціи: телеграфную проволоку, телефоны и рельсы. Для полноты перечня къ нему остается только прибавить: быстроту современной жизни („и жить торопятся и чувствовать спѣшать“), и, главное—избраніе руководящимъ принципомъ идеи матеріальнаго земного благополучія съ ея прямыми и неизбежными послѣдствіями: конкуренціей, рискомъ, торговыми переворотами, банковыми крахами, биржевыми спекуляціями, жгучими социальными вопросами, лихорадочной дѣятельностью.

Для пріобрѣтенія вещественныхъ богатствъ, для достиженія нѣги экикурентическаго матеріализма

современное общество сдѣлало слишкомъ большія затраты ума и энергіи по сравненіи со скудными средствами, потраченными на свое нравственное усовершенствованіе.

На машину были возложены большія надежды; въ ней видѣли чуть ли не все наше спасеніе, а потому на приобрѣтеніе ея затратъ не жалѣли.

Сосчитаны ли тѣ жертвы, кои ежегодно гибнутъ, раздавленныя машиной? Въ одной Англии желѣзнодорожныхъ жертвъ ежегодно насчитываютъ до 4 тысячъ.

Къ машинамъ приставили миллионы рабочаго люда, нервы которыхъ разстраиваются отъ неумолкаемаго ихъ шума, копоти и духоты промышленныхъ заведеній, отсутствія въ нихъ достаточнаго количества свѣта и теплоты, отъ вѣчной спѣшности работъ, а также отъ обиды за обреченіе на безсмысленный трудъ и на низведеніе его на степень рабочаго скота, такъ какъ теперь нерѣдко работа, исполнявшаяся прежде животными, поручена рабочему; гдѣ прежде требовался здоровый и толковый работникъ, тамъ въ настоящее время ставятъ разслабленнаго и неопытнаго ребенка. При паровомъ машинномъ производствѣ рабочій превращенъ въ машину; кромѣ того личность его подавляется еще громаднымъ количествомъ фабричныхъ и заводскихъ вещей. Словомъ, вещь торжествуетъ надъ человекомъ. А въ результатъ: „вещей стало больше, радостей меньше“ и „душа убываетъ“. (Достоевскій). Рабочему, да изобрѣтателю машины, есть основаніе опасаться, какъ рассказано въ одной француз-

ской повѣсти, что „на послѣдней, самой совершенной изъ машинъ, упраздняющей его дѣятельность“, ему придется повѣситься.

Человѣкъ сдѣлался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу за деньги. (Герценъ).

Все подъ гнетомъ, всѣ на военномъ положеніи въ этой общей борьбѣ за существованіе. Люди, носящіеся съ одною мыслию о томъ, чтобы поскорѣй и значительнѣй разбогатѣть, скучились въ городахъ съ дурными гигиеническими условіями, построили многоэтажныя зданія и съ поспѣшностью стали вбѣгать по крутымъ ихъ лѣстницамъ; очертя голову, они мчатся изъ страны въ страну по желѣзнымъ дорогамъ, проложеннымъ по высокимъ мостамъ, длиннымъ тоннелямъ, обрывистымъ горамъ.

„Въ нѣдрѣ этого шумнаго движенія, которымъ характеризуется наше время, въ этомъ величественномъ концертѣ, въ которомъ слышится рѣзкій свистъ локомотива, глухой стукъ молота, взрывъ мины и грохотъ разрушающейся горы, трудно человѣку уединиться и сосредоточиться въ самомъ себѣ“.

Но и нервность еще не послѣдній результатъ исключительной заботы о физической природѣ человека. Кромѣ пессимизма и нервности она даетъ 22 тысячи самоубійствъ въ Европѣ въ теченіе года, малокровное поколѣніе, склонное къ умопомѣшательству и истеричности, зараженной ипохондріей и погрязшее въ обманахъ и насиліяхъ, поколѣніе нравственно-пустое и душевно оскудѣвшее,

съ катаррами и чахоткой, кашляющее, хилое и угрюмое. Дѣтоубійства и разводы возросли, проституція прогрессируетъ гигантскими шагами, а въ общемъ итогъ получается „несчастнѣйшій человѣкъ и несчастное человѣчество“ при блистательномъ матеріальномъ прогрессѣ!.. Такъ строго карается человѣкъ за чрезмѣрное увлеченіе наслажденіемъ и удобствами привольной жизни. „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ“.

Главнѣйшая причина самоубійствъ нашего времени — въ отсутствіи надлежащаго пониманія смысла и цѣли жизни, въ потери вѣры въ Бога и въ загробную жизнь. Нѣтъ этой вѣры, и жизнь лишена своего прочнаго фундамента. Источникъ жизни, которымъ живемъ и движемся, забытъ. Жизнь безъ Бога — это Вавилонская башня, гдѣ все смѣшалось и перепуталось, гдѣ все лѣзутъ „и давятъ другъ друга, не достигая ея вершины“.

Съ иной точки зрѣнія оцѣнили меркантилизмъ и его плоды Герценъ. Его умственному взору представлялась такая картина.

Мѣщанство — окончательная форма западной цивилизаціи, послѣднее ея слово, ея совершеннолѣтіе, эпопея роста, романъ юности. На это „нерѣчивое мѣщанство, на эту томпаковую посредственность“ Герценъ обрушился всею силою своего остроумія. „Съ мѣщанствомъ, — говорилъ онъ, — стираются личности... стирается красота природы, теряется индивидуальность, „какъ брызги водопада“. Въ мѣщанствѣ слышится умъ, мельчаетъ жизнь, исключаются общечеловѣческіе интересы. Для мѣщанства

„фотографія, — эта шарманка живописи, — замѣняетъ артиста... Для цвѣтовъ гряды мѣщанства „слишкомъ уважены, для его грядъ цвѣты слишкомъ бесполезны; если онъ иногда раститъ ихъ, то это для продажи“. „Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку“... Вся торговля основана на количествѣ и дешевизнѣ, а не на качествѣ. Герценъ находилъ, что „политическая экономія садилась на первыя ступени вмѣстѣ съ Орлеанской династіей... Всюду Герценъ видѣлъ самодержавную толпу сплоченной непосредственности, толпу безъ невѣжества, но и безъ образованія. Ст. Милль съ отчаяніемъ смотрѣлъ, — прибавляетъ Герценъ — „на подавляющія массы какой-то паюсной икры, сжатой изъ мириадовъ мѣщанской мелкоты“...

Одно мѣщанство удовлетворитъ человѣка не можетъ. Ему нуженъ недостижимый идеаль.

„Идеаль — представленіе высшаго совершенства въ какомъ-нибудь отношеніи. (Идеаль добра, идеаль государства, идеаль гражданина)... Весьма часто подъ именемъ идеала разумѣется отвлеченное представленіе о совершеннѣйшемъ общественномъ, экономическомъ, семейномъ и т. д. устройствѣ. Идеаль обыкновенно противопоставляется дѣйствительности, какъ чему-то несовершенному. Согласно съ представляемымъ идеаломъ преобразовывается дѣйствительность. Такимъ образомъ вся исторія міра и человѣчества есть лишь постепенное воплощеніе идеаловъ и преобразование несовершенной дѣйствительности въ лучшее. (Вл. Соловьевъ).

Къ высшимъ идеаламъ стремится человекъ, во имя ихъ развиваетъ науку и искусство, — идеалы впадаютъ надъ нимъ, ведутъ его, манятъ къ себѣ. Отъ идеала нельзя отказаться потому, что идеаль есть сама природа, только въ ея высшихъ стремленіяхъ, желаемое и усовершенствованное ея завершеніе.

Подъ идеализмомъ надо понимать также болѣе высокую оцѣнку лицъ и жизненныхъ явленій, преобладаніе общихъ высокихъ интересовъ надъ частными, умственныхъ и нравственныхъ интересовъ надъ матеріальными, стремленіе человека не ограничиться одними практическими цѣлями и матеріальными условіями жизни.

Идеализмъ — непоколебимая вѣра въ торжество правды и добра и самоотверженное стремленіе къ нимъ. Идеализмъ возвышенный строй нашихъ нравственныхъ силъ. Это великая сила человека, скрашивающая его жизнь. Идеализмъ — размышленіе о томъ, что можетъ и должно быть, въ отличіе отъ того, что есть на глазахъ.

Погоня за матеріальнымъ благомъ принесла съ собой и много бѣдъ. Чего же недостаетъ, чтобы жизнь была правильно поставлена? Чѣмъ необходимо ее уравнивать? Нужно положить на вѣсы жизни еще что-то. Но что именно?

Человѣку невозможно обойтись безъ идеализма, т. е. безъ высшего чувства, безъ верховной поэзіи души, безъ того возвышеннаго, благороднаго и прекраснаго, что ютится въ томъ же уголку сердца, гдѣ находятся идеалистическія чувства. Въ душев-

номъ строѣ человека нельзя пренебрегать этими идеалистическими чувствами.

Вся жизнь человека должна быть стремленіемъ къ идеалу. Безъ идеаловъ нѣтъ правильнаго прогресса. „Безъ идеаловъ никогда не можетъ получиться хорошей дѣйствительности“, — сказалъ Достоевскій. Безъ благородныхъ, гуманныхъ стремлений, безъ высшихъ мотивовъ дѣятельности человекъ былъ бы только умнымъ животнымъ. (Проф. А. А. Царевскій).

Душа человека имѣетъ такія стремленія и требованія, которыя не могутъ быть удовлетворены матеріальными благами. Въ этомъ необходимо убѣдиться, а потому представимъ нужныя доказательства.

Высочайшимъ образцомъ чистаго, святаго идеализма является, конечно, христіанство. Но его разсматривать не буду.

Я стою на научной почвѣ и потому укажу вамъ на другой образецъ идеализма — поэзію.

Между религіей и поэзіей есть, несомнѣнно, извѣстная близость. — Поэзія управляетъ сердцемъ. Поэтическіе идеи и образы были преимущественно двигателями человечества. (Проф. А. А. Царевскій. Идеализмъ. Казань. 1897).

Чтобы уразумѣть значеніе идеализма въ жизни народной, укажу на отношеніе людей къ поэзіи, на вліяніе поэзіи, ибо поэзія занята изображеніемъ идеаловъ добра, идеаловъ людей и ихъ добродѣтелей.

„Поэзія — религіи небесной сестра земная“ ... какъ выразился В. А. Жуковскій. Или: „Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“.

Въ шестидесятихъ годахъ многіе въ нашемъ обществѣ были увѣрены, что навсегда

«Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ.. что
Смѣшно терять для звучныхъ строфъ
Златое время... Въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ,
Навѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ».

(Лермонтовъ).

Всѣ тогда, да и теперь стремятся къ тому, чтобы жить однимъ только умомъ и служить одному полезному. Нѣкоторые твердили:

«Мечты поэзи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ».

Трудно себѣ представить что-либо болѣе бессмысленное, напускное, противоестественное, чѣмъ ту ожесточенную вражду къ поэзи, которою была охвачена тогда наша либеральная печать. И въ самомъ дѣлѣ, изгонять поэзію изъ нашей жизни, значитъ не желать знать коренныхъ потребностей человѣческой природы, не понимать высокаго назначенія искусства. Человѣку врожденно неотразимо стремленіе не только къ истинѣ и добру, но также и къ отысканію красоты и стремленіе къ наслажденію этой красотой. „Красота такъ же прекрасна и любезна намъ,—писалъ В. Г. Бѣлинскій,—какъ истина и добродѣтель. То и другое составляютъ въ одинаковой степени потребность нашего духа“.

Обращаясь къ окружающей насъ природѣ, мы замѣчаемъ, что она „полна не однихъ органическихъ силъ, она полна красоты и поэзи, которая наиболѣе свидѣтельствуетъ о ея жизни“. „Если бы

солнце только грѣло и свѣтило, оно было бы не болѣе, какъ огромный фонарь, огромная печка; но оно проливаетъ на землю яркій, весело дрожащій, радостно играющій лучъ и земля встрѣчаетъ этотъ лучъ улыбкою, а въ этой улыбкѣ невыразимое очарованіе, неудовимая поэзія“,—читаемъ также у В. Бѣлинскаго „Красота, сказалъ Жуковскій, есть не что иное, какъ тайное выраженіе божественнаго“.

„Стремленіе къ прекрасному и возвышенному—вотъ искусство“. (Гоголь). Стремленіе это такъ же, какъ и художественное творчество, глубоко коренится въ нашей психической природѣ, а потому человѣку нѣтъ возможности обойтись безъ созданій фантазіи въ поэзи, музыкѣ, скульптурѣ, архитектурѣ и живописи. Если бы потребности человѣческаго духа насыщались плодами разума и житейскими экономическими расчетами, кто бы могъ заставить людей заниматься созданіями фантазіи? И если люди ими заняты, то это потому, что за этими фантазіями-идеалами скрывается ожидаемая реальность и что въ идеалахъ таится для насъ большая притягательная сила.

Взгляните на бѣдность и убѣдитесь, что при малѣйшей возможности она вплетаетъ цвѣтную ленту въ косу дѣвушки, нашиваетъ красный отворотъ къ рубашкѣ, раскрашиваетъ окна и ставни. Возьмите дикаря—и тотъ украшается перьями, глиной, бусами, татуировкой. Человѣкъ поетъ, пляшетъ, рисуетъ, вышиваетъ и пр., не извлекая для себя никакой пользы, какъ она понимается въ обыденномъ разговорѣ.

Ключъ ко всему кроется въ томъ, что „поэзія есть правда души, ея исповѣдь“, какъ выразился Гоголь.

Обратимся къ исторіи и мы увидимъ, что поэзія родилась вмѣстѣ съ языкомъ; гласныя буквы были первой музыкой человѣка, въ которой „вылилась его душа, тронутая ощущеніями“. Поэзія существовала прежде письменности потому, что „поэзія не въ однихъ стихахъ и прекрасныхъ образахъ творчества; поэзія во всемъ, что заставляетъ человеческое сердце биться сильнѣе, чище, честнѣе и возвышеннѣе“.

Спрашивается, кто училъ народъ изливать свои чувства въ пѣсни? Конечно, одна только природа человѣка. Пѣсни Гомера, рыцарскіе романсы, баллады миннезингеровъ и трубадуровъ, русскія былины—все это образцы творчества самаго народа, въ коихъ отразилось все пережитое и перечувствованное. „Подъ пѣсни рубятъ изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси, подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи... подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ... Наша Украина звенитъ пѣснями, по Волгѣ заливаются бурлацкія пѣсни“. (Гоголь).

Исторія свидѣтельствуетъ еще, что во все время поэзія поучала, вдохновляла и ободряла человечество, рпеуя передъ нимъ всеильные идеальныя образы въ изящныхъ формахъ, и образы эти входили въ его убѣжденіе, поселялись въ его душѣ. Къ помощи поэзіи прибѣгали даже религія и наука. Ритмическая пѣвучая форма облегчала народу

заучиваніе извѣстныхъ основныхъ положеній, въ которыхъ выражалась сущность его первобытныхъ вѣрованій, понятій и законовъ. (Въ Швеціи законы въ старое время рѣмовались. Положенія его превратились поэтому въ поговорки, вошли во всеобщее употребленіе). Исторія показываетъ, что въ созданіяхъ поэтовъ одинаково черпали себѣ твердость и отраду и знаменитые люди, и народныя массы. Пѣлнтельные звуки поэзіи

«Дарили радость и покой,
И въ мигъ снимали, какъ рукой,
Любви и ненависти муки».
Ихъ узникъ пѣлъ, забывъ оковы,
Ихъ пѣлъ бѣднякъ, забывъ нужду...

И впредь будетъ тоже.

«И нищій въ хижинѣ, и сосланный въ изгнаньи
Надъ пѣснями прольютъ отрадную слезу».

Пока въ человеческой груди будетъ биться сердце, люди не перестанутъ упиваться гармоніей и лить слезы надъ вымысломъ. (Пушкинъ).

Говорятъ: поэзія мечта! поэзія—прихоть богатыхъ! Нѣтъ, поэзія реальная сила. Пока жива народная поэзія, до тѣхъ поръ живъ и духъ независимости сего народа. Искусство, поэзія свидѣлствуютъ объ избыткѣ жизненной силы народа, какъ цвѣтокъ—объ избыткѣ жизненной силы растенія. То растеніе, которое цвѣтетъ—дастъ плодъ, принесетъ пользу. „Поэзія—это улыбка жизни, ея свѣтлый взглядъ, играющій всѣми переливами быстро

смѣняющихся ощущеній“. (Бѣлинскій). Поэзія мечта, прихоть!.. Но

«Бывало мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы,
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ опіамъ въ часы молитвы!»

(Лермонтовъ).

Говорятъ: поэзія отжила свой вѣкъ! Нѣтъ! Она отражаетъ и впредь будетъ въ образахъ изображать характерныя особенности времени и идеалы поколѣнія. Горе тому народу, у котораго замолкнетъ божество поэзіи, способное напоминать чело-вѣку о его высокому призваніи. (Некрасовъ). Практическій XIX вѣкъ пытался было заколотить храмъ искусства, но дорого заплатилъ за водвореніе реализма въ наукѣ, натурализма—въ литературѣ и материализма—въ философіи, и теперь льетъ кровь за стремленіе насадить химерическіе планы марксистовъ и иныхъ социалистовъ. Вѣкъ убѣдился, что при такихъ условіяхъ некра Божія можетъ погаснуть въ меркантильныхъ душахъ людей и, послѣ горькаго опыта, люди должны будутъ вновь ринуться ко всему метафизическому и прицѣпиться за удовлетвореніе запросовъ вѣры и нравственныхъ требованій. Сила истины такова, что она всегда выживаетъ. Выходки Писарева, Чернышевскаго и Комп., нашихъ „литературныхъ нигилистовъ“, находившихъ Пушкина легкомысленнымъ версификаторомъ, Гоголя—безполезнымъ, Лермонтова—вреднымъ мечтателемъ, Гейне—блестательнымъ уродствомъ, уже забываются, ряды ихъ поклонниковъ

замѣтно рѣдѣютъ; пройдетъ еще нѣкоторое время и слѣда не останется отъ ихъ „литературнаго террора“; тогда какъ искусство стоитъ непоколебимо. Нѣтъ! поэзія не отжила своего вѣка, искусство не умретъ! Человѣчеству не доведется хоронить искусство: его унесетъ съ собой въ могилу послѣдній чело-вѣкъ...

Безъ высшей идеи не можетъ существовать ни чело-вѣкъ, ни нація. А высшая идея на землѣ лишь одна, а именно, идея о безсмертіи души чело-вѣческой (а не идея матеріальнаго блага), а отсюда—нравственное совершенствованіе, ибо все остальные „вышія“ идеи жизни, которыми можетъ быть живъ чело-вѣкъ, лишь изъ нея одной вытекаютъ. Все это неоспоримыя истины. „Безъ вѣры въ Бога, въ людей и себя жить нельзя“—написалъ одинъ изъ самоубійцъ на оставленной имъ запискѣ. Въ этихъ словахъ святая правда! (Исслѣдованіе о „самоубійствахъ“ проф. Гвоздева).

Безъ идеаловъ невозможно обойтись. Безъ стремленія къ совершенствованію духовной стороны чело-вѣческой природы нѣтъ истинной жизни.

Ошибка тѣхъ, которые вздумали наполнить свою жизнь однимъ матеріальнымъ благополучіемъ, кроется въ слѣдующемъ:

Свою безконечную душу они хотѣли удовлетво-рять дарами „конечнаго міра“. Матерію, подчи-ненную духу, поставили выше духа, служебное на-чало возвели на степенъ господствующаго и руко-водящаго принципа. Матеріальное благо, служащее обстановкой жизни, сочли за самую жизнь. Все

заботы человека направлены къ тому, чтобы взлѣять тѣло, оберечь и насытить его, тогда какъ могущество человека заключается въ его нравственной, а не въ физической силѣ; не тѣло, а душа дѣласть человека человекомъ.

Въ области матеріальной есть насыщеніе. Въ сферѣ запросовъ духа его нѣтъ.

Значеніе экономическихъ условій переоцѣнили. Признали за ними исключительное и первостепенное значеніе, тогда какъ они условія второстепенныя, служебныя.

Упускаютъ изъ вида, что всему существуетъ мѣра, что имѣется физиологическій законъ, который можно формулировать такъ: количество матеріальныхъ наслажденій, или чувственно-тѣлесныхъ удовольствій, находится въ прямой зависимости отъ числа и строенія нашихъ органовъ чувствъ. Увеличить количество этихъ наслажденій нельзя потому, что нѣтъ возможности усилить возбудительности нашихъ нервовъ, отъ которыхъ зависятъ органы чувствъ. Возбудительность нервовъ очень незначительна, она колеблется „въ весьма тѣсныхъ границахъ, опредѣляемыхъ ихъ обычными возбудителями“ („Мозгъ и сердце“ проф. И. Ф. Ціона, 1873). Напримѣръ, наслажденіе пищею одинаково у питающихся мхомъ и сидящихъ за лукуловскимъ столомъ; одинаково пріятно дикой женщинѣ украсить себя ожерельемъ изъ раковинъ или изъ зубовъ дикихъ звѣрей и дамѣ нашего времени осыпать свой костюмъ брилліантами (ibid.). Отсюда видно, что кругъ матеріальныхъ наслажденій самъ

по себѣ очень ограниченъ; но мало того, замѣчена еще та особенность, что постоянное безпрепятственное удовлетвореніе ихъ неизбѣжно ведетъ къ пресыщенію; а съ пресыщеніемъ неразлучны скука, пустота, бѣдственное бытіе (*taedium vitae*).

Чтобы показать разницу между духовнымъ двигателемъ человека и матеріальнымъ, возьму такой примѣръ: пока Сѣверный полюсъ остается неизслѣдованнымъ, онъ является высоко-привлекательной силой для науки. Но когда купецъ пошлетъ туда свои суда за рыбой и начнется торговля, вся привлекательность Сѣвернаго полюса исчезнетъ.

Какой бы рецептъ человеческого счастья ни написали, но дабы онъ былъ годенъ, въ него должна входить составными частями радость для души и моральное здоровье. Моральное же здоровье въ свою очередь немислимо безъ хорошаго сердца, безъ хорошихъ чувствъ.

„Человѣкъ живетъ не имуществомъ, а тѣми чувствами, которыя его грѣютъ и оживляютъ“. Идея матеріальнаго благосостоянія получаетъ значеніе исключительно въ зависимости отъ тѣхъ чувствъ состраданія, любви, злобы, зависти, мести, которыя ее сопровождаютъ. (Н. Страховъ).

Матеріальная сторона жизни должна, слѣдовательно, оцѣниваться по той цѣнѣ, которой она служитъ. Если бы человѣкъ задался пріобрѣтеніемъ богатства только для безпутныхъ кутежей или, положимъ, для мести, то какая цѣна такому человѣку. Иное дѣло, если онъ положилъ облегчить участь страждущихъ, развивать образованіе, двигать науку.

Тутъ цѣль освящаетъ средство.

Цѣль часто забывается и само средство превращается въ эту цѣль: плоды въ подобныхъ случаяхъ бываютъ очень горьки.

Яркій примѣръ такого перепутыванья и перестановки понятій мы сами теперь переживаемъ.

Въ послѣднее время въ Россіи увлеклись политической борьбой, совершенно упустивъ изъ вида, для чего именно она ведется вообще и велась въ прежнее время.

Политическія формы управленія государствомъ мѣнялись не для самой переменъ, а въ культурныхъ цѣляхъ, въ цѣляхъ поднятія духовной и матеріальной энергіи общества, улучшенія условій нормальной и полезной жизни человѣка. У насъ эту цѣль потеряли изъ вида. Т.-е. у насъ забыли содержаніе ради формы, пожертвовали цѣлью ради средствъ, и потому политическая борьба не дала желаемыхъ результатовъ.

Все политическія формы и учрежденія суть лишь средства достигнуть идеала совершенствованія.

Избирательными правами, представительнымъ образомъ правленія, парламентаризмомъ, всеми этими мѣрами надо искать помощь требованіямъ и нуждамъ истинной культуры, надо желать содѣйствовать духовному росту человѣка, развитію общественной жизни.

У насъ думаютъ, что само по себѣ всеобщее избирательное право, или избраніе министровъ изъ членовъ парламента, свобода печати и собраний въ состояніи благодѣтельствовать страну. Стоитъ молъ

эти порядки завести и великій недочетъ въ государствѣ исправленъ. Нѣтъ, сами по себѣ эти формы не создадутъ еще ни матеріальнаго, ни духовнаго расцвѣта родины. Надо сумѣть этими формами толково и честно воспользоваться для культуры.

Это все равно, какъ въ одно время у насъ полагали, что достаточно выписать заграничныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и земледѣліе будетъ поднято, урожаи возрастутъ. Машина сама по себѣ хозяйства еще не исправитъ. Надо ее умѣло примѣнить къ дѣлу, сообразить ее съ условіями почвы, необходимо приложить трудъ къ ея правильному дѣйствію — тогда машина принесетъ большую пользу.

Вотъ чему учитъ исторія, вотъ что показываетъ наука. Вопреки урокамъ исторія и науки у насъ политика взяла верхъ надъ культурой.

Надо идти политической борьбой къ облагораженію человѣка, къ поднятію національныхъ достоинствъ, къ улучшенію духовной жизни. Нельзя приносить правды и науки въ жертву политическимъ кумирамъ, нельзя подчинять блага культуры партійнымъ интересамъ, нельзя знаніе и науку низводить до орудія и средствъ въ достиженіи политическихъ цѣлей. (С. Котляревскій. „Вопросы философіи и психологіи“. 1906 г. — Статя его „Политика и культура“).

Совершенно подобную же ошибку допустили въ экономической области нашей жизни. Забыли, что экономическія условія жизни нужны, какъ формы и средства для поднятія духовной культуры, нрав-

ственной стороны, душевной жизни. Материальная обстановка — сторона служебная. Она должна только служить подставкой, лестницей для достижения высших целей человеческой жизни. Безъ этого ея цѣнность незначительная. А то какая польза въ самой же пользѣ? спросилъ еще Лессингъ.

Движущими идеями въ жизни и исторіи являлись всегда только тѣ идеи, кои были въ состояніи насытить человеческое сердце, а не служить скоростнымъ желаніямъ людей. Мировыми идеями были: христіанство, давшее людямъ во вѣкъ несокрушимую правдивость, крестовые походы, въ основу коихъ легли вопросы религіи, а не утилитаризма, реформація, отстаивавшая независимость человеческой совѣсти и т. п.

Если бы евреи Марксъ, Энгельсъ, Лассаль и др. своей „экономической теоріей“ сохранили идеализмъ хотя бы подобный тому, который вносили С.-Симонъ, Фурье и другіе утописты, социализмъ имѣлъ бы бдлннй успѣхъ, поколебалъ бы, пожалуй, твердыни западной культуры. Теперь же социализмъ лишень правдиваго энтузіазма, въ виду того, онъ погрузъ въ типъ материализма.

Исторія свидѣтельствуетъ, что чѣмъ уровень идеализма выше въ жизни народа, чѣмъ движущихъ вліятельныхъ идей больше, тѣмъ болѣе проявляетъ народъ жизнелюбивости. Время паденія идеализма есть время ненормальной жизни, время упадка, разстройства. Вспомните исторію паденія западной римской имперіи, исторію французской революціи, возьмите еще въ примѣръ и переживаемый періодъ

русской исторіи. Вотъ почему опасны убыль идеализма, пренебреженіе идеями, оскудѣніе духа, убыль души, на что указывали Милль въ Англіи, К. Кавелинъ въ Россіи. Оба они, очевидно, помнили грозное предупрежденіе апостола Павла: „не угашайте духа!“

Въ наши дни потребность въ идеализмѣ опять является особенно насущной, чтобы противостоять высоко поднявшейся волнѣ эгоизма, меркантилизма, утилитаризма, социализма. Идеализмъ сохраняетъ равновѣсіе духа въ человѣкѣ среди тревоженій: идеализмъ — самая мощная духовная сила въ человѣкѣ, путеводная его звѣзда.

Общество, которое сторонится идеализма, лишено лучшей части жизни и похоже на калѣку. И слѣпые живутъ и даже нерѣдко благополучно и безболѣзненно, но это не настоящая и не полная жизнь.

Безъ идеализма не вѣтъ въ мірѣ

«..... мечты живой дыханье».

Надо поэтому пожелать наступленія скорѣе такого времени, когда у духовныхъ слѣпцовъ

«Померкшіи взоръ лучей и солнца спроситъ,
Усталый духъ *взлкаетъ* божества».

(Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ).

Будемъ вѣрить, что такое время скоро наступитъ.

„Вѣра въ будущее, — писалъ Герценъ, — наше благороднѣйшее право, наше неотъемлемое благо, вѣруя въ него, мы полны любви къ настоящему. И эта вѣра въ будущее спасетъ насъ въ тяжкія

минуты отъ отчаянія; и эта любовь къ настоящему будетъ жива благими дѣяніями“. Съ вѣры начинается все благое и плодотворное. „Всѣ вы, кто бы вы ни были, если хотите имѣть великія мысли и творить великія дѣла, — вѣрьте! — восклицала Викторъ Гюго. Живите вѣрой. Имѣйте вѣру религиозную, вѣру патріотическую, вѣру литературную. Вѣрьте въ человѣчество, въ геній, въ грядущее, въ себя!“

